

ISSN 2070-7568

НАУКА КРАСНОЯРЬЯ

Журнал основан в 2011 г.

№2(25)

2016

Главный редактор – **Е.Ю. Бобкова**

Шеф-редактор – **Я.А. Максимов**

Выпускающий редактор – **Н.А. Максимова**

Ответственный секретарь редакции – **К.А. Коробцева**

Заведующий отделом веб-работы – **Ю.В. Бяков**

Компьютерная верстка – **Р.В. Орлов**

KRASNOYARSK SCIENCE

Founded in 2011

№2(25)

2016

Editor-in-Chief – **E.Yu. Bobkova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editor – **N.A. Maksimova**

Executive Secretary – **K.A. Korobtseva**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Imposer – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016

Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016

Science and Innovation Center Publishing House

12+

НАУКА КРАСНОЯРЬЯ, №2(25), 2016, 274 с.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Красноярскому краю (свидетельство о регистрации от 10.08.2011 ПИ № ТУ 24-00430) и Международным центром ISSN (ISSN 2070-7568).

Журнал выходит шесть раз в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sciences@list.ru

<http://kras-science.ru/>

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94090, «СИБ-Пресса» – 94090

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

KRASNOYARSK SCIENCE, №2(25), 2016, 274 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № TU 24-00430) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2070-7568).

Krasnoyarsk Science is published 6 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sciences@list.ru

<http://kras-science.ru/>

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94090, «SIB-Press» – 94090

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Балуев Дмитрий Геннадьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного политического анализа и моделирования (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе (Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске)

Гаврилов Евгений Владимирович, LL.M. (магистр юриспруденции), эксперт юридического отдела экспертно-правового управления (Законодательное Собрание Красноярского края)

Гончарова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права (ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»)

Гриценко Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН)

Дресвянников Владимир Александрович, доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг» (Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ)

Еремин Алексей Роальдович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарёва)

Зиядова Дурья Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор по кафедре уголовного права и криминологии, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Дагестанский государственный университет)

Коокуева Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и финансов экономического факультета (Калмыцкий государственный университет)

Медведева Вероника Роммилевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры логистики и управления (Казанский национальный исследовательский технологический университет)

Минченко Татьяна Петровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук (Томский государственный педагогический университет)

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент по кафедре, профессор кафедры государственного управления и политологии (Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Никитин Юрий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного и муниципального управления (Институт правоведения и предпринимательства)

Орлинская Ольга Михайловна, кандидат политических наук, доцент, член методической комиссии Института международных отношений и мировой истории (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета (Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)

Разманова Светлана Валерьевна, кандидат экономических наук, доцент, начальник лаборатории экономической эффективности проектов разработки филиала ООО «Газпром ВНИИГАЗ» в г. Ухта (Ухтинский государственный технический университет)

Разовский Юрий Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций (Московский гуманитарный университет)

Салморбекова Рита Бобуевна, доктор социологических наук, доцент, и.о. профессора кафедры социологии (Киргизский национальный университет имени ЖусупаБаласагына)

Сербиновский Борис Юрьевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры системного анализа и управления факультета высоких технологий (Южный федеральный университет)

Фролов Даниил Петрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга (Волгоградский государственный университет)

Хасимова Лейсан Нафисовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО "Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов", доцент кафедры гражданского и предпринимательского права (Набережночелнинский институт ФГАОУ ВПО "Казанский (Приволжский) федеральный университет")

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Aleksey R. Eremin, Doctor of Laws, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law (Mordovia State University)

Arushan A. Vartumyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Science (Institute of service, tourism and design (branch) of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk)

Boris Yu. Serbinovskiy, Doctor of Economics, Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Professor of the Department of System Analysis and Management of the Faculty of High Technologies (Southern Federal University)

Daniil P. Frolov, Doctor of Economics, Professor, Head of Marketing Department (Volgograd State University)

Dmitry G. Baluev, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Political Analysis and Simulation (Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod)

Dureya Z. Ziyadova, Doctor of Laws, professor in the department of criminal law and criminology, professor of criminal law and criminology (Daghestan State University)

Evgeny V. Gavrilov, LL.M., Expert of the Legal Department of Expert-legal Management (Legislative Assembly of Krasnoyarsk Krai)

Galina D. Gritsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher (Institute of Socio-Economic and Humanities Research of the Southern Scientific Center, RAS)

Ilya L. Morozov, Doctor of Political Sciences, Ph.D., associate professor in the department, professor of government and politics (Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)

Leysan N. Khasimova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of History and teaching methods VPO "NaberezhnyeChelny Institute of socio-educational technologies and resources", Associate Professor of civil and business law (NaberezhnyeChelny Institute, Kazan (Volga) Federal University)

Natalya N. Goncharova, Candidate of Law (Ph.D.), Associate Professor of International and European Law (Institute of Economics, Management and Law (Kazan))

Nazir T. Razgeldeev, Doctor of Laws, professor, head of the criminal, Environmental Law and Criminology, Faculty of Law (Saratov State University)

Olga M. Orlinskaya, Candidate of Political Sciences (Ph.D.), Associate Professor, member of the methodical commission of the Institute of International Relations and World History (Nizhny Novgorod State University)

Rita B. Salmorbekova, Doctor of Sociology, Assistant Professor, professor of sociology (Kyrgyz National University named after ZhusupBalasagyn)

Svetlana V. Razmanova, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Head of Laboratory of the economic efficiency of development projects of the branch "Gazprom VNIIGAZ" in Ukhta (Ukhta State Technical University)

Tatyana P. Minchenko, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences (Tomsk State Pedagogical University)

Veronika R. Medvedeva, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of Logistics and Management (Kazan State Technological University)

Viktoriya V. Kookueva, Candidate of Economics (Ph.D.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Finance, Faculty of Economics (Kalmyk State University)

Vladimir A. Dresvyannikov, Doctor of Economics, Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of Management (Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yury A. Nikitin, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration (Institute of Law and Enterprise)

Yury V. Razovsky, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of the theory of advertising and mass communications (Moscow University for the Humanities)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

STATE AND LAW

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-8-22

УДК 343.622

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Говенко Ю.А., Таболова Э.С.

Преступления против жизни резко отличаются от иных видов преступлений характером общественной опасности: они приводят к наступлению таких последствий, которые не поддаются восстановлению или возмещению – утрата жизни необратима.

В статье проведено исследование уголовно-правовой охраны жизни новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) при смягчающих обстоятельствах и проблемы совершенствования уголовного законодательства, а реализация предложений, направленных на совершенствование законодательства, обеспечит неотвратимость уголовной ответственности матерей, лишивших жизни своих новорожденных детей, а также дифференциацию уголовного преследования женщин, у которых цель избавиться от ребенка сформировалась задолго до родов, а само убийство явилось хладнокровно спланированным актом, и рожениц, лишивших жизни новорожденного, находясь в психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Цель – заключается в анализе действующего законодательства и правоприменительной практики в области защиты права на жизнь новорожденного.

Методологической основой статьи является диалектико-материалистический метод познания и производный от него комплексный подход, включающий элементы системно-информационного анализа.

Результаты полученные при исследовании направлены на практическое применение в сфере защиты жизни новорожденного.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять для совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: *преступления против жизни и здоровья; смерть; новорожденный; возраст; детоубийство.*

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF LIFE OF A NEWBORN BABY

Govenko Y.A., Tabolova E.S.

Crimes against life are very different from other types of crime by being a public danger: they lead to such consequences that cannot be repaired or reimbursed – the loss of life is irreversible. The harm is not limited only by the fact of death and hard moral consequences to relatives, but the state and society are also damaged because relatives lose help and society and state lose labor contribution of the citizen. That's why Art.20 of Constitution of Russia allows death penalty for the most serious crimes against life as an exceptional measure of punishment (it includes Ch.2 Art 105 of Criminal Code of the Russian Federation). This article made a research of the criminal law protection of the newborn child's life (Art.106 of the CC of RF) under mitigating circumstances and the problems of improving the criminal legislation, and realization of proposals aiming the improving of the criminal legislation will provide certainty of criminal responsibility for mothers who kill their newborn children; and also the differentiation of the criminal prosecution for women who decided to get rid of the child long before birth, and the murder itself was calmly planned

act; and those women who killed their newborn children being in a traumatic situation or in a state of mental disorder not excluding sanity.

The goal is to analyze the current legislation of law enforcement in the field of protection of the right to life of the newborn.

The methodological basis of the article is the dialectic-materialistical method of cognition and comprehensive approach derived from it including elements of a system-information analysis.

The results obtained during research are focused on practical application in the field of protection of newborn life.

Application of results: the results are useful for improving the criminal legislation.

Keywords: *crimes against life and health; death; newborn; age; infanticide.*

Жизнь человека представляет собой важнейшее, от природы данное благо, основополагающую социальную ценность и понимается как период существования человека, его физиологическое состояние от момента рождения до смерти.

Согласно Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 19 декабря 1966 г. в Нью-Йорке, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конституция России: право на жизнь – естественное, личное право человека и никто не может быть намеренно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом, при условии строгого соблюдения принципа законности. Не противоречит смыслу данной Конвенции лишение жизни человека в целях защиты любого лица от противоправного насилия; для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях; для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа [1, с. 89].

Согласно принципу равенства граждан перед законом (ст.4 УК РФ), жизнь человека подлежит охране, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положе-

ния, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Таким образом, потерпевший в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 105–110 УК РФ, является, как правило, общим – любой человек с момента рождения. Вместе с тем, встречаются отдельные составы преступлений, в которых упоминается специальный потерпевший. Иными словами, потерпевшим здесь может быть не любой человек, а лишь тот, который обладает вполне конкретными, специальными признаками. Так, например, в п. «г» ч.2 ст.105 УК РФ специальным потерпевшим является женщина, заведомо для виновного находящаяся в состоянии беременности; в ст.106 УК РФ – новорожденный.

Вид убийства как убийство матерью новорожденного ребенка, и возможности правовых и социальных мер по профилактике этих тяжких общественно опасных деяний, причины совершения убийства матерью новорожденного ребенка, были предметом изучения и зарубежных ученых и криминологическая характеристика женщин-детоубийц, даваемая ими схожа с данными отечественных ученых [12, 13, 14].

Есть интересное мнение австрийских ученых Х. Финлей и Дж. Сихомбинг которые считают матерью ребенка, рожденного в результате имплантации эмбриона, женщину, родившую его только в том случае, если яйцеклетка была взята из ее организма. По их мнению, если же яйцеклетка взята из организма другой женщины, то матерью считается женщина, давшая яйцеклетку и имеющая с ребенком биологическую связь, а женщина, которая рожает, считается лишь своего рода инкубатором [15. с. 109].

С позиции уголовного права, охрана жизни человека неотделима от констатации двух юридически значимых моментов времени: момента начала жизни и момента ее окончания. Согласно наиболее распространенному в литературе мнению, начало уголовно-правовой охраны жизни связывается с моментом начала физиологических родов и появлением вне утробы матери какой-либо части тела ребенка. В то же время, существуют по этому поводу и другие точки зрения. Так, А.Н. Красиков полагает, что

начальным моментом жизни человека следует считать полное изгнание продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности при условии, что плод после этого проявляет признаки жизни [2, с. 2]. Н.В. Лысак моментом начала жизни ребенка считает период полного его «освобождения из организма матери, независимо от того, перерезана ли пуповина и отделилась ли плацента» [3, с. 44]. По мнению же А.Н. Попова, уголовно-правовая охрана жизни (вне зависимости от факта родов) должна осуществляться не позднее того момента, когда ребенок готов к продолжению жизни вне утробы матери, когда возможны преждевременные роды, т.е. при сроке беременности свыше 22 недель [4, с. 242]. Мы солидарны с А.Н. Поповым в том, что момент начала уголовно-правовой охраны жизни следовало бы перенести на более раннюю стадию; в то же время, как уже отмечали, эта точка зрения сегодня не поддержана не только правоприменительной практикой, но и большинством ученых.

Согласно достижениям современной медицины, концом жизни человека признается наступление биологической смерти, когда, вслед за остановкой сердца, происходят необратимые процессы распада клеток коры головного мозга. Именно такое положение содержится в ст.9 Закона РФ от 22 декабря 1992г. №4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

По вопросу определения момента смерти человека существует Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации а также приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 4 марта 2003г. №73 «Об утверждении инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий», который лишь подтверждает сложившуюся в теории уголовного права и действующем законодательстве точку зрения. Согласно этому документу, констатация смерти человека возможна в двух случаях: в случае смерти мозга или в случае биологической смерти человека. Биологическая смерть, в свою очередь, устанавливается на основании наличия трупных измене-

ний (ранние признаки, поздние признаки), которые носят постоянный, необратимый, трупный характер. Диагноз – смерть мозга – устанавливается в учреждениях здравоохранения, имеющих необходимые условия для констатации смерти мозга (больницы, госпитали).

Остановка сердца еще не может однозначно указывать на наступление смерти. Современное состояние медицины таково, что «оживить» сердце можно и через несколько часов после его остановки. Более того, можно даже пересадить реципиенту сердце донора, поддерживая в ходе операции жизнедеятельность организма реципиента с помощью специальной аппаратуры. Кора головного мозга при обычных условиях гибнет через 5–7 минут после прекращения работы сердца. Одновременно со смертью человека прекращаются и общественные отношения по охране его личности. Вместе с тем серьезная медико-правовая и этическая проблема состоит в том, считать ли умершим человека, получившего значительные необратимые повреждения головного мозга и находящегося в состоянии комы, если заведомо ясно, что никакие реанимационные меры не приведут к его естественному (без аппарата «сердце-легкие») существованию.

В том случае, если действия виновного субъективно направлены на лишение «жизни» уже умершего (например, выстрел в труп), они должны рассматриваться с позиции учения об ошибке в уголовном праве и квалифицироваться как покушение на убийство. Смерть потерпевшему в данном случае причинить невозможно, но действия лица все же представляют общественную опасность, поскольку последствия не наступают по не зависящим от этого лица причинам.

Вид убийства как убийство матерью новорожденного ребенка (ст.106 УК РФ) при смягчающих обстоятельствах не является новым для отечественного уголовного законодательства, хотя он не был известен законодательству России советского периода: УК РСФСР рассматривал такое деяние как убийство без смягчающих иотягчающих обстоятельств (ст.103). Законодатель Австрии, Польши, Швейцарии относит убийство матерью новорожденного ребенка к числу составов со смягчающими об-

стоятельствами [8, 9, 10]. В качестве привилегирующего обстоятельства берется влияние самого процесса родов на психофизиологическое состояние роженицы.

Дадим квалификацию данному составу, объективная сторона деяния предусматривает умерщвление матерью ее ребенка, признаваемого новорожденным.

Определяющим и одновременно самым спорным понятием в данном составе преступления является понятие потерпевшего, т.е. новорожденного. В педиатрии новорожденным признается младенец с момента констатации живорожденности до месячного возраста; в акушерстве длительность периода новорожденности равна одной неделе; в судебной медицине – одним суткам. Некоторые авторы иногда говорят о том, что понятие новорожденного не подлежит точной оценке и зависит от особенностей, объективных составляющих состава преступления и специфики его субъекта. Следует признать справедливой ошибочность таких представлений, поскольку ребенок представляет собой самостоятельное существо, наличие или отсутствие которого нельзя ставить в зависимость от сторонних факторов. Поэтому, по нашему мнению, новорожденным следует признать ребенка с момента начала физиологических родов в течение нескольких часов после них. Точное количество времени, в течение которого ребенок признается новорожденным, следовало бы указать в постановлении ПВС РФ по делам об убийстве.

Особенностью конструкции этого состава является связь убийства матерью новорожденного ребенка со специфическими объективными и субъективными факторами, наличие которых и позволяет рассматривать умышленное причинение смерти убийством при смягчающих обстоятельствах: во-первых, с моментом причинения смерти – во время или сразу же после родов; во-вторых, с обстановкой ее причинения – в условиях психотравмирующей ситуации; в-третьих, со степенью психического здоровья матери – с наличием у нее психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Убийство во время родов означает умерщвление новорожденного в период с момента начала процесса физиологических родов до изгнания последа. Таким образом, убийство до начала физиологических родов невозможно. В то же время, А.Н. Попов высказывает иное мнение, согласно которому умерщвление жизнеспособного плода еще в утробе матери при сроке беременности свыше 22 недель также должно признаваться убийством. В подтверждение своей позиции автор приводит следующий пример из зарубежной судебной практики: в Канаде женщина родила мальчика, состояние которого стало ухудшаться уже на следующий день. Осмотрев его, врачи обнаружили и извлекли из его головы свинцовую пулю. Позднее роженица призналась, что за два дня до родов, вложив дуло пневматического пистолета во влагалище, произвела в себя выстрел [4]. Такая позиция нам представляется не лишенной логики, хотя она и не подкреплена в настоящий момент законодательно.

Период, который обозначен в законе выражением «сразу же после родов», также не нашел единообразного понимания со стороны исследователей. Однако, по мнению некоторых из них, если мать начала кормить ребенка, то этот период следует считать завершенным. На наш взгляд, этот временной отрезок не может быть продолжительным и должен ограничиваться несколькими часами после изгнания последа (плаценты). Последний представляет собой детское место, орган связи зародыша человека с телом матери. В плаценту входят как кровеносные сосуды материнского организма, так и сосуды зародыша, через которые происходит обмен питательных веществ и кислорода (к зародышу), а также продуктов выделения (от зародыша).

Самостоятельное значение закон придает наличию психотравмирующей ситуации. Последняя должна возникнуть в непосредственной связи с беременностью, процессом родов, будущей судьбой матери или ребенка (например, с психологической «травлей» женщины родственниками, с категорическим отказом отца ребенка признать его своим) [16].

Наконец, третья разновидность убийства новорожденного тесно связана с особенностями субъекта преступления – матери, у которой должно

быть установлено наличие психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Деяние, которым новорожденному ребенку причиняется смерть, может носить самый различный характер. Например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку; удушение его после отделения от тела матери; помещение в условия, исключающие жизнедеятельность; отказ от кормления и т.д. [16].

С субъективной стороны данное преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Преступление предполагает наличие специального субъекта – мать новорожденного ребенка, достигшая шестнадцати лет. В судебно-следственной практике может возникать вопрос об ответственности матери, которая не достигла 16 лет. В уголовном законодательстве отдельных государств возрастная граница субъекта преступления по данному составу снижена до 12–13 лет (Израиль, Франция) [6, 7].

Актуальность этой проблемы проявляется в том, что, во-первых, фактически родить ребенка может девочка в возрасте 12–13 лет, а, во-вторых, уголовная ответственность за убийство по общей норме (ст.105 УК РФ) наступает уже с 14 лет.

Некоторые авторы действительно полагают, что девочка, достигшая 14 лет и совершившая детоубийство, должна отвечать на основании ст.105 УК РФ. Так, по мнению профессора С.Ф. Милюкова, уголовная ответственность в данном случае должна наступать по ч.1 ст.105 УК РФ [5, с. 10]. Более того, некоторые авторы считают возможным квалифицировать детоубийство, совершенное матерью, не достигшей 16 лет, как преступление, подлежащее квалификации по ч.2 ст.105 УК РФ.

По нашему мнению, такие рекомендации не основаны на законе, поскольку в данном случае речь идет о конкуренции привилегированного и квалифицированного составов преступлений. В том случае, если лицо не может быть привлечено к ответственности на основании привилегированного состава лишь в следствии не достижения субъектом соответству-

ющего возраста, то оно тем более не может привлекаться за совершенное им деяние на основании основного или квалифицированного составов.

Разумное разрешение этой проблемы, возможно, находится в рамках вопроса о снижении возраста уголовной ответственности за данное преступление до 14 лет.

В теории юридической психологии [11, с. 53] устоялось мнение о том, что при установлении минимального возраста уголовной ответственности за основу должны быть взяты:

- определенная степень социализации личности;
- способность несовершеннолетнего к виновной ответственности;
- способность к адекватному восприятию наказания.

Из вышесказанного можно сделать следующие предложения и выводы.

1. В соответствие с положениями ст. 17 Гражданского кодекса РФ, способность гражданина иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) возникает в момент его рождения и признается в равной мере за всеми гражданами.

В п. «а» ст. 11 Федерального закона от 31.05.2002 N 62-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О гражданстве Российской Федерации» указано, что гражданство Российской Федерации приобретается по рождению.

Следовательно, в системе российского законодательства возникновение человека как социальной сущности также определено моментом его рождения.

Исходя из вышеизложенного, введение законодателем в уголовную норму – ст. 106 УК специального объекта преступного посягательства – жизнь новорожденного ребенка, по мнению авторов статьи, не соответствует положениям ст. 2 УК РФ, в которой указано, что первоочередной задачей уголовного закона является охрана прав и свобод человека и гражданина.

2. Кроме того, при расследовании и судебном рассмотрении дел данной категории [16] возникают сложности с правильным определением понятия «новорожденный ребенок».

В Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года сказано, что ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее.

Понятия «новорожденный ребенок» в системе права, за исключением рассматриваемой нормы, не существует. В уголовном законе также отсутствует и определения возраста «новорожденности». Следует признать, что понятие «новорожденный ребенок» является медицинским, а не юридическим критерием.

3. Вряд ли можно говорить о том, что убийство новорожденного, менее общественно опасно, чем убийство двухмесячного младенца.

Само введение в уголовный закон специального объекта преступного посягательства – жизнь новорожденного, носит дискриминационный характер, что означает любое различие, исключение или предпочтение, которое отрицает или умаляет равное осуществление и защиту прав.

4. Особого внимания заслуживает также и то обстоятельство, что при сравнительно невысоком официальном уровне преступности по данной категории дел, латентный уровень значительно превышает официальные данные, так как в большинстве случаев матери, убивающие своих детей, тщательно скрывают беременность, не встают на учет в медицинские учреждения, а после совершенного убийства ребенка также тщательно скрывают его труп, что делает невозможным выявление совершенного преступления.

Смягчение уголовной ответственности возможно лишь при заключении психолого-психиатрической экспертизы о таком состоянии матери в момент убийства, которое свидетельствует о психологической травме, связанной с родами.

5. При анализе статистических сведений, представленных Управлением по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации для социального проекта «Колыбель надежды»

и статистики МВД РФ по инфантициду (ст. 106 УК РФ), можно сделать вывод, что наказание осужденным в среднем 1,5–2,5 года в виде лишения свободы условно [16].

Санкцию же данной нормы следует также изменить путем увеличения срока лишения свободы до шести лет, тем самым подняв категорию данного преступления до тяжкого.

Общее основание считать данное деяние менее опасным (привилегированным) видом убийства состоит в том, что беременность (тем более нежелательная) оказывает весьма неблагоприятное воздействие на психику женщины, но тем не менее узаконенным оправданием жестокого отношения к самым слабым и незащищенным лицам-новорожденным.

Список литературы

1. Говенко Ю.А. Казнить нельзя помиловать (право поставить запятую есть у каждого) // Инновационная наука. №4. 2015. ч. 3. С. 89–97.
2. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. 174 с.
3. Лысак М.Н. Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка: Историко-правовой анализ // Семейное право. 2004. № 2. С. 44–47.
4. Попов А.Н. Убийства приотягчающих обстоятельствах. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 898 с.
5. Милюков С.Ф. О некоторых аспектах борьбы с преступностью в России // В кн.: Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правонарушительной практики // Межвуз. сб. научи, тр. Вып.5. Красноярск.: Сиб. юр.инт. МВД России. 2002. С. 3–18.
6. Уголовный кодекс Израиля [Электронный ресурс]. URL: <http://crimpravo.ru/codecs/izr/2.pdf>
7. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1406937>
8. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс]. URL: http://www.polskieustawy.com/act_index.php?act=KK

9. Уголовный кодекс Швеции [Электр. ресурс]. URL: http://www.sweden4rus.ru/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii (дата обращения: 10.11.2015).
10. Уголовный кодекс Австрии. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 352 с.
11. Таболова Э.С. Толерантность как условие оптимального общественного саморегулирования // Новый университет. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 5. С. 52–56.
12. Manchester J. Beyond Accommodation: Reconstructing the Insanity Defense to Provide an Adequate Remedy for Postpartum Psychotic Women. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2003. Vol. 93. Is. 2, pp. 713–752.
13. Oberman M. Understanding Infanticide in Context: Mothers Who Kill, 1870–1930 and Today. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2002. Vol. 92. Is. 3, pp. 707–737.
14. Phipps Ch.A. Responding to Child Homicide: A Statutory Proposal. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1999. Vol. 89. Is. 2, pp. 535–613.
15. Richard B. Protection of Vulnerable Newborn Children: A Holistic Approach. 2009. 13 p.
16. Finlay, H. Family planning and the Law / H. Finlay, J. Sihombing. Sydney, 1978. P. 109.
17. <http://www.sledcom.ru/news/92603-96373.html>

References

1. Govenko Yu.A. *Innovatsionnaya nauka*. №4. 2015. Part 3, pp. 89–97.
2. Krasikov A.N. *Ugolovno-pravovaya okhrana prav i svobod cheloveka v Rossii* [Criminal legal protection of human rights and freedoms in Russia]. Saratov, 1996. 174 p.
3. Lysak M.N. *Semeynoe pravo*. 2004. № 2, pp. 44–47.
4. Popov A.N. *Ubiystva pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Aggravated murder]. SPb., 2003. 898 p.
5. Milyukov S.F. *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravonarushitel'noy praktiki* [Actual problems of the theory of crime and contraventional practice]. Issue 5. Krasnoyarsk, 2002, pp. 3–18.

6. *Ugolovnyy kodeks Izrailya* [The Israeli Penal Code]. <http://crimpravo.ru/codecs/izr/2.pdf>
7. *Ugolovnyy kodeks Frantsii* [The Criminal Code of France]. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1406937>
8. *Ugolovnyy kodeks Respubliki Pol'sha* [The Criminal Code of the Republic of Poland]. http://www.polskieustawy.com/act_index.php?act=KK
9. *Ugolovnyy kodeks Shvetsii* [The Swedish Penal Code]. http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/ugolovnyj_kodeks_shvecii
10. *Ugolovnyy kodeks Avstrii* [The Austrian Penal Code]. SPb., 2004. 352 p.
11. Tabolova E.S. *Novyy universitet. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*. 2015. № 5, pp. 52–56.
12. Manchester J. Beyond Accommodation: Reconstructing the Insanity Defense to Provide an Adequate Remedy for Postpartum Psychotic Women. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2003. Vol. 93. Is. 2, pp. 713–752.
13. Oberman M. Understanding Infanticide in Context: Mothers Who Kill, 1870–1930 and Today. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2002. Vol. 92. Is. 3, pp. 707–737.
14. Phipps Ch.A. Responding to Child Homicide: A Statutory Proposal. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1999. Vol. 89. Is. 2, pp. 535–613.
15. Richard B. Protection of Vulnerable Newborn Children: A Holistic Approach. 2009. 13 p.
16. Finlay, H. *Family planning and the Law* / H. Finlay, J. Sihombing. Sydney, 1978. R. 109.
17. <http://www.sledcom.ru/news/92603-96373.html>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Говенко Юрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент

СКФ БГТУ им. В.Г. Шухова

ул. Железноводская, 24, г. Минеральные Воды, Ставропольский край, 357202, Российская Федерация

kirsankir05@mail.ru

Таболова Элита Солтановна, кандидат педагогических наук, доцент

СКФ БГТУ им. В.Г. Шухова

ул. Железноводская, 24, г. Минеральные Воды, Ставропольский край, 357202, Российская Федерация

kirsankir05@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Govenko Yuri Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Belgorod state technological University, North-Caucasian branch

24, Zheleznovodskaya St., Mineralnye Vody, 357202, Russian Federation

kirsankir05@mail.ru

Tabolova Elite Soltanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Belgorod state technological University, North-Caucasian branch

24, Zheleznovodskaya St., Mineralnye Vody, 357202, Russian Federation

kirsankir05@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-23-34
УДК 34 (517.3)

РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ

Дугарова С.Ж.

Антрополого-правовые исследования института брака и семьи, обращенные к вопросу об источниках и форме брачно-семейного права, характеризуются противоречивыми выводами. В научной литературе споры между учеными разрешаются уточнением их взглядов на теорию обычного права.

В статье анализируется институт брака и семьи по обычному праву средневековой Монголии. В традиционном монгольском обществе устные нормы обычного права, определявшие основы социального устройства, отражавшие мировоззренческие устои кочевников, не подвергались изменениям даже в эпоху больших перемен. Обычное право монголов, регулировавшее важную сферу общества – брачно-семейные отношения, ревностно оберегалось обществом и государством. Письменная фиксация брачно-семейных норм в средневековом монгольском законодательстве была вызвана исключительными обстоятельствами. Властные веления кочевого государства имели целью либо закрепить социальные преобразования в обществе в интересах государства, либо отстаивать социальные ценности, которые в новых условиях девальвировались.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о закономерностях и особенностях эволюции института брака и семьи по обычному праву монголов как составной части права и правовой системы монгольского государства.

Цель – анализ института брака и семьи в средневековом монгольском обществе по обычному праву монголов.

Методология: сопоставительный метод, догматический метод (анalogии, анализа, синтеза).

Результаты: дана характеристика степени разработанности и обоснованности выдвигаемых в научной литературе положений по вопросам истории брачно-семейного права средневековой Монголии.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории кочевых народов, по истории монгольского государства и права.

Ключевые слова: обычное право; институт брака; семья; средневековая Монголия.

THE REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MEDIEVAL MONGOLIA

Dugarova S. Zh.

Legal anthropology studies of the institution of marriage and family focusing on sources and form of matrimonial law have featured conflicting conclusions. In scientific literature the disputes among researchers are settled by defining one's views on the theory of customary law. The article contains analysis of institution of marriage and family under customary law of medieval Mongolia. In traditional Mongolian society the oral rules of customary law that defined the foundations of social order and reflected the nomads' world view were never altered, even in the era of big changes. Customary law that regulated such an important part of society as matrimonial relations was eagerly protected by society and the state. Written records of matrimonial norms were caused by exceptional circumstances. Dictations of the nomadic state were intended whether to anchor social reformations for the benefit of the state or to defend the social values depreciated by new environment. The analysis

allowed to conclude consistency and features peculiar to marriage and family evolution under Mongolian customary law as part of law and the legal system of the Mongolian state.

Purpose: to analyze the institution of marriage and family of medieval Mongolia under Mongolian customary law.

Methodology: the comparative method, the dogmatic method: analogy, analysis, synthesis.

Results: the characteristics of the development and validity degree of statements on the history of marriage and family law of medieval Mongolia put forward in the scientific literature.

Application of results: the results obtained can be used in the preparation of general works on the history of nomadic nations and the history of the Mongolian state and law.

Keywords: *customary law; institution of marriage; family; medieval Mongolia.*

Основным источником брачно-семейного права в монгольском средневековом обществе был правовой обычай. Обычное право, согласно сложившемуся в научной литературе мнению, устанавливало порядок, условия заключения и расторжения брака, регулировало личные и имущественные отношения супругов, родителей и детей, положение родственников, определяло основания и степень ответственности за нарушение норм брачно-семейного права. Вместе с тем данный постулат требует в свете новых исследований принципиальных пояснений.

Общеизвестно, что брачно-семейное право, как совокупность правовых норм, регулирующих права и обязанности мужчины и женщины, вступивших в брачные отношения, образовавших семью, с целью рождения и воспитания детей, являются наиболее древними социальными нормами. Брачно-семейное право носит значимый в целом для права характер, именно нормы данной отрасли права дают объективную характеристику юридического быта традиционного общества. На наш взгляд определение брачно-се-

мейных норм периода средневековья как норм обычного права, верно. При этом в современной науке нет единства среди ученых по вопросу о сущности обычного права, отдельные авторы не признают одинаковую юридическую силу норм обычного права и норм законодательства. Выводы исследователей института брака и семьи отличаются противоречивостью [9, с. 6]. Споры между исследователями во многом разрешаются уточнением их взглядов на теорию обычного права. Если советская школа права определяла обычное право как доправовой феномен, как совокупность санкционированных государством обычаев, то в настоящее время в новейших антропологических исследованиях обычное право признано правовым явлением. В современной юридической научной и учебной литературе обычное право определяется одним из важнейших источников или форм права [3, с. 43]. В отличие от нормативно-правового акта, в форме которого облекается воля законодателя, и закрепляются изменения в содержание нормы права, обычное право формируется общественной практикой и фиксируется в законодательстве как общеизвестное, в силу чего общеобязательное правило.

В средневековой Монголии нормы, регулировавшие брачно-семейные отношения с древнейших времен, определявшие основы кочевого общества не были облечены в письменную форму. Традиции были очень крепкими, такие нормы отличались своей статичностью, находились под властной опекой государства, оберегались самим обществом [2, с. 102]. Этим объясняется политика невмешательства монгольских хаганов в сферу брачно-семейных отношений не только в своем отечестве, но и в чужих завоеванных кочевниками землях. Брачно-семейные правила существуют как устная традиция, уходящая очень глубоко в обыденное сознание народа, отражает его мировоззренческие основы, устои социального бытия, потому сохраняли свойство неизменности даже в эпоху перемен. Письменное закрепление с целью принудительного изменения традиционных норм становится необходимостью в результате объективного развития общества. Поэтому в средневековом монгольском законодательстве присутствие брачно-семейных норм вызвано такими особыми обстоятельствами. Прин-

ципиально важно осознавать, что хаганы, олицетворявшие верховную власть в кочевом государстве, реализуя законодательную функцию, вносят изменения в содержание норм обычного права для социальных преобразований в интересах государства, а иногда, как явствуют источники, стремясь отстоять вековые социальные традиции, которые в новых исторических условиях обесценивались. Приведем соответствующие примеры, которые демонстрируют такой смысловой ряд правотворческих нововведений.

Так, следует признать новеллой в правовом регулировании имущественных отношений норму «Их цааз», монголо-ойратского уложения, датированного 1640 годом об обязанности отца совершить выдел в отношении совершеннолетнего сына [11, с. 16]. В данном случае изменения в обычном праве продиктованы фискальными интересами государства, имели целью ускорить процесс разрушения патриархальной семьи. Такой же новеллой в обычном праве является законодательное установление размера калыма, который должен быть уплачен в случае сватовства девицы из знаменитого рода.

Летописные источники содержат сведения о таких особенностях брачно-семейных отношений монголов как многоженство, экзогамия, свидетельствуют и о положении жен в семье, об их взаимоотношениях с родственниками мужа, о положении наложниц, судьбе внебрачных, усыновленных и удочеренных детей. Летописи свидетельствуют о праве хагана и нойонов распоряжаться брачной судьбой женщин, выдавая их замуж в чужой род, с целью установления особых отношений, обязанности зависимых людей ежегодно показывать своих дочерей своим повелителям [5, с. 215].

Отдельные институты брачно-семейного права монголов, получившие отражение в «Сокровенном сказании монголов» стали объектом исследования ученых, которые в результате острых дискуссий пришли к разным выводам. Например, похищение (умыкание) невесты, известный монголам с древних времен как способ заключения брака, русским цивилистом В.А. Рязановским определяется как условие перехода от группового брака к индивидуальному обладанию [6, с. 11]. Это заключение сделано ученым в соответствии с распространенной в начале XX века теории, согласно ко-

торой первоначально в обществе складывается групповой брак, который со временем уступает место моногамному браку, с повсеместным распространением церковной организации и миссионерства, норм канонического права. Считалось, что в эпоху родового строя брак был групповым, то есть всем братьям принадлежат их общие жены [10, с. 32]. В основу таких представлений, первоначально выдвинутых, в том числе, Ф. Энгельсом, были положены исследования Л.Г. Моргана о системе родства североамериканских индейцев, в частности о том, что дети в индейских племенах называют матерью не только родившую их женщину, но всех женщин, которые состоят в браке с братьями их отцов [4, с. 92].

Отметим, что в свете современных исследований, учеными дается иное объяснение происхождения института похищения невесты. Следует согласиться с выводами исследователей о том, что брак с самого начала социального развития существовал как строгая моногамия. А в условиях господства родового строя основывался на браке по обмену, то есть по существу являлся кроскузенным браком, когда брак заключался с представителем строго определенной родовой общины, составлявшей вместе с общиной жениха дуальную организацию. На начальных этапах разложения дуальной родовой организации и создания фратрий, брак по обмену постепенно вытесняется браком по договору. Суть калымного брака первоначально заключалась в необходимости уплаты компенсации за отказ дуальной общины от мести, а сам обряд принимал форму псевдоумыкания невесты. Безусловно, это отражало фактические события, которые впоследствии закреплялись как формы, так называемого явления нормативности сущего [8, с. 90]. В «Сокровенном сказании монголов» много сведений, отражающих переходную форму от кроскузенного брака к калымному браку, которые ждут теоретического анализа [13, с. 1347]. Таким образом, распространенное ранее в науке суждение о браке - похищении невесты, как о переходной форме от группового брака к моногамному, следует признать несостоятельным.

Требует пояснения утверждение П. Рачневского об отсутствии у монголов в рассматриваемый период времени правовых норм о браке и семье.

П. Рачневский, говоря об отсутствии писаных законов о браке и семье, не рассматривает обычное право монголов как правовой феномен, с равной силой законодательного акта [14, с. 471–487].

Монгольские исследователи отмечают, что был известен обычай преподносить свою дочь или жену в дар [6, с. 169]. Рассматривая этот обычай, нужно иметь в виду, что в дар своих детей и принадлежавших им жен, преподносили только зависимые люди и только владельческим персонам, в надежде на какие-то не известные нам преференции. Эти сведения отражают, безусловно, зависимые или неравные отношения людей, то есть произвол, но не право. В.А. Рязановский, ссылаясь на сведения Макризи, обращал внимание на норму, определяя ее как статью Великой Ясы, об обязанности подвластных людей ежегодно приводить дочерей на показы нойонам [7, с. 52]. Следует отметить, что данная норма также отражает содержание зависимых сеньоральных отношений.

Некоторые авторы обращают внимание на сведения, почерпнутые из «Сборника летописей» о расправе Угэдэй-хана, учиненной над ойратскими племенами за их своеволие. Ойраты установили на территории собственных аймаков порядок, согласно которому выдавали дочерей замуж только за жителей данного аймака. Это стало известно Угэдэй-хану, который дал указание проверить данный факт. После хаган издал указ, предписывавший собрать всех женщин ойратских аймаков, старше 7 лет, выданных ранее замуж. Во исполнение указа хагана всего собрали более четырех тысяч девочек, из числа которых дочерей зависимых людей по приказу хана вернули мужчинам данной земли. Оставшихся женщин высокого происхождения, разделили на две группы по возрастному критерию, взрослых отправили во дворец хана. Часть женщин была отдана охотникам, простым жителям, дворцовым слугам. При этом отцы, братья, мужья не могли противиться решению хана и оставались лишь молчаливыми свидетелями исполнения приказа хана [5, с. 93–94]. По указу хана брачный возраст для женщин устанавливался в 7 лет, по достижении которого можно было выдавать замуж. Браки, противные указам хагана, признавались не действительными.

В приведенном фрагменте отметим следующие моменты. Первый, основной брака у монголов, как у всех кочевников, была строгая экзогамия, по монгольским традициям выдавать замуж девицу можно только в чужой род. Внутриродовые браки повсеместно рассматривались как нарушение основополагающего принципа института брака. Именно поэтому монголы обязывали каждого человека знать свою родословную до девятой степени. В случае бракосочетания людей, состоявших в родстве (до 7 колена), брак признавался недействительным. Гипотеза о суровых последствиях за нарушение экзогамии подтверждается приведенными выше отрывками из Сборника летописей Рашид-ад-Дина. Этим объясняется унижительное согласие ойратов с возмездием, обрушившимся на них по указу Угэдэй хана. Второй момент, что дочерей зависимых людей вернули ойратам, а собственных детей ойратов, в назидание подвергли неслыханному унижению. Можно предположить, что суть преподнесенного ойратам урока, заключался в том, что ни один из народов не мог считать себя выше или исключительней других, что могло быть выражено в запрете вступать в брак.

Всеми без исключения исследователями отмечается полигамный характер брака [8, с. 95]. Большинство из них рассматривают полигамию, как традиционный институт семейного права [15, pp. 87–89]. Возражая данному утверждению, заметим, что обычное право монголов всеми своими специфическими средствами правового регулирования стоит на защите моногамии. Муж имел право жениться во второй раз только при условии отсутствия детей либо при рождении только дочерей. Обычное право в случае бездетности признавало право мужа взять и третью жену. При этом обычное право запрещало вступать в брак более трех, если даже не было детей и в третьем браке, что свидетельствует о неодобрении обществом факта многоженства. Однако право мужчины взять вторую жену при условии бездетности, указывает на то, что целью брака являлось рождение и воспитание детей. Обращает внимание норма обычного права монголов, запрещавшая расторжение брака даже, если брак, «не достиг своей цели». Свидетельством о моногамности брака у монго-

лов, является норма, не допускавшая совместное проживание жен. Каждая из жен имела собственный дом, зависимых людей, вела обособленное хозяйство, что естественным образом ограничивало субъектов, которые жили в условиях многоженства. Право на многоженство касалось только феодалов, людей обладавших имуществом достаточным для того, чтобы содержать несколько домов, имели множество зависимых людей, которые ухаживали за его стадами, разделенными на несколько хозяйств. Вместе с тем, нормы Великой Ясы определяли одну из жен старшей или главной. Нормы обычного права позволяют точно определить, что значение старшей или главной жены означало право ее детей наследовать отцовское имущество на законных основаниях. Дети младших жен получали право на долю только в случае прямого волеизъявления отца. В противном случае они оставались практически не защищенными ни обычным правом, ни законами. Системное толкование брачно-семейных норм ясно указывает, что институт многоженства чаще всего выступал средством для феодалов установления специфических социальных связей, то есть институтом, скорее политическим, чем интимным. Данный вывод согласуется с мнением Г.К. Гинса, высказанным по итогам сравнительно – правового исследования института семьи кочевников о возникновении многоженства в результате накопления богатства. Только богатые мужчины, собственники огромного количества скота, могли позволить роскошь полигамии, официально разрешаемой всем. Тогда как среди простых людей распространен был моногамный брак [1, с. 4].

Таким образом, основополагающим принципом института брака и семьи в монгольском средневековом обществе по обычному праву была экзогамия. Экзогамия, хозяйственный уклад, основанный на кровнородственных связях, сохранялись как черты родового быта. С ослаблением родовых устоев, с возникновением и развитием отношений публично-правового характера, первостепенное значение рода – традиционной социальной структуры кочевого общества нивелируется, что получает отражение в виде новых норм обычного права.

Список литературы

1. Гинс Г. К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Вестник китайского права. Харбин, 1931. № 3. С. 21–56.
2. Дугарова С.Ж. Государство и право средневековой Монголии. Проблемы изучения. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2012. 140 с.
3. Марченко М.Н. Источники права. М.: изд-во Проспект, 2007. 760 с.
4. Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: издательство института народов Севера ЦИК СССР. 1935. 368 с.
5. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей // т.1. кн. 2 [перевод с персид.] М.-Л.: издательство АН СССР, 1952. 315 с.
6. Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение // Известия юридического факультета // Т. VII. Харбин: отделение типографии КВЖД, 1929. 16 с.
7. Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин: типография Чингарева Н.С., 1932. 351 с.
8. Тумурова А.Т. Происхождение полигамного брака // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2009. С. 90–96.
9. Тумурова А.Т. Обычное право бурят. Улан-Удэ: издательство Бурятского госуниверситета, 2004. 115 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Прогресс, 1991. 111 с.
11. Батбаяр Б. «Их цааз»-ын эх бичгийн судалгаа. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2008. 242 х.
12. Минжин Ц. Их засаг. Түүх, эрх зүйн шинжилгээ. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2009. 286 х.
13. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century Translated with a historical and philological commentary by Igor de Rachewiltz Brill's Inner Asian Library Brill, Leiden – Boston. 2004, pp. 1347.
14. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Cinggiskhans und Ihre problematik/ Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin, 1974, pp. 471–487.

15. Heissig W. Die Familien und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen / W. Heissig. T. 1-2. Asiatische Forschungen. Bd. 5. Wiesbaden, 1959, pp. 87–89.

References

1. Gins G. K. Mongol'skaja gosudarstvennost' i pravo v ih istoricheskom razvitii [Mongolian statehood and the right in their historical development]. *Vestnik kitajского prava* [Chinese law Bulletin]. Harbin, 1931. № 3, pp. 21–56.
2. Dugarova S.Zh. *Gosudarstvo i pravo srednevekovoj Mongolii. Problemy izuchenija* [State and Law of medieval Mongolia. Problems of research]. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2012. 140 p.
3. Marchenko M.N. *Istochniki prava* [The sources of law]. Moscow: Prospekt, 2007. 760 p.
4. Morgan L.G. *Drevnee obshhestvo* [Ancient society]. Leningrad: Izd-vo instituta narodov Severa CIK SSSR. 1935. 368 p.
5. Rashid-ad-Din. *Sbornik letopisej* [The book of Chronicles]. Vol. 1. Moscow - Leningrad: AN SSSR, 1952. 315 p.
6. Rjazanovskij V.A. Mongol'skoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie [The Mongolian law and comparative jurisprudence]. *Izvestija juridicheskogo fakul'teta*. Vol. VII. Harbin: otdelenie tipografii KVZhD, 1929. 16 p.
7. Rjazanovskij V.A. *Mongol'skoe pravo (preimushhestvenno obychnoe)* [Mongolian law (mostly common)]. Harbin: tipografija Chingareva N.S., 1932. 351 p.
8. Tumurova A.T. Proishozhdenie poligamnogo braka [The origin of a lot of marriage poured]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2009, pp. 90–96.
9. Tumurova A.T. *Obychnoe pravo burjat* [Common Law of the buryat]. Ulan-Ude: izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2004. 116 p.
10. Jengel's F. *Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva* [The origin of the family and private property]. Moscow: Progress, 1991. 111 p.
11. Batbajar B. *«Ih caaz»-yn jeh bichgijn sudalgaa* [Textology of «Ikh tsaaz»]. Ulan-Batar: Mongol ulsyn shinzhljeh uhaany akademijn tyghijn hyrjeljen, 2008. 242 p.

12. Minzhin C. *Ih zasag. Түүх, jerh зүйн шинжилгэе* [Ih zasag legal and historical research]. Ulan-Batar: Mongol ulsyn shinzhljeh uhaany akademijn түүхийн хяргелjen, 2009. 286 p.
13. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century Translated with a historical and philological commentary by Igor de Rachewiltz Brill's Inner Asian Library Brill, Leiden – Boston. 2004, pp. 1347.
14. Ratchnevsky P. Die Yasa (Jasag) Cinggiskhans und Ihre problematic / Sprache, Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin, 1974, pp. 471–487.
15. Heissig W. Die Familien und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen / W. Heissig. T. 1-2. Asiatische Forschungen. Bd. 5. Wiesbaden, 1959, pp. 87–89.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Дугарова Сержена Жигмытовна, доцент кафедры теории и история права и государства, доктор исторических наук
Бурятский государственный университет
ул. Ранжурова, 8, г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 670000, Российская Федерация
dugarova_s@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dugarova Serzhena Zhigmitovna, associate professor Theory and history of law and state, Doctor of History
Buryat State University
Ranzhurov St., 8, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russian Federation
dugarova_s@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-35-50**УДК 343.13****THE MAJOR TRENDS IN THE PENAL SYSTEM***Evseev I.V.*

The paper considers the development of scientific knowledge concerning the system of imprisonment as a criminal penalty. The author defines his own vision of the issue of what constitutes the penal and penitentiary system. The following categories are explained from the point of view of the encyclopedic knowledge, namely: prison studies, criminology, penology, etc. For each of the listed categories the author determines its place in the legal knowledge system.

Keywords: *prison; prison studies; penology; penitentiary system; criminology; criminal correctional system.*

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЕ ПРАВА***Евсеев И.В.*

В статье рассматривается вопрос развития научного знания о системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Автор определяет собственное видение проблемы, отвечая на вопрос, что считать уголовно-исполнительной и пенитенциарной системой. С позиции энциклопедического знания объясняется, что скрывают следующие категории: тюрьмоведение, криминология, пенология и т.д. Автор для каждой из представленных категории определяет свое место в системе правовых знаний.

Ключевые слова: тюрьма; тюрьмоведение; пенология; пенитенциарная система; криминология; уголовно-исполнительная система.

Over several decades, many representatives of mass media, public authorities as well as ordinary people have not differentiated between criminal correctional and penitentiary systems of the state. Therefore, media sometimes substitute a penal colony for a ‘prison’ and talk about the penitentiary system meaning a system which is aimed at punishment execution. It appears that two concepts (‘penitentiary system’ and ‘criminal correctional system’) are mixed up, thus confusing the institutions of different types and regimes.

This paper is aimed at helping the audience to clearly perceive the concept of the criminal correctional system as well as its components which deal with penitentiary, labor-related and repressive issues.

All these concepts are certain aspects of law and constitute a component part of the criminal correctional system of the state, yet possessing various and complementary attributes and meanings. According to A.S. Smykalin, ‘Fundamental concepts of any science derive from its categorical framework... An ability to accurately understand a theory or a hypothesis depends upon academic and encyclopedic support provided by the categorical framework of the relevant studies.’¹

The criminal correctional system is primarily focused on execution of a sentence made by the court against a law breaker who had committed some acts which fall within the scope of offences punishable under criminal law. The definition derives from the very name of the system and is supported by the legal regulations pertaining to this branch of law. The aim and objectives of the Criminal Correctional Code are set forth in Paragraphs 1–2 of Article 1 of the Criminal Correctional Code of the Russian Federation (UIK RF) that clearly define

¹ Speech made at the all-Russia conference named “Acute Issues of Historical and Legal Science”, proceedings of the conference being held by Russian Historical and Legal Society in South Ural. Publishing Office UMTs UPI. Yekaterinburg, 2009, p. 12.

activities being typical for all components of the penal institutions, namely, penal colonies² and prisons³. Each article refers to the basic function of the criminal correctional system, i.e., execution of punishment, being the essential focus of the whole system. This gives us grounds to assume that the law maker is primarily concerned with execution of punishment as such. It shows a concern about protection of society and suppression of recidivism in view of inevitable punishment. Punishment of a law breaker is the main target of the criminal correctional system, thus, its main aspect being retribution. Retribution to a law breaker appeared together with the rise of human society and was being strengthened as the state developed; the execution place of such retribution was the prison.

The word 'prison' (German 'Thurm' – tower) means: a) in its specific sense it means the isolated and guarded premises for forced retention of persons subject to the confinement under the court judgment or law enforcement authorities' decree. Since the Middle Ages the following types of prison have appeared: 1) prison in its narrow sense as the place for serving punishment for misdemeanor and minor offences, 2) prison compartments, 3) bridewells (Zuchthäuser), 4) penal servitudes, 5) remand prisons, 6) transit prisons, 7) military prisons, 8) juvenile prison, 9) prisons for disabled, ill and abnormal people (Invaliden-Gefängnisse), 10) intermediate prisons (in Irish system), 11) political prisons, 12) prisons for war prisoners (British-run concentration camps in South Africa for boers), 13) prisons for bankrupt debtors, 14) men and women prisons.⁴ – this is the interpretation of this category from Brockhauz and Efron Encyclopedic Dictionary. One could see a similar definition in V. Dal's Explanatory Dictionary.

The following is an abstract from the dictionary referring to the word in question: 'Prison, jail, pit, place of confinement of convicts, accused persons, prisoners... Prison tower, dungeon ... prison is like a grave.' According to this

² Article 120 of Criminal Correctional Code of the Russian Federation as of January 08, 1997 No. 1-FZ (as amended on July 23, 2013).

³ Article 130 *ibidem*.

⁴ Brokgauz and Efron Encyclopaedic Dictionary. Publishing Office: Semenovskaya Typolitografia (I.A. Efron) – St. Petersburg, 1890–1907.

source, the etymology of the word implies some tall tower, fortress or its part in the form of a tower based on the undercut or the root cellar, dungeon, etc.⁵ or on the underground block house. This is what the archeologists found in the city of Novgorod in the IX century. Taking into account the scanty interior of the block house, and mainly the bog hole at the center of that house, the archeologists concluded as follows, ‘The construction is nothing but a dungeon or more simply – ancient prison’. Prisons were organized in castles and city halls, abbeys and factories, etc. A famous scholar M.N. Gernet believed prison policy to be an important part of criminal policy which, in its turn, is closely connected with overall government policy⁶. Every village, town and state had a prison system with its peculiar confinement regime that immediately encouraged the researchers to study those institutions to invent new patterns of prison punishment. This gave birth to the science to study the prison phenomenon, namely, prison studies. That science established a system of specialized knowledge focused on the optimal arrangement of prison-based execution of punishment implying deprivation of liberty.⁷ The new knowledge system promoted the prison confinement as the best choice to apply multiple correctional measures as compared to other known types of punishment; furthermore, the prison regime ensures the correction of the majority of convicts. This is what L. Fox, a well-known English researcher, dealt with in his work. He pointed out that the first measures to correct a convict’s behavior were introduced in prisons,⁸ where such measures could be supported with a specific regime which ensured isolation from deleterious influence of other prisoners.

A detailed study of prison confinement systems as a practical part of prison studies proves that the confinement along with the isolation of a law breaker

⁵ See Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vladimir Ivanovich Dal: In 4 volumes – Saint Petersburg, 1863–1866.

⁶ See Gernet M.N. History of tsarist prison. In 5 volumes. Moscow, 1951.

⁷ Sergeevsky N.D. Russian Criminal Law: A handbook for lectures / Author’s note – Saint Petersburg: Tipografia Kh.Sh. Gelpert, 1890, p. 191.

⁸ Fox L.W. The English Prison and Borstal Systems. London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952, p. 24.

from the society 'either in severe or in mild conditions has occupied the central place among existing punitive systems and still holds this position.'⁹ This conclusion is due to the high punitive (repressive) effect of the prison confinement has: the imprisonment deprives a person of their basic value, namely, physical (and often even mental) liberty; furthermore, deprivation of liberty makes it possible to apply a wide range of methods and measures to correct a convict's behavior¹⁰. M.N. Galkin pointed out the importance of duration of imprisonment. He was sure that this type of punishment 'could have various duration and severity according to criminal and developmental status of a person and has the benefit of taking optimal measures to correct the behavior of a convict.'¹¹ Furthermore, N.D. Sergeevsky talked about the advantage of the prison confinement over all other types of punishment due to its 'gradual' and 'divisible' character, 'no suffering' and 'good influence on a convict'. According to the researcher, such type of punishment as imprisonment is fully consistent with the position of a citizen within a contemporary state as well as present-day public morality, therefore it has superseded the capital punishment, corporal punishment, types of punishment oriented to dignity, and, finally, all other types of deprivation of liberty.

As a result, the prison studies were a science with developing knowledge which was complemented with different knowledge subsystems and branches. The end of the XIX century saw the uprise of penitentiary science which was complemented with the special scientific knowledge on correctional education, that is, penology.

Thus, prison studies have undoubtedly become a universal platform for studying 'punishment as means to fight crime, punishment with its external

⁹ Chubinsky M.P. Criminal Policy Course. Yaroslavl: Provincial Government Typography, 1909, p. 429.

¹⁰ Teplyashin P.V. Sources and development of British prison studies: Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute at the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005, p. 19.

¹¹ Galkin M.N. Materials for studying the prison-related issues. Saint Petersburg: Typography of the Second Section of His Imperial Majesty Own Secretariat, 1868, pp. 8–9.

actual use and its internal effects as derived from the facts.¹² In this context, a famous researcher, I.Ya. Foinitsky, has fairly considered prison studies as a special domain of political and legal studies. However, the definition he gives for the category in question is too extensive and implies the branch based on experience and focused on philosophical and practical (positive) resolution of the problem. This branch is engaged in finding out the institutes able to influence prisoners to the benefit of community life by accurate studying of peculiarities of criminal people and the influence which the measures, having been applied, have on those people. For this purpose, the guardian association, councils and committees were established in Russia¹³ as well as other countries to implement reformation and further resocialization. The committees of the Guardian Association supplied the prisoners with food, clothes, linen, footwear, books, established hospitals, churches at prisons and employed priests, arranged for teaching young children, opened workshops to train prisoners. Thanks to the Guardian Association the prisoners attained the right to regularly attend baths, furthermore, the prisons received money for feeding the prisoners' children who lived alongside with their parents in prisons. The Guardian Association supported laying out vegetable gardens at prisons. Thanks to the Guardian Association the criminal correctional system became more open and socially significant.

The prison activity became a branch of public assistance and education which varies according to the peculiarities of a criminal class it is applied to; that is why its success depends on strong activities in the sphere of public as-

¹² Przhevalsky V.V. Professor Franz List and his principal views as regards crime and punishment // Legal and social science collection book: Works of Law Society at the Imperial Moscow University and its statistical department. Sixth volume. Saint Petersburg: M.M. Stasyulevich's typography, Vasilievsky Island, 5th line, 28, 1896, p. 79.

¹³ Draft provision of the Prison Guardian Association was adopted on July 19, 1819. See Zabrovskaya, L.Yu. Organizational and managerial peculiarities in establishing the prison system of the Russian Empire in the XIX century / L.Yu. Zabrovskaya – Tambov: Publishing Office of Tambov State Technical University, 2006, 16 p.

sistance and education.¹⁴ When describing the prison system, I.Ya. Foinitsky pointed out that people tried to use the prison studies as some ‘panacea’ to cure all criminality-related problems. A single scientific field could not cover all aspects of criminal sentence execution.

Taking into account the above-mentioned, it may be reasonable to conclude that the evolvement of national-wide punitive activity on the basis of religious and philosophic, social and economic as well as legal aspects gave rise to various theories of punishment and correction combinations. This resulted in establishing a specific discipline, that is, penology.¹⁵ Penology is a field of knowledge on legal control over punishment execution which includes a law breaker acquiring social and psychological treatment when serving punishment that finally results in a prisoner’s adaptation to their future life outside prison.¹⁶ However, that process requires a system of punishment execution institutions which are able to use special measures in order to implement the resocialization program. The system was finally formed by a range of penal institutions that have a certain psychological focus. According to S.V. Poznyshev, the penitentiary system is a system of ‘social health facilities’ which have a special confinement regime based on penitence of prisoners¹⁷.

The penitentiary treatment means the process of correction or the correction itself on the basis of full penitence of a person and return of the person, who has previously committed a crime, back to society. In the course of this process the person begins to realize that violation of laws entails punishment

¹⁴ Foinitsky, I. Ya. Studies on punishment with reference to prison studies. Moscow. Dobrosvet-2000; Gorodets, 2000, pp. 291–292.

¹⁵ See Rivman D.V., Smirnov L.B. Uprise and evolvement of penology and penitentiary science // Entrepreneurship in Russia: experience, problems, case studies: Materials of interregional research and practice conference (April 19, 2001). – Part II. – Saint Petersburg: Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2001. p. 47; Smirnov L.B. Uprise and evolvement of penology // History of State and Law. 2003. No. 4, pp. 8–10.

¹⁶ Penology derives from Latin word ‘poena’ meaning ‘punishment’ and Greek word ‘logos’ meaning ‘study of’ that together mean ‘study of punishment execution’.

¹⁷ Poznyshev S.V. Fundamentals of penitentiary science. Moscow, 1923, p. 3.

from public authorities and that such punishment is inevitable. The more serious the crime is, the more severe the punishment is to be. Execution of punishment within the institution forms an ability to live and abide by the laws. According to the researches, at the initial stage of the penitentiary treatment convicts should be retained in prisons equipped with solitary cells which should ensure the prisoner's penitence. Such institutions should have special custodial regime. Prisoners should be as much isolated from each other as possible to prevent them from influencing each other that is aimed at depriving them of the opportunity to share their criminal experience. The prisoners should spend all their spare time on specific socially-oriented training and educational activities. The correctional education process should include such activities as the family ties restoration and assistance rendered by relatives. For the period of serving the punishment, penitentiary measures enable the convict to get society-required skills that help the person to find their own place in society when released. Family ties are thought to be able to strengthen the result. When the prisoner is released, the penitentiary treatment continues: special bodies help a person who has served the punishment in prison to find a job and a place of living, to restore their family ties, etc.

Summarizing the above-mentioned, the penitentiary system is a set of measures being taken by the government, as well as measures aimed at establishing and running the correctional facilities. The facilities' activities are focused on accurate and steady execution of punishment for the sake of protection of society against criminals, as well as on correctional education of criminals using a range of measures aimed at reducing the risk for society when a person is released and at teaching the law breakers to be on the right side of the law. Therefore, the main target for such treatment is the reformation of a criminal by means of relative methods and techniques intended for placing a person back to society after serving the punishment.

On the whole, the penitentiary system is a set of means and methods of influencing convicts to correct their behavior; furthermore, it is a scientific-related ancillary structure based upon rule of law which ensures that the crimi-

nal will become law-abiding after being subjected to psychological and social treatment.

Years of evolvement of the system gave birth to a list of principal requirements to the proper operation of the penitentiary system or, according to M. Foucault, ‘seven universal maxims of the good ‘penitential condition’¹⁸:

- correction of the criminal’s behavior (reformation);
- distribution of convicts according to the penal gravity of their act;
- alteration of the penalties according to the results that have been obtained by the convicts, progress or relapses in transformation of their behavior;
- the correctional education of convicts by taking religious and pedagogical measures, general and professional education;
- work must be one of the essential elements in the reformation and progressive socialization of convicts;
- the prison regime must be supervised and administered by a specialized staff;
- imprisonment must be followed by measures of supervision and assistance until the rehabilitation of the former prisoner is complete.

Modern penitentiary system is intended for supporting and managing penal institutions, social and psychological, legal and training activities oriented to a convict being confined in a special penal institution, and is aimed at transformation of the convict’s behavior and their further resocialization. The principal institution of the penitentiary system is a prison with a strict regime and isolation which contributes to the reformation process at the initial stage of punishment execution. The reformation process includes such components as educational work, improvement of educational level, labor training and strengthening of social relations. All the above-mentioned encourages a convict to regret committing a crime and correct their behavior. Therefore, the

¹⁸ See M. Foucault. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison* / translated from French by Naumov V. / under the editorship of Borisova I. Moscow: Ad Marginem, 1999, pp. 393–396.

penitentiary system may be defined more clearly as a multi-aspect integration of various components resulted from the penitentiary practical activities implying the forced confinement of law breakers in a correction facility to apply correction measures as established by special authorities pursuant to law so as to ensure the process of resocialization.

In conclusion, the following trends of criminal correctional system should be relied on. First, prison was historically the first institution of punishment execution, therefore, the national system of correctional facilities had acquired the 'prison system' name since there were no other institutions within the system. Thus, the researchers who had been studying that phenomenon defined a new field of scientific knowledge, namely, the prison studies. As the knowledge evolved and the practical activities developed, the science saw birth of such new branches as penology being the studies of punishment, and the penitentiary studies involved in organizing and managing the process of reforming the prisoners. The studies of punishment gave birth to another field of knowledge, namely, criminology defined as the studies of crime and punishment. In general, however, the system of punishment execution was and still remains the basis for criminal correctional branch of legal science, while punitive, penal and penitentiary aspects are just the focus areas within this system. In addition, these areas may be considered as self-sufficient systems.

References

1. Fox L.W. *The English Prison and Borstal Systems*. London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952, p. 24
2. Antipov A.N. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2011. №11, pp. 34-37; №12, pp. 35–38.
3. *Arkhiv Zlatoustovskogo gorodskogo okruga* [Archive of Zlatoust city district]. Filial OGACHO. Fond 48, D.12.
4. Galkin M.N. *Materialy k izucheniyu tyuremnogo voprosa* [Materials for studying the prison-related issues]. Saint Petersburg: Typography of the Second Section of His Imperial Majesty Own Secretariat, 1868, pp. 8–9.

5. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [History of tsarist prison]. In 5 volumes. M., 1961 p.
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Yaroslavskoy vskoy oblasti* [State Archive of Yaroslavl region]. F. 337. O. 1. D. 303. L. 247.
7. Dal Vladimir Ivanovich. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 volumes. Saint-Petersburg, 1863–1866.
8. Kuzmin K.V., Sutyurin B. A. *Istoriya sotsial'noy raboty za rubezhom i v Rossii (s drevnosti do nachala XX v.)* [The history of social work abroad and in Russia (from antiquity to the beginning of XX century)]. Yekaterinburg, 2003. 478 p.
9. Luchinsky N.F. *Kurs prakticheskogo tyur'movedeniya* [The course is practical tyurmovedeniya]. SPb., 1912, p. 94.
10. M. Foucault. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison] / translated from French by V. Naumov / I. Borisova (ed.). Moscow: Ad Marginem, 1999, pp. 393–396.
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe (1649–1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Assembly of the first (1649–1825)]. Vol. 18. SPb., 1830, pp. 192–280.
12. Krysin L.P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. M.: Eksmo, 2008. 944 p.
13. Petrenko N.P. *Stanovlenie i razvitie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v Rossii* [Formation and development of the penitentiary system in Russia]. Ryazan, 2004. 460 p.
14. Pechnikov A.P. *Glavnoe tyuremnoe upravlenie Rossiyskogo gosudarstva (1879 – oktyabr' 1917 g.)* [Main Prison Administration of the Russian State (1879 – October 1917)]. M., 2002. 393 p.
15. Piontkovskiy A.A. *Tyur'movedenie, ego predmet, sodержание, zadachi i znachenie* [Tyurmovedenie, its subject, content, objectives and importance]. Odessa, 1892. 16 p.
16. Poznyshhev S.V. *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. M., 1923, p. 3

17. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe (1649–1825)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Assembly of the first (1649–1825)]. Vol. 6. Saint Petersburg, 1830. 815 p.
18. Przhevskiy V.V. Professor Frants List i ego osnovnye vozzreniya na prestuplenie i nakazanie [Professor Franz List and his principal views as regards crime and punishment]. *Sbornik pravovedeniya i obshchestvennykh znaniy: Trudy yuridicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom moskovskom universitete, i ego statisticheskogo otdeleniya* [Legal and social science collection book: Works of Law Society at the Imperial Moscow University and its statistical department]. Volume 6. Saint Petersburg, 1896, p. 79.
19. Zabrovskaya L.Yu. *Organizatsionno-upravlencheskie osobennosti formirovaniya tyuremnoy sistemy Rossiyskoy imperii v XIX veke* [Organizational and managerial peculiarities in establishing the prison system of the Russian Empire in the XIX century]. Tambov: Publishing Office of Tambov State Technical University, 2006. 16 p.
20. Rivman D.V., Smirnov L.B. *Vozniknovenie i razvitie penologii i penitentsiarnoy nauki* [Uprize and evolvement of penology and penitentiary science]. *Predprinimatel'stvo v Rossii: opyt, problemy, uroki: Materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19 aprelya 2001 goda)* [Entrepreneurship in Russia: experience, problems, case studies: Materials of interregional research and practice conference (April 19, 2001)]. Part II. Sa Saint Petersburg: Institute of Foreign Economic Relations, Economics and Law, 2001, p. 47.
21. Smirnov L.B. *Vozniknovenie i razvitie penologii* [Uprize and evolvement of penology]. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. 2003. № 4, pp. 8–10.
22. Sapilov E.V. *Iz istorii stroitel'stva Sibirskoy zheleznodorozhnoy magistrali* [From the history of the construction of the Siberian railway]. M., 2001. 139 p.
23. Sergeevskiy N.D. *Russkoe ugovnoe parvo* [Russian Criminal Law]: A handbook for lectures / Author's note. Saint Petersburg: Tipografia Kh.Sh. Gelpern, 1890, p. 191.
24. Meshchaninov I.V. *Iz istorii russkoy tyur'my* [From the history of Russian prisons]. SPb., 1905. 23 p.

25. Smykalin A.S. *Materialy vserossiyskoy konferentsii «Aktual'nye voprosy istoriko-pravovoy nauki»* ['Acute Issues of Historical and Legal Science', proceedings of the conference]. Yekaterinburg: UMTs UPI Publishing Office, 2009, p. 12.
26. Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [The colonies and prisons in Soviet Russia]. Ekaterinburg, 1997. 365 p.
27. *Sobornoe ulozhenie 1649 g. Tekst i kommentarii* [The Council's Code of 1649 and the text of comments]. M., 1987. 448 p.
28. St.120 Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks Rossiyskoj Federatsii ot 08.01.1997 N 1–FZ (red. ot 23.07.2013) [Article 120 of Criminal Correctional Code of the Russian Federation as of January 08, 1997 No. 1-FZ (as amended on July 23, 2013)].
29. Tepl'yashin P.V. *Istoki i razvitie angliyskogo tyur'movedeniya* [Sources and development of British prison studies]: Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute at the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005, p. 19.
30. *Ugolovnyy Kodeks RSFSR. Postanovlenie VTsIK ot 22 noyabrya 1926 g.* [The Code of the RSFSR Criminal K. Central Executive Committee Decision of 22 November 1926] / SU RSFSR, 1926. №80. St. 600.
31. Foynitsky I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [Studies on punishment with reference to prison studies]. M. Dobrosvet-2000; Gorodets, 2000, pp. 291–292.
32. Chubinsky M.P. *Kurs ugolovnoy politiki* [Criminal Policy Course]. Yaroslavl: Provincial Government Typography, 1909. 429 p.
33. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhauz and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg: Publishing Office: Semenovskaya Typolitografiya (I.A. Efron), 1890–1907.

Список литературы

1. Fox L.W. *The English Prison and Borstal Systems*. London: Routledge&Kegan Paul Limited, 1952. P. 24
2. Антипов А.Н. История возникновения и становления тюремной системы г. Симбирска // История государства и права. 2011. №11. С. 34-37; №12. С. 35–38.

3. Архив Златоустовского городского округа. Филиал ОГАЧО. Фонд 48, Д.12.
4. Галкин М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1868. С. 8–9.
5. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 томах. М, 1961 с.
6. Государственный архив Ярославской области. Ф. 337. О. 1. Д. 303. Л. 247.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863–1866.
8. Кузьмин К.В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX в.). Екатеринбург, 2003. 478 с.
9. Лучинский Н.Ф. Курс практического тюремоведения. СПб., 1912. С. 94.
10. Мишель Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова / Под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. С. 393–396.
11. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 18. СПб., 1830. С. 192–280.
12. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.
13. Петренко Н.П. Становление и развитие уголовно-исполнительной системы в России. дис. ... д-ра юрид. Наук. Рязань, 2004. 460 с.
14. Печников А.П. Главное тюремное управление Российского государства (1879 - октябрь 1917 г.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 393 с.
15. Пионтковский А.А. Тюремоведение, его предмет, содержание, задачи и значение. Одесса, 1892. 16 с.
16. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. С. 3.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649–1825). Т. 6. Санкт-Петербург: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 815 с.
18. Пржевальский В.В. Профессор Франц Лист и его основные воззрения на преступление и наказание // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды юридического общества, состоящего при Императорском

- московском университете, и его статистического отделения. Т. 6. С.-Петербург, 1896. С. 79.
19. Забровская Л. Ю. Организационно-управленческие особенности формирования тюремной системы Российской империи в XIX веке / Л.Ю. Забровская. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 16 с.
 20. Ривман Д.В., Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки // Предпринимательство в России: опыт, проблемы, уроки: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (19 апреля 2001 года). Часть II. Санкт-Петербург: Институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2001. С. 47.
 21. Смирнов Л.Б. Возникновение и развитие пенологии // История государства и права. 2003. № 4. С. 8–10.
 22. Сапилов Е.В. Из истории строительства Сибирской железнодорожной магистрали. М., 2001. 139 с.
 23. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям / Предисл. автора. СПб.: Типография Х.Ш. Гельперн, 1890. С. 191.
 24. Мещанинов И. В. Из истории русской тюрьмы. Лекция. СПб., 1905. 23 с.
 25. Смыкалин А.С. К вопросу о разграничении в науке предметов «Отечественная история» и История Отечественного государства и права // Материалы всероссийской конференции «Актуальные вопросы историко-правовой науки». Екатеринбург, Изд-во УМЦ УПИ, 2009. С. 12.
 26. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: материалы конференции Российского историко-правового общества, 1997. 365 с.
 27. Соборное уложение 1649 г. Текст и комментарии. М.: материалы конференции Российского историко-правового общества, 1987. 448с.
 28. Ст.120 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1–ФЗ (ред. от 23.07.2013)
 29. Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения: Монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. С. 19.

30. Уголовный Кодекс РСФСР. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г.// СУ РСФСР, 1926. №80. Ст. 600.
31. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М. Добросвет-2000; Городец, 2000. С. 291–292.
32. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. Ярославль: Типография губернского правления, 1909. 429 с.
33. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С.–Петербург: Изд-во: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1890–1907.

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evseev Ivan Valentinovich, Candidate of Law, Assistant Professor, Associate Professor of Economics of industries and markets
Chelyabinsk State University
129, Bratya Kashiriny St., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region, Russian Federation
iiiivv@mail.ru

ДАнные об авторе

Евсеев Иван Валентинович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Экономики отраслей и рынков»
Челябинский Государственный Университет
ул. Братьев Кашириных, 129, Челябинск, Челябинская обл., 454001, Российская Федерация
iiiivv@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-51-61
УДК 351

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Храмцов А.Б.

В статье исследована проблема противодействия коррупции, представлены результаты антикоррупционной деятельности органов государственной власти Тюменской области за 2013–2015 годы. В результате активизации этой работы в целом на треть возросло число уголовных дел коррупционной направленности, направленных в суд. Среди коррупционных преступлений преобладают нарушения законодательства о государственной и муниципальной службе, в том числе, предоставление недостоверных сведений о доходах и имуществе, непринятие мер к урегулированию конфликта интересов. Рассмотрены проведенные мероприятия в этой сфере, а также новые направления реализации антикоррупционной политики в регионе.

***Ключевые слова:** коррупция; антикоррупционная политика; противодействие коррупции; коррупциогенность.*

THE MAIN DIRECTIONS OF REALIZATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE TYUMEN REGION

Khrantsov A.B.

In article the corruption counteraction problem is investigated, results of anti-corruption activity of public authorities of the Tyumen region for 2013-

2015 are presented. As a result of activation of this work in general on a third the number of the criminal cases of a corruption orientation directed to court has increased. Among corruption crimes violations of the law about the public and municipal service, including, providing false information on the income and property, rejection of measures to a settlement of conflicting interests prevail. The held events in this sphere, and also the new directions of realization of anti-corruption policy in the region are considered.

Keywords: corruption; anti-corruption policy; corruption counteraction; *korruptsiogennost*.

Построение правового демократического государства требует создания адекватной системы органов государственной власти и целостной системы государственной службы, обеспечивающих реализацию функций государства и развитие гражданского общества. Среди разрушительных процессов в современной России коррупция занимает одно из первых мест. Коррупция охватила все уровни власти, включая высший, в том числе, федеральные органы исполнительной власти, непосредственно призванные реализовывать меры противодействия данному негативному явлению.

Реализация антикоррупционной политики объявлена высшим руководством страны одним из приоритетных направлений государственной политики, что получило закрепление в базовых документах, направленных на противодействие коррупции: в федеральном законе [1], в посланиях Президента РФ Федеральному собранию РФ, в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции [2].

Для эффективной борьбы с таким социальным злом как коррупция недостаточно мер государственного регулирования, принятых на федеральном уровне. Масштаб последствий влияния коррупции на все сферы деятельности настолько велик, что необходимо внедрение мер по её противодействию и на региональном, и на муниципальном уровнях [3].

В соответствии с законом Тюменской области от 25 февраля 2009 г. № 6 «О противодействии коррупции в Тюменской области» противодействие коррупции реализуется путем осуществления следующих мер:

- разработка и реализация антикоррупционных планов (программ);
- антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов области и их проектов;
- антикоррупционные образование и пропаганда;
- опубликование информации о реализации мер антикоррупционной политики;
- иные меры, предусмотренные федеральным законодательством [4].

Субъектами антикоррупционной политики являются:

1. органы государственной власти и иные государственные органы Тюменской области, к ведению которых отнесена реализация антикоррупционной политики;
2. органы местного самоуправления;
3. общественные объединения;
4. средства массовой информации;
5. иные субъекты, предусмотренные законодательством.

Значительная часть субъектов РФ (67 регионов) активно использует потенциал программно-целевого метода при разработке и реализации антикоррупционной политики на своей территории [5, с. 8]. Этот метод содействует повышению эффективности межведомственной координации органов власти, их взаимодействия с институтами гражданского общества [6].

В целях реализации Национального плана противодействия коррупции на 2012–2013 годы, утвержденного Указом Президента РФ от 13.03.2012 № 297, а также совершенствования деятельности по противодействию коррупции на территории Тюменской области утверждены:

1. Целевая региональная Программа (план) противодействия коррупции на 2012–2015 годы;
2. Типовой план противодействия коррупции в органах местного самоуправления.

Рассмотрим результаты реализации антикоррупционной политики в Тюменской области за 2013–2015 годы.

В 2013–2015 годы прокуратурой г. Тюмени и Тюменской области совместно с правоохранительными структурами, органами государственной власти и органами местного самоуправления принимался комплекс мер по противодействию коррупции.

Несмотря на то, что в 2014 году правоохранительные органы меньше выявили преступлений указанной категории, в результате активизации этой работы в целом на треть (36%) возросло число уголовных дел коррупционной направленности, направленных в суд (рост числа дел составил с 103 до 140 по сравнению с 2013 годом), а также почти в 2 раза увеличилось количество лиц, осужденных за совершение преступлений данной категории (рост составил с 72 до 141 – или 50%).

Правоохранительными органами еще не решены отдельные проблемы противодействия коррупционным проявлениям, прежде всего, это касается вопросов возмещения ущерба. Так, в 2014 году ущерб от коррупционных преступлений по направленным в суд уголовным делам составил 506 млн. руб., а возмещено всего 89 млн. руб. – 17% (в 2013 году – 14 млн. руб. или 4%) [7].

Прокуратурой в 2014 году выявлено свыше 4 тысяч коррупционных нарушений закона (рост на 14% или с 3559 нарушений до 4056 нарушений). При этом практически треть из них – это нарушения законодательства о государственной и муниципальной службе, в том числе, предоставление недостоверных сведений о доходах и имуществе, непринятие мер к урегулированию конфликта интересов и ряд др.

В 2015 году сотрудники следственного управления Следственного комитета РФ по Тюменской области выявили 313 коррупционных преступлений, из них 140 – факты взяточничества (44,7%). В суды было передано 180 уголовных дел о коррупционных преступлениях, 161 виновному уже вынесен приговор [7].

Следует отметить, что важную роль в борьбе с коррупцией играют средства массовой информации. Прокуратурой области в 2015 году пред-

принимались действия по блокированию интернет-сайтов, обучавших давать взятки. Таких интернет-ресурсов было выявлено 24.

Что касается наложения ареста на имущество обвиняемых в совершении коррупционных преступлений и возмещении ущерба от совершения преступлений, то сумма арестованного имущества в 2015 году превысила 10 млн. руб. В 2014 году этот показатель не превышал и 7 млн. руб. [7].

Несмотря на принятые меры по противодействию коррупции в Тюменской области, отмечается по всем показателям ее рост. Это означает, что коррупция очень сложное социальное явление, которое имеет свойство адаптироваться к современным условиям жизни общества, к новому нормативно-правовому регулированию ее противодействия и довольно прочно закрепилась в органах государственной власти и органах местного самоуправления региона.

Для повышения эффективности деятельности по обеспечению законности региональных и муниципальных нормативных правовых актов предприняты дополнительные организационные меры. Так, прокуратура Тюменской области изучает все проекты и нормативные правовые акты, которые разрабатываются в департаментах, управлениях и комитетах. В прошлом году углублен прокурорский мониторинг действующей нормативной базы. По его результатам изменены и дополнены законы Тюменской области, действующие в сфере бюджетного законодательства, охраны семьи, материнства и детства, формирования и деятельности областных органов исполнительной власти, обновлен федеральный регистр нормативных правовых актов.

Вместе с тем, практика надзорной деятельности свидетельствует о необходимости большей самостоятельной инициативы со стороны нормотворческих органов (прежде всего, Тюменской областной Думы), особенно в части восполнения правовых пробелов и устранении неопределенности нормативного регулирования. Скажем, только после вмешательства прокуратуры в 2015 году получил законодательное закрепление порядок увольнения лиц, замещающих государственные должности Тю-

менской области, в случае «утраты доверия» (данная норма была введена еще в 2010 году).

В настоящее время на территории всей Тюменской области *реализованы следующие мероприятия*, направленные на противодействие коррупции:

1. Разработана нормативно-правовая база противодействия коррупции, создан Совет по противодействию коррупции в Тюменской области и соответствующие Советы во всех городских округах и муниципальных районах, выстроена многоуровневая система обязательной антикоррупционной экспертизы областных нормативных правовых актов и их проектов, организовано антикоррупционное обучение граждан и государственных и муниципальных служащих, выстроена система конкурсного отбора на государственную и муниципальную службу.

2. Осуществлена регламентация предоставления государственных (муниципальных) услуг и исполнения соответствующих им функций.

3. В рамках перевода государственных услуг в электронный вид в Федеральном реестре государственных и муниципальных услуг размещены все государственные и муниципальные услуги, предоставляемые органами государственной власти и местного самоуправления Тюменской области.

4. Функционирует официальный портал органов государственной власти Тюменской области, основная цель которого – обеспечение прозрачности деятельности органов государственной власти области.

5. Организована и отлажена система межведомственного электронного взаимодействия Тюменской области (СМЭВ). Данная система позволяет реализовать нормы Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» о запрете истребования от заявителя информации и документов, которые орган, предоставляющий ту или иную услугу, может получить у соответствующего органа государственной власти, органа местного самоуправления или государственного (муниципального) учреждения [8].

6. С принятием Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения

государственных и муниципальных нужд» в области реализуется план по переходу на контрактную систему. На Управление государственных закупок Тюменской области возложены полномочия по определению поставщика для государственных заказчиков, а также полномочия по осуществлению функций по обеспечению реализации государственной политики в сфере закупок для обеспечения нужд области, организации мониторинга закупок для обеспечения нужд региона.

7. На регулярной основе осуществляется информирование жителей об антикоррупционных мерах, принимаемых на всех уровнях власти, а также формирование нетерпимого отношения общественности к коррупции. Региональные и муниципальные СМИ подробно информируют о работе по пресечению преступлений коррупционной направленности, проводимой прокуратурой области и УМВД России по Тюменской области.

8. Реализуется программа по повышению компьютерной грамотности населения «Расширяя горизонты».

9. Созданы и действуют Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

10. Активно развивается сеть многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (на сегодняшний день в результате ребрендинга центры переименованы в «Мои документы») [9].

11. Для обеспечения открытости и прозрачности государственного управления при органах исполнительных власти области, реализующих полномочия в наиболее значимых сферах жизни общества, таких как здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство, социальная защита, образованы *Общественные советы*.

Несмотря на наличие выстроенной и действующей системы антикоррупционной деятельности в Тюменской области в целом, вопрос противодействия коррупции не должен быть лишен внимания и впредь, работоспособность антикоррупционных механизмов необходимо поддерживать и развивать в постоянном режиме.

Важную роль в данном процессе играет Целевая региональная Программа (план) противодействия коррупции на 2012–2015 годы, которая предусматривает как дальнейшую реализацию антикоррупционных мероприятий в рамках перечисленных направлений, подтвердивших свою эффективность, так и *развитие новых направлений антикоррупционной деятельности* [10]. К таким направлениям относятся:

1) переход на оказание государственных и муниципальных услуг в электронной форме;

2) проведение процедуры оценки регулирующего воздействия в отношении проектов нормативных правовых актов Правительства и Губернатора Тюменской области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности;

3) применение механизма ротации государственных служащих;

4) обеспечение действенного функционирования системы электронного документооборота, позволяющей осуществлять ведение учета и контроля исполнения документов;

5) обеспечение эффективного взаимодействия органов государственной власти Тюменской области с институтами гражданского общества посредством функционирования общественных советов и организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов;

6) осуществление контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, их доходам;

7) продолжение осуществления финансового контроля;

8) дальнейшее развитие сети многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг;

9) обеспечение реализации Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

В заключение следует отметить, что работа по выявлению и пресечению фактов коррупции в Тюменской области ведется постоянно. Выявление, а также расследование преступлений коррупционной на-

правленности зачастую являются результатом эффективного взаимодействия следственных органов Следственного комитета России с сотрудниками региональных управлений ФСБ и МВД, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Однако, поскольку коррупция в органах государственной власти и органах местного самоуправления приобрела характер системного явления, эффективная борьба с ней возможна только при использовании комплекса экономических, политических, правовых, социальных и информационно-пропагандистских мер.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/04/15/nacstrategiya-dok.html>
3. Авилкина С.В. Современная антикоррупционная политика России // Формирование правовой, межэтнической, религиозной и профессиональной культуры современного специалиста: Мат. Междун. научно-практ. конф. Рязань, 2013. С. 43.
4. Закон Тюменской области от 25.02.2009 № 6 «О противодействии коррупции в Тюменской области» [Электронный ресурс]. URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/gov/adm_reform/more.htm?id=10457443@cmsArticle
5. Аналитический доклад «Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах РФ» / Научный руководитель Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. 336 с.
6. Ильин В.И., Чернов А.Д. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики в Россий-

- ской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 80–84.
7. Доклад Прокурора Тюменской области В. Владимировна на заседании Тюменской областной Думы с информацией о состоянии законности и правопорядка в регионе в 2014–2015 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://proctmo.ru/press-center/interview/118915985420/>
 8. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12177515/>
 9. Постановление Правительства РФ от 22.12.2012 № 1376 «Об утверждении Правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70290064/>
 10. Целевая региональная Программа (план) противодействия коррупции в Тюменской области на 2012-2015 годы: утв. постановлением Правительства Тюменской области от 23.04.2012 № 635-рп [Электронный ресурс]. URL: http://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/adm_reform/more.htm?id=10941952@cmsArticle

References

1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. <http://www.rg.ru/2010/04/15/nacstrategiya-dok.html>
3. Avilkina S.V. *Sovremennaya antikorrupsionnaya politika Rossii* [Modern anti-corruption policy of Russia]. *Formirovanie pravovoy, mezhetnicheskoy, religioznoy i professional'noy kul'tury sovremennogo spetsialista* [Formation of legal, interethnic, religious and professional culture of the modern expert]. Ryazan, 2013, p. 43.
4. http://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/adm_reform/more.htm?id=10457443@cmsArticle
5. *Analiticheskiy doklad «Analiz praktiki realizatsii programm protivodeystviya korruptsii v sub'ektakh RF»* [Analytical report “Analysis of practice

- of implementation of programs of counteraction of corruption in territorial subjects of the Russian Federation”] / Research supervisor T. Ya. Habriyeva. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2012. 336 p.
6. Ilyin V.I., Chernov A.D. Interaction of the state and institutes of civil society in realization of anti-corruption policy in the Russian Federation [Vzaimodeystvie gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva v realizatsii antikorrupcionnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2014. No. 1, pp. 80–84.
 7. <http://proctmo.ru/press-center/interview/118915985420/>
 8. <http://base.garant.ru/12177515/>
 9. <http://base.garant.ru/70290064/>
 10. http://admtyumen.ru/ogv_ru/gov/adm_reform/more.htm?id=10941952@cmsArticle

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Храмцов Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
ул. Луначарского, 2, Тюмень, Тюменская обл., 625001, Российская Федерация
khramtsov_ab@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khramtsov Aleksandr Borisovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Tyumen State University of Civil Engineering
ul. Lunacharskogo 2, Tyumen, 625001, Russian Federation
khramtsov_ab@bk.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-62-70

УДК 342.9

**О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОНЯТИЙ:
ДИСЦИПЛИНА ТРУДА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
(ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)**

Шакирова И. А.

В условиях перехода и развития новых экономических отношений во всех сферах государственной и общественной жизни, политической и культурной деятельности, в осуществлении гражданами своих прав и исполнении ими своих обязанностей важное значение имеют дисциплина труда и дисциплинарная ответственность за ее нарушение. Дисциплина труда это правильное, добросовестное, неуклонное и эффективное исполнение работниками, возложенных на них обязанностей, а дисциплинарная ответственность это обязанность претерпевать неблагоприятные последствия за нарушение указанных обязанностей.

Понятие дисциплины труда является нераздельным, единым (при наличии самостоятельности института правового регулирования трудовой дисциплины в системе трудового права) именно в силу того, что в содержании этого понятия усматривается переплетение принципиальных требований норм права и морали.

Цель – показать правовое и институциональное обеспечение дисциплины труда и дисциплинарной ответственности в годы новой экономической политики.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались современные методы познания и специальные методы: системный и сравнительно-правовой.

Результаты: теоретические положения и выводы, характеризующие институты дисциплины труда и дисциплинарной ответственности в процессе их становления и развития в годы новой экономической политики, позволяют расширить и уточнить существующие представления о юридической ответственности и ее видах в истории отечественного права.

Область применения результатов: полученные результаты могут найти практическое применение в нормотворческой деятельности институтов государственной власти и правоприменительной практике.

Ключевые слова: дисциплина труда; дисциплинарная ответственность; новая экономическая политика.

ABOUT INTERRELATION OF CONCEPTS: DISCIPLINE OF LABOUR AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Shakirova I.A.

In the conditions of passing and developing new economic relations in all spheres of the state and public life, political and cultural activity, in realization by citizens of their rights and performing their duties the labour discipline and disciplinary responsibility for its violation are important. The discipline of labour is correct, conscientious, steady and effective performance of duties by employees, and a disciplinary responsibility is a duty to endure adverse consequences for violation of these obligations.

The concept of labor discipline is indivisible, uniform (with independence of the Institute of legal regulation of labor discipline in the labor law system) is due to the fact that the content of this concept is seen weaving fundamental requirements of law and morality.

The purpose is to show legal and institutional support of labor discipline and a disciplinary responsibility during New Economic Policy.

Method or methodology of work: in article modern methods of learning and special methods were used: systematic and comparative law.

Results: theoretical propositions and conclusions, characterizing the process of development of labor discipline and disciplinary responsibility institutions in days of new economic policy, can extend and clarify existing concepts of legal responsibility and its types in the history of national law.

Application of results: the results may find practical application in law-making activities of governmental institutions and law-enforcement practice.

Keywords: *labor discipline; disciplinary responsibility; new economic policy.*

Из всех существующих видов ответственности особый интерес представляет именно дисциплинарная ответственность, как имеющая наиболее массовое применение, поскольку устанавливается за те нарушения трудовой и служебной дисциплины, которые не могут остаться безнаказанными, но и не требуют применения судебно-исправительных мер социальной защиты.

Хотелось бы остановиться на характеристике существовавших научных подходах к определению дисциплины труда.

Роль дисциплины необычайно велика во всех сферах управления. Ещё Ф. Энгельс теоретически обосновал необходимость строгого порядка в работе любой организации, обеспечивающего слаженность всех его частей. Им были выдвинуты следующие исходные положения, имеющие принципиальное значение для понимания роли и значения дисциплины: всякая совместная деятельность многих лиц, когда работа одного из них зависит от работы остальных, требует четкой организации и организованности; необходимая организация и организованность обеспечиваются определенным порядком отношений между членами коллектива, а именно, подчинением воли многих воле одного. Здесь неизбежен авторитет, а авторитет предполагает подчинение, которое не допускает независимой деятельности отдельных лиц [1, с. 302–305].

Дисциплина свойственна любому человеческому обществу на всех ступенях развития. И совершенно ясно, что дисциплина после Октябрьского государственного переворота в новом государстве была нужна везде и всюду, чтобы согласовывать порядок в работе, который является необходимым элементом всякой организации труда, всякого общественного производства. «Общей работы, – указывал В.И. Ленин, – нельзя вести без порядка, без того, чтобы все подчинялись этому порядку...» [2, с. 20]

В юридической литературе исследователями Н.Г. Александровым и Ц.А. Ямпольской было высказано мнение относительно объективного и субъективного понимания (смысла) советской дисциплины труда. Так, Н.Г. Александров, признавая центральную роль за понятие трудовой дисциплины в учении о трудовом правоотношении, отмечал, что «понятию дисциплины вообще... может быть придан двоякий смысл – объективный и субъективный [3, с. 126]. Под трудовой Дисциплиной в объективном смысле следует понимать совокупность правил поведения, требуемого от лиц, входящих в личный состав работников хозяйств (предприятий, учреждений), основанных не на единоличном труде. Из этих правил поведения складывается внутренний трудовой распорядок указанных хозяйств (предприятий, учреждений).

В субъективном смысле под трудовой дисциплиной следует понимать подчинение работника установленному в хозяйстве (предприятии, учреждении) распорядку труда и, в частности, подчинение указаниям и Контролю руководителя процесса труда» [4, с. 35–36].

В соответствии с различными проявлениями государственной жизни государственную дисциплину в научной литературе дифференцировали в отраслевом (транспортная дисциплина, воинская дисциплина) и функциональном (трудовая дисциплина, плановая дисциплина, договорная дисциплина, финансовая дисциплина, технологическая дисциплина) разрезах, а в зависимости от места, занимаемого субъектами государственной дисциплины в процессе производства, – на производственную и служебную. При этом трудовую дисциплину рассматривали как обязательную

составную часть служебной дисциплины, как и обязательный элемент производственной дисциплины [5, с. 48–57].

Понятие дисциплины труда является нераздельным, единым (при наличии самостоятельности института правового регулирования трудовой дисциплины в системе трудового права) именно в силу того, что в содержании этого понятия усматривается переплетение принципиальных требований норм права и морали. Поэтому понятие дисциплины труда, главным образом, предполагает: высокосоциальное отношение работников общественного производства к своему труду; постоянную заботу хозяйственных и профсоюзных руководителей в осуществлении принципа материальной заинтересованности и улучшения ими форм и методов культурно-бытовых условий работников общественного производства.

Итак, под дисциплиной труда следует понимать честное и добросовестное выполнение рабочими и служащими, колхозниками и членами промысловых артелей своих трудовых обязанностей, предусмотренных законом, Правилами внутреннего трудового распорядка и иными нормативными правовыми актами, несоблюдение которых влечет за собой дисциплинарную ответственность.

В большинстве исследований преобладает правильный вывод о комплексной природе института дисциплинарной ответственности: сфера ее действия в работах по теории права, трудовому и административному праву распространяется на широкий круг субъектов – рабочих, служащих, колхозников, учащихся, военнослужащих и других граждан. Однако здесь же встречается и неоправданно узкая трактовка границ дисциплинарной ответственности – сведение ее лишь к ответственности рабочих, служащих, колхозников, что никак не согласуется с нормоположениями и другими разновидностями дисциплинарной ответственности и не отвечает целям комплексного научного исследования дисциплинарной власти и ее институтов.

Следует дать общую характеристику содержания дисциплинарной ответственности. По своему содержанию дисциплинарная ответственность представляет собой разветвляющееся во времени общественное отно-

шение, развивающееся охранительное правоотношение дисциплины, в рамках которого реально налагаются взыскания, и виновное лицо действительно несет обязанность претерпевания неблагоприятных последствий личного характера, вызванных их применением [6, с. 63]

На первой стадии своего развития это охранительное правоотношение элементарно: условной обязанности нарушителя понести невыгодные последствия корреспондирует условное правомочие субъектов дисциплинарной власти, применения мер взыскания. Условность охранительного правоотношения полезна здесь тем, что оно может остановиться в своем развитии как раз на этом этапе вследствие отсутствия у субъекта дисциплинарной власти информации о проступке по причине пренебрежения им обязанностью соответствующего реагирования либо ввиду истечения срока давности [7, с. 147–151; 8, с. 165; 9, с. 228–230].

На второй стадии развития отношения дисциплинарной ответственности происходит его перерастание из условного в фактическое. Здесь субъект дисциплинарной власти уже практически осуществляет принудительные полномочия – устанавливает факт нарушения и дает ему соответствующую юридическую оценку в правоприменительном акте. До принятия последнего охранительные отношения дисциплины представляют собой переплетение того же элементарного материального правоотношения с комплексом процессуальных правоотношений, сторонами которого выступает привлекаемый к ответственности субъект дисциплинарной власти и другие лица. С вынесением правоприменительного акта по дисциплинарному проступку процессуальные отношения, как право, прекращаются, а условное материальное правоотношение (если субъект дисциплинарной власти не счел возможным ограничиться мерами внушения или средствами общественного воздействия, что прекращает отношения дисциплинарной административной ответственности и на этой стадии) получает свое фактическое выражение в обязанности претерпевания наказанным дисциплинарного взыскания конкретного вида и установленной меры [10, с. 284–285; 11, с. 22, с. 25].

Непосредственное восприятие наказанным наложенного взыскания означает уже осуществление дисциплинарной ответственности, вступление её в завершающую стадию, на которой виновный реально претерпевает лишение принадлежащих ему личных благ. На этой стадии отношения дисциплинарной ответственности исчерпывают свое содержание и постепенно, утрачивая качества охранительных, перерастают в позитивные правоотношения дисциплины (правомерное поведение работника, учащегося и т.д.).

Таким образом, содержание дисциплинарной ответственности как правового института включает три группы правовых норм: материальные (регулирующие, главным образом, основания ответственности и виды взысканий), процессуальные (определяющие порядок, процедуру применения первых) и материально-процессуальные (которые регламентируют смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, условия освобождения от ответственности и некоторые другие отношения).

Список литературы

1. Маркс К, Энгельс Ф. «Об авторитете» // Соч. 2-е изд. Т. 18. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. 807 с.
2. Ленин В.И. «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» Полн.собр. соч. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979 г. 677 с.
3. Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: МИД СССР, 1948. 336 с.
4. «Советское трудовое право» / Под ред. Н.Г. Александрова и Д.М. Генкина. М.: Юрид. Изд-во, тип. «Кр. Пролетарий», 1946. 481 с.
5. Ямпольская Ц.А. Служебная дисциплина и дисциплинарный проступок. // Советское государство и право. 1947. № 12. С. 48–57.
6. Неидзе Е.Г. Сущность и методы регулирования дисциплины труда в СССР. Тбилиси: Изд-во Тбилис. Ун-те, 1964. 129 с.
7. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Изд-во юр. лит-ра, 1976. 215 с.

8. Советское административное право / Под ред. П.Т. Василенкова. М.: Изд-во юрид. лит-ра, 1981. 464 с.
9. Никитинский В.И. Дисциплинарная ответственность // Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева. М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1984. 415 с.
10. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 1. М.: Юрид. лит-ра, 1981. 359 с.
11. Смирнов В.Н. Дисциплина труда в СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. 119 с.

References

1. Marks K, Engels F. *Soch* [Works]. 2nd ed.]. V. 18. М.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1961. 807 p.
2. Lenin V.I. *Obyasnenie zakona o shtrafakh, vziataemykh s rabochikh na fabrikakh i zavodakh* [An explanation of the law on fines imposed on the workers in the factories]. V. 2. М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1979. 677 p.
3. Aleksandrov H.G. *Trudovoe pravootnoshenie* [Labor relations]. М.: MID SSSR, 1948. 336 p.
4. *Sovetskoe trudovoe pravo* [The Soviet labor law]/ N.G. Aleksandrov, D.M. Genkin (eds.). М.: Yurid. Izd-vo, tip. «Kr. Proletariy», 1946. 481 p.
5. Yampol'skaya Ts.A. Sluzhebnyaya distsiplina i distsiplinaryy prostupok. // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1947. № 12. S. 48–57.
6. Neidze E.G. *Sushchnost' i metody regulirovaniya distsipliny truda v SSSR* [The essence and methods of regulation of labor discipline in the USSR]. Tbilisi: Izd-vo Tbilis. Un-te, 1964. 129 p.
7. Bratus' S.N. *Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost' (ocherk teorii)* [Legal liability and legality (theory essay)]. М.: Izd-vo yur. lit-ra, 1976. 215 p.
8. *Sovetskoe administrativnoe pravo* [The Soviet administrative law] / P.T. Vasilenkov (ed.). М.: Izd-vo yurid. lit-ra, 1981. 464 p.
9. Nikitinskiy V.I. *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Legal encyclopedic dictionary] / A. Ya. Sukharev (ed.). М.: Izd-vo Sovetskaya entsiklopediya, 1984. 415 p.

10. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. V. 1. M.: Yurid. lit-ra, 1981. 359 p.
11. Smirnov V.N. *Distsiplina truda v SSSR* [The discipline of labor in the Soviet Union]. L.: Izd-vo LGU, 1972. 119 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шакирова Индира Абдулхаковна, доцент кафедры «Гражданское право и гражданский процесс», кандидат юридических наук
*Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
пр. Сююмбике, 10А, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
indiraksu@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shakirova Indira Abdulkhakovna, associate professor «Civil law and civil process», candidate of legal sciences
*Kazan (Volga) federal university, Naberezhnye Chelny institute (branch)
Syuyumbike Ave., 10A, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan,
423812, Russian Federation
indiraksu@mail.ru*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-71-80
УДК 342.9

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Шакирова И.А.

Статья посвящена характеристике складывавшихся отдельных видов дисциплинарной ответственности в период новой экономической политики. Проанализированы некоторые особенности законодательного оформления дисциплинарной ответственности в годы новой экономической политики, поскольку именно в указанный период произошло становление отдельных видов этой ответственности, к которым относились: дисциплинарная ответственность по правилам внутреннего распорядка, дисциплинарная ответственность в порядке подчиненности и дисциплинарная ответственность работников по уставам о дисциплине и на основе особых положений, как специальный вид дисциплинарной ответственности по подчиненности. Рассмотренные в статье особенности правового регулирования дисциплинарной ответственности имели большое значение в дальнейшем развитии института дисциплинарной ответственности и законодательства о дисциплинарной ответственности.

Цель – на основе новых достижений правовой науки осмыслить процесс становления и развития института дисциплинарной ответственности.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались современные методы познания и специальные методы – исторический, сравнительно-правовой.

Результаты: научный анализ теоретических, исторических и правовых источников, определяющий специфику и содержание института дисциплинарной ответственности.

Область применения результатов: положения и выводы, сделанные в результате научного исследования, могут найти практическое применение в нормотворческой деятельности институтов государственной власти.

Ключевые слова: *дисциплинарная ответственность; правовое регулирование; новая экономическая политика.*

ABOUT SOME FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY UNDER NEW ECONOMIC POLICY

Shakirova I.A.

Article is devoted to the features of the developing separate kinds of disciplinary liability in the period of new economic policy. Some features of legislative registration of a disciplinary responsibility in days of new economic policy as during the specified period there was a formation of separate types of this responsibility which treated are analyzed: disciplinary responsibility on internal regulations, disciplinary responsibility on subordination and disciplinary responsibility of employees according to the statutes on discipline and special provisions as a special type of disciplinary responsibility on subordination. The features of legal regulation of disciplinary responsibility considered in article were of great importance in further development of institute of a disciplinary liability and the legislation on a disciplinary liability.

The purpose is on the basis of new achievements of legal science to comprehend process of disciplinary liability institute development.

Method or methodology of work: the modern methods of learning and special historical, comparative and legal methods were used.

Results: scientific analysis of theoretical, historical and legal sources, determining the peculiarity and the content of disciplinary liability institute.

Application of results: conclusions achieved as a result of scientific research can find practical application in law-making activities of governmental institutions.

Keywords: *disciplinary liability; legal regulation; new economic policy.*

Институт дисциплинарной ответственности прошел длительный путь своего становления и развития. В начальный советский период, до принятия КЗоТ РСФСР 1918 г., дисциплинарная ответственность регулировалась исключительно на локальном уровне, когда на отдельных предприятиях заводскими и фабричными комитетами, общими собраниями рабочих и служащих, профсоюзными органами принимались уставы дисциплины (самодисциплины), уставы наказаний за нарушение трудовой дисциплины, положения о трудовой дисциплине, правила трудовой дисциплины, инструкции о правилах внутреннего распорядка и др., отличавшиеся друг от друга не только наименованием и статусом принимавших их органов, но и содержанием.

При этом все они имели четкую «антиработодательскую» направленность, принимались в лучшем случае с учетом мнения работодателя, исключали штрафы и, чаще всего, увольнения из числа дисциплинарных взысканий. Следует отметить, что в 1918 г. по инициативе фабричных и заводских комитетов принимались правила внутреннего распорядка, содержавшие конкретные составы дисциплинарных проступков и санкций за их совершение[1, с. 134; 2, с. 444; 3, с. 75].

Этот опыт нельзя признать удачным, так как специфика производств и разнообразие проявлений трудовой дисциплины, как и ее нарушений, делали подобную формализацию практически невозможной. В дальнейшем такие попытки предпринимались законодателем и обосновывались учеными, но успехом это так и не увенчалось.

Большое влияние на формирование советского трудового законодательства оказал В.И. Ленин, который допускал «резкие формы диктатор-

ства» для наведения трудовой дисциплины и требовал «беспрекословного подчинения единой воле для успеха в процессе работы, организованной по типу крупной машинной индустрии». Он прямо указывал: «Что касается карательных мер за несоблюдение трудовой дисциплины, то они должны быть строже. Необходима кара вплоть до тюремного заключения.

Увольнение с завода тоже может применяться, но характер его совершенно изменяется. При капиталистическом строе увольнение было нарушением гражданской сделки. Теперь же при нарушении трудовой дисциплины, особенно при введении трудовой повинности, совершается уже уголовное преступление, и за это должна быть наложена определенная кара».

В целях поднятия трудовой дисциплины и производительности труда в этот период были организованы товарищеские суды в соответствии с Декретом от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах», призванные рассматривать дела о нарушениях рабочими и служащими предприятий и учреждений дисциплины труда [4].

Товарищеские суды были наделены правом применять в отношении нарушителей трудовой дисциплины различные меры наказания: выговор с объявлением по предприятию; временное лишение права участия в выборах и права быть избранным в союзные организации на срок не более 6 месяцев; временное перемещение на низшую должность с оплатой по нижней тарифной ставке на срок не более одного месяца; посылка на тяжёлые общественно-необходимые работы с оплатой по ставке исполняемых работ, а при неоднократном нарушении трудовой дисциплины и в случае упорного нежелания подчиниться – увольнение с передачей в концентрационный лагерь.

В случае обнаружения судом признаков уголовного или гражданского правонарушения дело передавалось в соответствующие суды. Примечательно, что инициатором привлечения к суду могла быть не только администрация, но и профсоюзы, призванные защищать интересы работников. Во изменение и дополнение вышеуказанного Декрета было введено в действие «Положение о дисциплинарных товарищеских судах» от 5 апре-

ля 1921 г., согласно которому подсудность дисциплинарных судов была расширена [5]. Так, им передавались дополнительно дела о дисциплинарных проступках, совершенных лицами административно-технического и высшего персонала, а в ст. 8 был определен перечень конкретных проступков подлежащих ведению Дисциплинарного товарищеского суда, опоздание на работу; прогул без уважительных причин; действие отвлекающее от работы других работников; исполнение в служебное время посторонней работы и некоторые др. Впоследствии с введением в действие КЗоТ РСФСР 1922 г., подобная категория специальных судов была ликвидирована [6, 7].

Впервые вопрос о выработке проекта общего положения о трудовой дисциплине был поднят на заседании Высшего совета народного хозяйства РСФСР 27 марта 1918 г., а 1 апреля того же года Президиум ВСНХ рассмотрел представленную ВЦСПС резолюцию о трудовой дисциплине [8, с. 19].

Но единого положения о трудовой дисциплине, к сожалению, так и не было выработано.

Поэтому неслучайно КЗоТ РСФСР 1918 г. содержал на этот счет только несколько положений: во-первых, трудовые обязанности работника определялись ясными и точными Правилами внутреннего распорядка, которые должны были выработываться для предприятий и хозяйств профсоюзами и утверждаться отделом труда, содержать, по возможности, исчерпывающее указание на пределы и порядок ответственности за невыполнение указанных них обязанностей (ст. 124 КЗоТ РСФСР); во-вторых, допускалось увольнение работника в том случае, если недостижение нормы выработки явилось следствием его недобросовестности или грубой небрежности, которое осуществлялось без предупреждения (ст. 119 КЗоТ РСФСР).

Надо иметь в виду, что при публично-правовой обязанности трудиться в условиях всеобщей трудовой повинности дисциплинарное увольнение в значительной степени теряло свое карательное содержание. КЗоТ

РСФСР 1922 г. зафиксировал сужение сферы государственного принуждения в рамках института дисциплинарной ответственности, исходя из правового равенства сторон договора найма.

Правила внутреннего распорядка для отдельных предприятий вырабатывались по соглашению между их администрацией и местным отделом профсоюзов, утверждались инспекцией труда и содержали в себе указание на пределы и порядок ответственности за их нарушение. Предполагалось издание Примерных правил внутреннего распорядка НКТ РСФСР по соглашению с ВЦСПС и ВСНХ.

Единообразного перечня видов дисциплинарных взысканий и оснований их наложения законодательство не содержало. Отметим, что история советского законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности привлекала внимание отечественных исследователей, но в те или иные периоды акценты расставлялись по-разному, в зависимости от «линии партии», политической конъюнктуры [9, с. 166, 10, с. 141–147].

Примерные Правила внутреннего распорядка учреждений, предприятий и хозяйств впервые были утверждены НКТ СССР 25 февраля 1924 г. [11].

Уже в них указывалось несколько основных нарушений трудовой дисциплины. Конкретные составы дисциплинарных проступков, число которых доходило до 50, и санкции за их совершение предусматривались в табелях взысканий, прилагаемых к Примерным правилам. Первый Табель взысканий был приложен к Правилам внутреннего распорядка для предприятий электро- и металлопромышленности, утвержденным НКТ СССР 13 мая 1925 г. [12].

Развернутый Табель взысканий прилагался к Примерным правилам внутреннего распорядка для промышленных предприятий, утвержденным постановлением НКТ СССР от 19 июля 1927 г. [13].

В Табеле взысканий перечень дисциплинарных проступков носил примерный характер и мог применяться по аналогии с другими нарушениями трудовой дисциплины или изменяться и дополняться администрацией совместно с профсоюзными органами.

До 1930 г. в Примерных правилах и Табелях взысканий предусматривалось, как правило, два вида взысканий: выговор с объявлением по цеху или отделу и извещением ФЗМК и увольнение.

Допускалось привлечение, по согласованию с профсоюзной организацией, к ответственности перед производственным (товарищеским) судом. В тот период социальное назначение трудового права пока еще находило отражение на уровне и законодательства, и правовой идеологии.

Как отмечал Я.А. Канторович, «общие начала обязательственного права, рассчитанные на товарно-имущественный оборот, не могут иметь применение к трудовому договору без некоторых изменений и отступлений, так как мы имеем дело не с имуществом, а с личностью человека, которая стоит вне гражданского оборота и должна быть защищена в своих неотъемлемых правах» [14, с. 184].

Дисциплинарная ответственность устанавливалась за дисциплинарные проступки, т.е. за правонарушения, выразившиеся в нарушении трудовой дисциплины, которые влекли за собой меры уголовно-правового характера. Советское трудовое законодательство предусматривало следующие основные виды дисциплинарной ответственности рабочих и служащих: по правилам внутреннего трудового распорядка; в порядке подчинённости; по уставам о дисциплине и специальным нормативным актам [15, с. 14].

Таким образом, переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике со всей определенностью поставил на повестку дня вопрос об унификации государственного принуждения в рамках института дисциплинарной ответственности.

Список литературы

1. Документы по истории гражданской войны в СССР. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. 256 с.
2. Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917–1919 гг. Сборник документов. Т. 1. Л.: Лениздат, 1947. 492 с.

3. Установление советской власти в Ярославской губернии. Ярославль: Кн. Изд-во, 1957. 498 с.
4. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах». Декрет СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 56. Ст. 537.
5. Положение об общих местах заключения РСФСР. Утверждено Постановлением Народного Комиссариата Юстиции от 15 ноября 1920 г. // СУ РСФСР. 1921. № 23–24. Ст.142.
6. Положение «О дисциплинарных судах». Утверждено постановлением II сессии ВЦИК X созыва от 7 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. №54. Ст. 531.
7. Положение «О дисциплинарных судах» Утвержден Декретом ВЦИК и СНК от 14 июня 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 36. Ст. 291.
8. Горшенин К. П. Правовое регулирование труда рабочих и служащих в первый год Советской власти. М.: Юриздат, 1939. 104 с.
9. Михайленко Н. Т. Правовые проблемы дисциплины труда в СССР. Фрунзе: «Мектеп», 1972. 510 с.
10. Пятаков А. В. Укрепление трудовой дисциплины: Правовые проблемы. М.: Наука, 1979. 214 с.
11. «О некоторых изменениях в Положении о рабочем времени и учете рабочего времени рабочих и служащих на транспорте» Постановление Наркомтруда СССР от 8 марта 1924 г. № 105/350 //Известия НКТ СССР. 1924. № 12. С. 3.
12. Правила внутреннего распорядка для предприятий электро- и металлопромышленности. Утв. НКТ СССР 13 мая 1925., № 148/354 // Известия НКТ СССР. 1925. № 29. С. 7–8.
13. Примерные Правила внутреннего распорядка для промышленных предприятий (с приложением Табели взысканий)Утв. НКТ СССР 19 июля 1927 г. № 185 // Известия НКТ СССР. 1927. № 32-33.
14. Канторович Я. А. Коллективный договор. Л.: Изд-во культ.-просветит. отд. Ленингр. губпрофсовета, 1924. 190 с.
15. Левиант Ф. М. Социалистическая дисциплина труда. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. 36 с.

References

1. *Dokumenty po istorii grazhdanskoj vojny v SSSR* [Documents on the history of the Civil War in the USSR]. M.: Politizdat pri TsK VKP(b), 1941. 256 p.
2. *Rabochiy kontrol' i natsionalizatsiya promyshlennykh predpriyatij Petrograda v 1917-1919 gg. Sbornik dokumentov* [Workers' control and the nationalization of the industrial enterprises of Petrograd in 1917–1919. Collection of documents]. V. 1. L.: Lenizdat, 1947. 492 p.
3. *Ustanovlenie sovetskoy vlasti v Yaroslavskoy gubernii* [The establishment of Soviet power in the Yaroslavl province]. Yaroslavl': Kn. Izd-vo, 1957. 498 p.
4. *SU RSFSR*. 1919. № 56. Art. 537.
5. *SU RSFSR*. 1921. № 23-24. Art. 142.
6. *SU RSFSR*. 1923. №54. Art. 531.
7. *SU RSFSR*. 1926. № 36. Art. 291.
8. Gorshenin K. P. *Pravovoe regulirovanie truda rabochikh i sluzhashchikh v pervyy god Sovetskoy vlasti* [Legal regulation of work of workers and employees in the first year of Soviet power]. M.: Yurizdat, 1939. 104 p.
9. Mikhaylenko N. T. *Pravovye problemy distsipliny truda v SSSR* [Legal problems of labor discipline in the USSR]. Frunze: «Mektep», 1972. 510 p.
10. Pyatakov A. V. *Ukreplenie trudovoy distsipliny: Pravovye problem* [Strengthening of labor discipline: Legal problems]. M.: Nauka, 1979. 214 p.
11. *Izvestiya NKT SSSR*. 1924. № 12. p. 3.
12. *Izvestiya NKT SSSR*. 1925. № 29. pp. 7-8.
13. Primernye Pravila vnutrennego rasporyadka dlya promyshlennykh predpriyatij (s prilozheniem Tabeli vzyskaniy)Utv. NKT SSSR 19 iyulya 1927 g. № 185 [Exemplary internal regulations for industrial enterprises (with the application of penalties the Table) Approved. Tubing USSR July 19, 1927 № 185]. *Izvestiya NKT SSSR*. 1927. № 32-33.
14. Kantorovich Ya. A. *Kollektivnyy dogovor* [Collective agreement]. L.: Izd-vo kul't.-prosvetit. otd. Leningr. gubprofsoвета, 1924. 190 p.
15. Leviant F. M. *Sotsialisticheskaya distsiplina truda* [Socialist labor discipline]. L.: Izd-vo LGU, 1957. 36 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Шакирова Индира Абдулхаковна, доцент кафедры «Гражданское право и гражданский процесс», кандидат юридических наук
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
пр. Сююмбике, 10А, г. Набережные Челны, Республика Татарстан, 423812, Российская Федерация
indiraksu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shakirova Indira Abdulkhakovna, associate professor «Civil law and civil process», candidate of legal sciences
Kazan (Volga) federal university, Naberezhnye Chelny institute (branch)
Syuyumbike Ave., 10A, Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812, Russian Federation
indiraksu@mail.ru

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICS

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-81-100

УДК 354: 316.752.4

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И АКТОРЫ

Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д.

Внедрение информационных технологий связано с ожиданием кардинальных изменений в отношениях граждан и государства, включая резкое возрастание влияния граждан на деятельность органов власти, в том числе в сфере принятия решений. Переход к «электронному правительству» описывается через «риторику разрыва» с предшествующей системой государственного управления. Операционализация концепции «электронного правительства» осуществляется через концепт «электронные государственные услуги», которые мыслятся в логике исключения, как вытесняющие (и со временем призванные полностью вытеснить) традиционные формы взаимодействия граждан с сотрудниками органов власти. Результаты эмпирического исследования (фокус-групп, проведенных в 2010 и 2015 гг. в Екатеринбурге) показывают, что граждане осуществляют операционализацию «электронного правительства» иными способами, действуя в «логике включения». Даже выражая готовность пользоваться электронными услугами, они принимают реальные решения на ситуативном уровне, где могут действовать как по но-

вым, так и по старым правилам, в зависимости от значимости для них той или иной проблемы. Электронное взаимодействие выступает для них как вторичное, подсобное, принципиально не меняющее в их отношении с представителями власти. Граждане в отношении электронных услуг выступают относительно самостоятельными акторами, применяющими целый комплекс компетенций, а не пассивными пользователями, действующими в строго заданных рамках.

Цель. Статья посвящена вопросам социальной адаптации информационных технологий в сфере взаимодействия граждан с органами власти. Предметом анализа выступает использование гражданами электронных государственных и муниципальных услуг. Авторы ставят целью показать, что граждане являются не пассивными пользователями, а акторами, преобразовывающими предлагаемые электронные услуги в соответствии с собственными интересами.

Метод проведения работы. Исследование базируется на результатах фокус-групп, проведенных в 2010 и 2015 гг. в центральном городе крупной индустриальной области. Методологически авторы опираются на принципы теории социального конструирования технологии (SCOT).

Результаты. Авторы показывают, что граждане в процессе взаимодействия с органами власти формируют собственные «арки действий», ядром которых выступают традиционные формы взаимодействия, ориентированные на личностное, по возможности неформальное общение с представителями власти. Электронное взаимодействие играет чисто функциональную, подчиненную роль, позволяя решить ряд подготовительных задач (определить набор необходимых документов, записаться на прием и т.п.). Авторы делают вывод, что реальные практики электронного взаимодействия расходятся с нормативными представлениями о том, как такое взаимодействие должно выглядеть с точки зрения концепции «электронного правительства», поскольку граждане являются акторами, а не пассивными пользователями.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере информатизации государственного и муниципального управления и проектирования государственных и муниципальных электронных услуг.

Ключевые слова: *электронное правительство; электронные услуги; адаптация технологий; акторы; компетенции; логика включения.*

INFORMATION TECHNOLOGY ADOPTION: THE EMERGENCE OF NEW COMPETENCIES AND ACTORS

Dyakova E.G., Trahtenberg A.D.

When speaking about e-government, public officials proceed from the idea of drastic rupture with the conventional forms of government administration, using so called “rupture talk”. “Rupture” means that adoption of information technologies must entail fundamental changes in the relations between the citizens and the government including citizens’ empowerment. Operationalisation of “e-government” is performed via the concept of “e-services”. E-services are conceived in the logic of exclusion as a preemptive (and eventually designed to completely replace) traditional forms of interaction between citizens and public officials. The results of empirical research (focus groups, conducted in 2010 and 2015 in Ekaterinburg, Sverdlovsk Region) show that the citizens operationalize the e-government by other logic – the logic of inclusion. They use new ways of interaction with the government for solution of conventional problems. Even though they express willingness to use the e-services, real decisions are made at the situational level – they choose whether to use the new or old rules depending on the significance of the particular problem. Electronic interaction is perceived by them as secondary, ancillary, providing no fundamental change in their relations with the public officials. Citizens are actors, applying a set of competencies, rather than passive users, operating in a strictly defined framework.

Purpose. The article is devoted to the study of information technology adoption in the field of interaction between citizens and public authorities. The subject of the analysis is the citizens' use of state and municipal e-services. The authors aim to show that the citizens are not passive users but actors, converting e-services in accordance with their own interests.

Methodology. The basis of the research is the results of two focus groups conducted in 2010 and 2015 in one of the Russian industrial areas and its central city. Methodologically the authors proceed from the principles of the theory of social construction of technology (SCOT).

Results. The authors show that citizens in the process of interaction with the authorities form their own "arch of action", in the core of which are the traditional forms of citizens – officials interaction, focused on personal communication with the officials. Electronic interaction plays a purely functional, subordinate role. It is used for solving a number of preparatory tasks (to define a set of required documents, make an appointment, etc.). The authors conclude that the actual practice of e-services use diverge from normative ideas about how such interaction should look in the concept of e-government.

Practical implications. The research results can be applied in the field of public administration and design of state and municipal e-services.

Keywords: e-government; e-services; technology adoption; actors; competences; logic of inclusion.

Внедрение информационных технологий в систему государственного и муниципального управления связано с целым комплексом дискурсивных практик, объединенный вокруг концепции электронного правительства. Эти практики функционируют на основе т.н. «риторики разрыва» [10]: утверждается, что внедрение информационных технологий должно обеспечить переход от традиционного бюрократического управления, основанного на жесткой управленческой иерархии, к гибкой децентрализованной системе, связанной горизонтальными связями и оперативно реагирующим на запросы граждан. Одновременно электронное прави-

тельство рассматривается как инструмент формирования современного технически грамотного и ответственного гражданина и борьбы с абсентизмом (как путем развития систем электронной демократии, так и путем тесного взаимодействия граждан и представителей органов власти в оперативном режиме).

Операционализация «e-government» осуществляется через концепт «электронных услуг». Подсчет количества и видов услуг, которые потенциально могут получить граждане через официальные сайты и порталы, лежит в основе различных международных рейтингов электронного правительства, включая важнейший из них – рейтинг Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН (UN DESA), задающий международную управленческую моду в сфере информатизации государственного и муниципального управления.

В 2002 году во втором обзоре UN DESA была разработана ставшая в настоящее время общепринятой модель «пирамиды электронного правительства». Данная модель описывает его развитие с начальной стадии, когда гражданам предоставляются только информационные услуги (фактически речь идет о присутствии государственных структур в сети Интернет) через интерактивную стадию (граждане получают возможность скачивать и заполнять официальные документы и взаимодействовать с чиновниками в электронном виде) к транзакционной стадии (граждане могут не только заполнить форму, но и отправить ее в электронном виде, и в таком же виде получить необходимые документы, имеющие юридическую значимость). На заключительном этапе на основе полной интеграции имеющихся электронных услуг формируется новая форма государственного управления, характеризуемая прежде всего переходом от вертикального к горизонтальным потокам информации [13, с. 2].

Перевод взаимодействия между гражданами и органами власти в электронный вид в рамках господствующей «риторики разрыва» подается как прогресс, преимущества которого очевидны любому рядовому гражданину: услуги можно получить в любое удобное время (в идеале – в

режиме 365/7/24, т.е. все триста шестьдесят пять дней в году, семь дней в неделю и двадцать четыре часа в сутки), сроки ожидания сокращаются, а главное – нет необходимости взаимодействовать с чиновниками и отсутствует зависимость от их дискреционных полномочий.

Однако оказалось, что эти очевидные преимущества далеко не очевидны для граждан. Электронные услуги не пользуются популярностью или пользуются далеко не в той мере, как рассчитывали разработчики. Так, авторы аналитического отчета Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), проанализировав статистические данные за 2001–2008 гг., выявили весьма ограниченную корреляцию между количеством и качеством предоставляемых услуг и спросом на эти услуги [12, с. 13]. В последующие годы ситуация не изменилась. В обзоре UN DESA 2014 года (последнем на текущий момент), вновь говорилось о том, что в то время как предложение электронных услуг постоянно растет, спрос на эти услуги развивается недостаточными темпами. При этом отмечалось, что граждане охотно пользуются информационными услугами, но заметно реже – интерактивными и транзакционными [14].

Данная проблема остро стоит и в России. Согласно Указу Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, должна к 2018 году должна достичь не менее 70%, при этом уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг должен составить не менее 90% [2]. Чтобы достичь этого показателя, уже в 2015 году не менее 35% жителей России должны были стать пользователями (зарегистрировать «Личный кабинет») Единого портала государственных и муниципальных услуг РФ www.gosuslugi.ru (ЕПГУ). Однако к концу 2015 года Количество граждан, зарегистрированных в Единой системе идентификации и аутентификации пользователей (ЕСИА), т.е. имеющих личный кабинет на ЕПГУ, к концу 2015 года достигло 22,5 миллионов человек [5]. Доля

проникновения ЕСИА по России в целом составила 15,62%. Иными словами, в настоящее время имеет аккаунт на ЕПГУ каждый шестой житель России.

За средним показателем скрываются очень значительные различия между регионами. Лидером по использованию ЕСИА является Приморский край с долей проникновения 42,75%, что почти в три раза выше, чем в среднем по стране. В число лидеров также входят три региона Уральского федерального округа: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (доля проникновения – 41,32%), Тюменская область (39,17%), и Ямало-Ненецкий автономный округ (34,92%) [5]. В Свердловской области доля граждан, зарегистрированных в ЕСИА, на конец 2015 года составила 21,4% [6].

Хроническая недостаточная востребованность электронных услуг является общей проблемой для всех стран, переходящих к электронному правительству. Не случайно среди дискурсивных практик, связанных с формированием электронного правительства, значительное место занимают риторические жалобы на неготовность граждан к переменам и их неспособность оценить очевидные преимущества электронного правительства, а одним из важнейших исследовательских направлений в сфере электронного правительства стало изучение факторов, влияющих на адаптацию пользователями электронных услуг, и барьеров, препятствующих этой адаптации.

В рамках этого направления разработано свыше десятка разнообразных моделей адаптации электронных услуг. Базовой является модель технологической адаптации (ТАМ) Ф. Дэвиса, согласно которой существуют два основных фактора, влияющих на адаптацию: ожидаемая польза от технологии и ожидаемые сложности при ее освоении [8]. Если ожидаемая польза оценивается выше, чем ожидаемые сложности, происходит адаптация. Если соотношение оказывается обратным, потенциальные пользователи от адаптации уклоняются.

В дальнейшем базовая модель была дополнена самыми разнообразными факторами. Например, Л. Картер и Ф. Беланже предложили учи-

тивать не только сравнительные преимущества электронных услуг, но также доступность Интернета, наличие у пользователей необходимых компетенции, а также уровень доверия к органам власти, которые предоставляет услуги [7].

В. Венкатеш с соавторами (М. Моррис, Дж. Дэвис, Ф. Дэвис) попытались создать единую теорию адаптации и использования технологий (UTAUT). По их мнению, при адаптации технологий нужно учитывать также различные формы социального влияния, в комплексе формирующие у пользователя впечатление, что использование новой технологии является обязательным [15].

В основе самых сложных моделей по-прежнему лежит представление о том, что адаптация зависит в первую очередь от оценки потенциальными пользователями преимуществ новой формы предоставления государственных и муниципальных услуг по сравнению с традиционной. При этом вопрос о том, *что* именно оценивают граждане, когда речь идет об электронных услугах, не ставится. Исследователи неявно исходят из того, что граждане понимают «электронные услуги» точно так же, как те, кто их разрабатывает и предоставляет.

Однако устойчивое воспроизводство проблемы недостаточной востребованности новой формы взаимодействия граждан и органов власти заставляет предположить, что это может быть и не так. Пользуясь известной моделью С. Холла, можно выдвинуть гипотезу о несовпадении способов кодирования электронных услуг разработчиками и их декодирования пользователями [11]. Мы предполагаем, что пользователи электронных услуг являются самостоятельными акторами: они не пассивно следуют заданным правилам, а способны к творческим активным действиям, процедурам и уловкам, благодаря которым они могут извлечь выгоду из этих правил [9]. Это означает, что то, что сверху описывается как адаптация «электронной услуги», снизу будет восприниматься как использование новых возможностей для решения жизненных проблем путем конструирования некой «арки действий», объединяющей несовместимые, с точ-

ки зрения разработчиков, виды услуг. Граждане могут действовать как «по-новому», так и «по-старому» в зависимости от значимости для них той или иной проблемы. Электронное взаимодействие выступает для них как вторичное, подсобное, ничего принципиально не меняющее в их отношении с представителями власти. Таким образом, «риторика разрыва» оказывается не работающей.

Для проверки данной гипотезы в синхроническом и диахроническом аспекте нами были использованы результаты количественных социологических исследований, проведенных в Свердловской области в 2010 и 2015 годах.

Также были использованы результаты качественных социологических исследований, проведенных в 2010 и 2015 годах в г. Екатеринбурге. В фокус-группах участвовали жители Екатеринбурга, являющиеся активными пользователями Интернета. Скрининг участников фокус-групп осуществлялся по единой схеме, направленной на репрезентацию в них представителей основных слоев городского населения. В дальнейшем реплики участников фокус-групп приводятся косым курсивом. В скобках указываются основные социально-демографические характеристики участника, которому принадлежит реплика.

С целью выявить принципиальное отношение к тому, чтобы вместо личного контакта с чиновником перейти на опосредованное компьютером безличное взаимодействие, респондентам в ходе количественных исследований предлагалось ответить на вопрос о том, как бы они предпочли бы обращаться в органы власти – только лично, только по Интернету, или сочетая обе эти формы.

В данном опросе термин «государственные услуги» был операционализирован через «обращение в органы власти». Это отражает особенности отечественного законодательства: в федеральном законе № 210-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [1] государственная услуга определяется законодателем как деятельность по реализации функций соответственно феде-

рального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органов, предоставляющих государственные услуги, а муниципальная услуга – как деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах полномочий органа, предоставляющего муниципальные услуги. Как видим, главной характеристикой как государственной, так и муниципальной услуги является наличие запроса заявителя.

Количественные исследования 2010 и 2015 годов продемонстрировали очень высокую устойчивость позиций пользователей. Фактически, с учетом ошибки репрезентативности при данном объеме выборки (2010 г. – 500 человек, 2015 год – 350 человек), речь идет об одном и том же распределении ответов.

Доля жителей Свердловской области, в той или иной мере готовых взаимодействовать с представителями власти по Интернету, т.е. являющихся активными или ситуативными сторонниками электронного правительства, стабильно равна примерно трети от их общего числа (33,6% в 2010 году и 34,0% в 2015 году). Это означает, что, несмотря на активную работу Портала государственных и муниципальных услуг Российской Федерации, а также региональных и муниципальных порталов аналогичного типа, а также значительный рост числа услуг, которые можно получить в электронном виде, прорыва в принципиальном отношении жителей Свердловской области к электронному взаимодействию с органами власти не произошло. Более того, доля респондентов, которые намерены общаться с органами власти только лично, выросла с 58,4% до 64,0%.

Активные сторонники электронного правительства, предпочитающие при любых условиях взаимодействовать с органами власти по Интернету, обладали классическими характеристиками «информационно богатых». И в 2010 (см. [4]), и в 2015 году о безусловном предпочтении, оказываемом электронному взаимодействию чаще всего говорили респонденты

младшего и среднего возраста, с высоким уровнем образования, занимающие руководящие посты или занятые умственным трудом. В 2015 году к двум последним категориям принадлежали 40% опрошенных в группе, что было намного выше среднего по массиву.

Таблица 1.

Готовность жителей Свердловской области к электронному правительству в динамике

Если бы был выбор, как официально обратиться в государственное учреждение, предпочли бы...	Июнь 2010 г.	Май 2015 г.
только через Интернет	14,8	13,3
иногда лично, иногда через Интернет – зависит от ситуации	18,8	20,7
Итого:	33,6	34,0
прийти и обратиться лично	58,4	64,0
затруднились ответить	8,0	2,0

В 2015 году 89,9% активных сторонников заявили, что пользуются Интернетом в ежедневном режиме. Поскольку Интернет для них полностью доступен и они овладели всеми необходимыми навыками, они используют его как инструмент решения проблемы взаимодействия с государственными и муниципальными органами и учреждениями (в числе прочих проблем).

Соответственно, противниками взаимодействия с государством в электронном виде и в 2010, и в 2015 годах выступали прежде всего лица старшего возраста с невысоким уровнем образования, находящиеся на пенсии и не имеющие навыков пользования Интернетом, т.е. те, кого принято называть «информационно бедными», находящимися по ту сторону «цифрового разрыва» [3].

В данном случае Свердловская область полностью находится в русле глобальных тенденций: пользователями электронного правительства во всех странах мира являются группы населения, уже находящиеся в относительно привилегированном положении, если речь идет о взаимодействии с представителями власти (для которых они, между прочим, являются

«социально близкими» по основным социально-демографическим параметрам). Они облегчают себе традиционное взаимодействие, используя возможности, предоставляемые государственными информационными ресурсами. Однако при этом характер взаимодействия не претерпевает принципиальных изменений. О том, что это действительно так, говорят результаты фокус-групп, проведенных в Екатеринбурге с интервалом в 5 лет.

В 2010 году участники фокус-группы интерпретировали электронное правительство как возможность *«напрямую общаться с правительством посредством Интернета»*, т.е. *«вопросы задавать в электронном виде»*, *«можно будет написать, и чтобы они ответили»*. Фактически речь шла о подаче «челобитных» в органы власти с позиции просителя/получателя социальных благ. Использование нового, электронного канала оценивалось с точки зрения возможности добиться нужного ответа от адресата «челобитной». Только один участник с весьма характерным демографическим профилем (мужчина, 26 лет, сотрудник компьютерной фирмы) предположил, что между «электронным правительством» и «государственными услугами» может быть связь: *«Может, и государственные услуги в это должны входить. Какие-то справки там получать. Какие-то копии там чего-то. Чтобы не бегать [по учреждениям]»*.

В этом же, 2010 году, при обсуждении электронного взаимодействия с органами власти участники разделились на сторонников и противников в соотношении 6 к 4. Мотивы противников были вполне очевидны: *«Я лично хожу. Мне кажется, что так надежнее. Я сама поговорила, сама посмотрела, сама прочитала, и сама сделала»* (женщина, 50 лет, служащая, бюджетная организация). Все сторонники электронного взаимодействия оказались ситуативными. Они описывали «арку действий», в которой электронные и традиционные способы взаимодействия были объединены в общую схему: *«Через Интернет в том плане обратиться, чтобы узнать, какие документы нужны. Куда подойти. А подходить для меня, вот лично для меня, легче. Самому подойти. Потому что если я приду, то я так просто не отстану!»* (мужчина, 67 лет, пенсионер).

К 2015 году респонденты уже вполне освоили и термин «электронное правительство», и термин «государственные услуги». Они уверенно заявляли, что *«электронное правительство – это услуги правительства, которые я могу получить через Интернет»* (женщина, 31 год, специалист, бюджетное учреждение). Утверждение, что *«электронное правительство – это то, что я должен какие-то пожелания написать, пожаловаться на кого-то»* (мужчина, 50 лет, специалист, частное предприятие) было зафиксировано только один раз.

Участники фокус-группы активно использовали новые возможности: 8 из 10 заявили, что им уже приходилось осуществлять электронное взаимодействие с органами власти, а конкретно – пользоваться ЕПГУ для получения заграничного паспорта, просмотра штрафов ГИБДД, записи на прием к врачу, записи ребенка в детский сад или школу. При подробном описании действий обнаруживалась уже знакомая нам «арка», объединяющая традиционные и электронные элементы. В случае высокой значимости услуги участники специально подчеркивали, что не будут ограничиваться безличным электронным взаимодействием.

В первую очередь это касалось записи в детские сады и школы, поскольку речь о распределении дефицитного ресурса (удобно расположенных детских садов и хороших школ меньше, чем родителей, желающих записать в них детей, поэтому электронная запись не регулирует, а, наоборот, регулярно провоцирует в Екатеринбурге скандалы, связанные с тем, что результаты родителей не удовлетворяют). Поэтому, когда один из участников заявил, что *«записался [в школу в электронном виде], все сделал, а потом съездил и проверил вживую. Когда съездишь, по факту проверишь, это будет надежнее»* (мужчина, 50 лет, специалист, частное предприятие), то остальные его тут же поддержали: *«Да, тут рисковать нельзя»* (женщина, 40 лет, служащая, частное предприятие), *«Хочется еще интуицию свою послушать»* (женщина, 56 лет, неработающая пенсионерка).

В целом для участников фокус-группы 2015 года было характерно сочетание рутинизации использования электронного взаимодействия

(подготовительные действия, осуществляемые через Интернет, рассматривались ими во многом само собой разумеющиеся) и подчеркнута позитивных оценок результатов этого взаимодействия (*«все доступно и понятно», «не надо стоять в очереди»*). Вопросы о том, сложно ли пользоваться Единым порталом государственных и муниципальных услуг, неизменно получал отрицательный ответ: критика навигации и дизайна ЕПГУ воспринималась участниками как сомнение в собственной компетентности.

При этом участники фокус-группы стремились сохранить традиционное ядро взаимодействия – возможность личного общения с представителем власти – в неприкосновенности, особенно когда речь идет об услуги высокой социальной значимости (выбор школы в значительной мере определяет будущее ребенка). Иными словами, «арка действия» строилась вокруг традиционной процедуры, дополненной электронными звеньями.

Характерно, что участники фокус-группы 2015 года не видели особых отличий между услугами, оказываемыми органами государственной власти и местного самоуправления. С их точки зрения, это была скорее разница масштабов:

«Ничем они не отличаются. Все так же должно быть. Или я большим руководжу предприятием, там больше просто, или маленьким. Все так же должно быть, просто все компактнее и меньше» (мужчина, 50 лет, специалист, частное предприятие).

«Муниципальные услуги, я считаю, это более узкое что-то... Специализированное более, именно территориально все-таки. Хотя функции одни и те же, да» (женщина, 34 года, специалист, бюджетное учреждение).

Услуги интересовали участников фокус-групп, исходя из их жизненных потребностей, а не исходя из полномочий соответствующих органов власти. В глазах сотрудников органов власти такое отношение выглядит как низкий уровень административной компетентности. В ходе серии ин-

тервью, которые мы провели с сотрудниками администрации г. Екатеринбургa летом 2015 года, они отмечали, что *«поток обращений граждан на сайт Администрации города большой, и не все граждане правильно разбираются и направляют свои обращения по адресу, компетенции и пр. Потребителям удобнее задать вопрос напрямую руководителю, нежели прочитать нормативные документы, которые определяют порядок оказания услуги. Не всегда граждане знакомы с порядком оказания услуги (женщина, стаж муниципальной службы более десяти лет, образование высшее педагогическое, специалист, Управление образования)». На самом деле стремление задать вопрос «напрямую руководителю» свидетельствует не о незнании порядка оказания услуги, а о сознательных действиях внутри «арки», ядром которой является как раз личное взаимодействие с представителями власти.*

В целом выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. Граждане оперируют электронными услугами в логике включения, используя новые способы взаимодействия с властью для решения традиционных проблем, формируя собственные «арки действий». Даже выражая готовность пользоваться электронными услугами, они принимают реальные решения на ситуативном уровне. В их реальной жизненной практике электронное взаимодействие уже в значительной мере рутинизировано: оно облегчает взаимодействие с органами власти и/или помогает решать вспомогательные задачи. Однако в значимых случаях граждане предпочитают личный контакт с чиновником. Таким образом, граждане выступают в отношении электронных услуг как относительно самостоятельные акторы со сложившимся набором компетенций, а не как пассивные пользователи.

Список литературы

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг (с изменениями и дополнениями): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/12177515/#ixzz3kOK0wXB0> (дата обращения: 12.01.2016).

2. Указ Президента РФ от 06 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». [Электронный ресурс] // «Российская газета», 05 сентября 2012 г. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (дата обращения: 12.01.2016).
3. Дьякова Е.Г. Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации: акторы и компетенции // Труды Международной научно-теоретической конференции Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества. СПб., 2015. С. 220–221.
4. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Электронное правительство и граждане: результаты комплексного исследования в УрФО: монография. Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та. 184 с.
5. Количество зарегистрированных граждан в ЕСИА выросло на 2,7 млн. в конце 2015 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 21 января 2016. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (дата обращения: 12.01.2016).
6. Отчетность Министерства транспорта и связи Свердловской области по цели «Достижение показателя: «Доля жителей Свердловской области, зарегистрированных на Едином портале государственных и муниципальных услуг (функций), в 2015 году – 15%». [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства транспорта и связи Свердловской области. URL: <http://mtis.midural.ru/article/show/id/1123> (дата обращения: 12.01.2016).
7. Carter L., Belanger F. The Utilization of E-Government Services: Citizen Trust, Innovation and Acceptance Factor // Information System Journal. 2005. P. 5–25.
8. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology // MIS Quarterly. 1989. vol. 13. no 3. P. 319-339.
9. de Certeau, M. The Practice of Everyday Life. University of California Press. 3rd eds., 2011. 256 p.
10. Hecht G. Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade. The MIT Press, 2014. 480 p.

11. Hall S. Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works. L., 2001.
12. Organization for Economic Co-operation and Development. Rethinking e-Government Services: User-centred Approaches. Paris, 2009. 240 p. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/governance/rethinking-e-government-services_9789264059412-en (дата обращения: 12.01.16).
13. UN Department of Economic and Social Affairs. Benchmarking E-Government: A Global Perspective. 2002. UN. 74 p. URL: <http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/English.pdf/> (дата обращения: 12.01.16).
14. UN Department of Economic and Social Affairs. E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. 2014. UN. 262 p. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 12.01.16).
15. Venkatesh V., Morris M., Davis G., Davis F. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // MIS Quarterly. 2003. vol. 27, no 3, pp. 425–478.

References

1. *Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug (s izmeneniyami i dopolneniyami): federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 210-FZ* [The Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ «On the organization of state and municipal services» (as amended)]. <http://base.garant.ru/12177515/#ixzz3kOK0wXB0> (accessed January 12, 2016) (in Russ).
2. *Ukaz Prezidenta RF ot 06 maya 2012 g. № 601 «Ob osnovnykh napravleniyakh sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennogo upravleniya»* [Decree of the President of the Russian Federation dated May 6, 2012 No. 601 “On Main Direction of the System of Public Administration Improving”]. <http://www.rg.ru/2012/05/09/gosupravlenie-dok.html> (accessed January 12, 2016) (in Russ).
3. Dyakova E.G. *Edinyy portal gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug Rossiyskoy Federatsii: aktory i kompetentsii* [The Unified Portal for State

- and Municipal Services of the Russian Federation: actors and competencies]. *Trudy Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii "Sotsiokul'turnye sredy i kommunikativnye strategii informatsionnogo obshchestva"* [Proceedings of the International scientific-theoretical conference 'Socio-cultural environment and communication strategies of the information society']. SPb., 2015. pp. 220-221 (in Russ).
4. Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. *Elektronnoe pravitel'stvo i grazhdane: rezul'taty kompleksnogo issledovaniya v UrFO* [E-government and citizens: results of a comprehensive study in the Urals Federal District]. Ekaterinburg: izd-vo Ural. un-ta. 184 p. (in Russ).
 5. *Kolichestvo zaregistrovannykh grazhdan v ESIA vyroslo na 2,7 mln. v kontse 2015 goda* [At the end of 2015 the number of registered citizens in the UPSMS has increased by 2,7 million]. <http://minsvyaz.ru/ru/events/34565/> (accessed January 12, 2016) (in Russ).
 6. *Otchetnost' Ministerstva transporta i svyazi Sverdlovskoy oblasti po tseli «Dostizhenie pokazatelya: «Dolya zhiteley Sverdlovskoy oblasti, zaregistrovannykh na Edinom portale gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug (funktsiy), v 2015 godu – 15%»* [Reports of the Ministry of Transport and Communication of the Sverdlovsk Region on the Indicator of Achievement: "The Share of Residents of the Sverdlovsk region, registered in the Unified Portal of State and Municipal Services (Functions), in 2015 – 15%"]. <http://mtis.midural.ru/article/show/id/1123> (accessed January 12, 2016) (in Russ).
 7. Carter L., Belanger F. The Utilization of E-Government Services: Citizen Trust, Innovation and Acceptance Factor. *Information System Journal*. (2005): 5–25.
 8. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. vol. 13, no 3 (1989): 319-339.
 9. de Certeau, M. *The Practice of Everyday Life*. University of California Press. 3rd eds., 2011. 256 p.

10. Hecht G. Being Nuclear: Africans and the Global Uranium Trade. The MIT Press, 2014. 480 p.
11. Hall S. Encoding/Decoding. *Media and Cultural Studies. Key Works*. L., 2001.
12. Organization for Economic Co-operation and Development. Rethinking e-Government Services: User-centred Approaches. Paris, 2009. 240 p. http://www.oecd-ilibrary.org/governance/rethinking-e-government-services_9789264059412-en (accessed January 12, 2016).
13. UN Department of Economic and Social Affairs. Benchmarking E-Government: A Global Perspective. 2002. UN. 74 p. <http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/English.pdf/> (accessed January 12, 2016).
14. UN Department of Economic and Social Affairs. E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want. 2014. UN. 262 p. https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (accessed January 12, 2016).
15. Venkatesh V., Morris M., Davis G., Davis F. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. *MIS Quarterly*. vol. 27, no 3 (2003): 425–478.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Дьякова Елена Григорьевна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

*Институт философии и права Уральского отделения РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620990, Российская
Федерация
gf-urfo@bk.ru*

Трахтенберг Анна Давидовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Институт философии и права Уральского отделения РАН

*ул. Софьи Ковалевской, 16, г. Екатеринбург, 620990, Российская
Федерация
cskiit@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dyakova Elena Grigorevna, Doctor of Political Sciences, leading researcher,
Institute of Philosophy and Law
*Ural Branch of Russian Academy of Science
ul. Sof'i Kovalevskoy, 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
gf-urfo@bk.ru*

Trakhtenberg Anna Davidovna, Ph.D., senior researcher, Institute of
Philosophy and Law
*Ural Branch of Russian Academy of Science
ul. Sof'i Kovalevskoy, 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
cskiit@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-101-113**УДК 32**

УСТОЙЧИВОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Иванов Г.Я.

В статье анализируются внешние и внутренние социально-политические факторы и процессы, подрывающие устойчивость механизма государственного управления России: коррупция, nepoтизм, сверхцентрализация власти, отсутствие национальной идеи объединительного и мобилизующего типа. Решение проблемы автор видит в расширении политического участия активных граждан и гражданских организаций в контроле над процессами государственного управления, а так же в необходимости развития духовно-идеологической основы российской государственности.

Цель: на основе анализа деструктивных факторов и процессов, характерных для современной России, выявить резервы повышения устойчивости государственного управления.

Метод: основной выполнения исследования является системный метод, так же при анализе кризисных сегментов государственного управления применялся структурно-функциональный метод и ценностно-нормативный подход.

Результаты: сформулированы выводы и рекомендации по повышению устойчивости процесса государственного управления современной России в условиях кризиса путем расширения гражданского участия и формирования национальной идеи объединительно-мобилизующего типа.

Область применения результатов: материалы проведенного исследования предназначены для возможного использования при оптимизации работы органов государственного управления России.

Ключевые слова: *Россия; государственное управление; кризис; гражданское общество; идеология; национальная идея; коррупция.*

THE RESISTANCE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA IN CONDITIONS OF SYSTEM CRISIS

Ivanov G.J.

The article analyzes the internal and external socio-political factors and processes that undermine the stability of the mechanism of public management in Russia: corruption, nepotism, excessive centralization of power, lack of national idea uniting and mobilizing type. The solution to the problem the author sees in the expansion of the political participation of active citizens and civil society organizations in monitoring government processes, as well as the need for the development of spiritual-ideological foundations of Russian statehood.

Objective: based on the analysis of destructive factors and processes characteristic of modern Russia, to identify potential to improve the sustainability of public administration.

Method: the main research system is the IU-TOD, as in the analysis of critical segments of the state to manage used structural-functional method and the value-normative approach.

Results: conclusions and recommendations for improving the sustainability of the process of governance in modern Russia in the conditions of crisis by expanding civic participation and the formation of the national idea of unification-catalytic type.

Area of application: materials of the research are intended for possible use in optimization of work of bodies of state administration in Russia.

Keywords: *Russia; public administration; crisis; civil society; ideology; national idea; corruption.*

В последние годы система государственного управления России подвергается проверке на устойчивость в условиях нарастающего социально-политического и экономического кризисов. Внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в связи с событиями вокруг воссоединения с Крымом и военной активизации России в Сирии, оказала значительное неблагоприятное влияние на экономическую, социальную и, во многом, политическую обстановку в стране.

Россия находится в положении открытой политической конфронтации со странами НАТО. Сам факт данной ситуации не является уникальным феноменом и многократно встречался в истории международных отношений: российское государство обязано отстаивать свои внешнеполитические интересы, и когда эти интересы сталкиваются с зоной влияния недружественного военно-политического блока, происходит конфликт. Приняв это за политическую данность, мы не будем концентрировать внимание на особенностях современных внешнеполитических конфликтов, т.к. в контексте данной статьи исследуется современная политическая система Российской Федерации, как один из субъектов, вовлеченных в глобальный международный конфликт.

Размышляя о российской политической системе, мы должны заметить одну из основных её особенностей – своеобразная «политическая молодость» Российской Федерации. Российской демократии как политическому субъекту всего 25 лет, это очень малый срок для того, чтобы сформировались устойчивые государственные традиции. Обратимся к вопросу исторической преемственности государственного управления.

Если обратиться к политической управленческой культуре США, то парадигмы их внешней и внутренней политики базируются на тех принципах, которые были заложены «отцами-основателями» в конце XVIII века и развивались эволюционным путём. Приобретая новые формы и

совершенствуя старые, система государственного управления США отвечала на вызовы той или иной эпохи, адаптировалась к акторам внутриполитической оппозиции. В арсенале политических практик современных американских политиков находятся примерно 250-летний опыт работы их предшественников, аккумулированный в научные исследования, публицистику, учебные программы. Но самым большим достижением двух веков кропотливой политической работы является основной принцип развития американского общества, который в общих чертах объединяет все слои социума США и заставляет их, хотя и с оговорками, работать в одном направлении. Этот принцип – «великая американская мечта», в смысловом плане раскрываемая, впрочем, немного по-разному у разных публицистов и политических деятелей.

Российская политическая действительность не имеет под собой такой, без преувеличения серьёзной и необходимой основы в виде демократической и одновременно строго ориентированной на государственные национальные интересы, политической культуры управления [9; с. 93–95]. За 300 лет Россия меняла фундаментальные устои своего общества трижды. Первый раз при Петре Великом, а второй и третий в уже в XX веке. Причём, каждое из этих изменений сопровождалось насильственным разрушением существовавших (и развивавшихся до этого естественным эволюционным путём) норм общественного существования, физическим уничтожением несогласных общественных деятелей (часто это были талантливые и верные стране люди). Роковые события XX века дважды приводили страну к социальному, политическому и экономическому коллапсу.

И до сих пор российское общество не смогло выработать единый взгляд на эти процессы. Не утихают споры между сторонниками и противниками петровских реформ (неозападники против традиционалистов), а так же яростные дебаты между современными «монархистами» и «коммунистами». Причём подобные конфликты протекают как в публицистическом пространстве, так и в научном сообществе. У российского социума так и не сформировался объективный и взвешенный обще-

принятый взгляд на историю собственной страны, способный бы стать объединительным началом хотя бы на уровне политического сознания. В зависимости от текущей политической ситуации те или иные события интерпретируются властью и оппозицией тенденциозно, в выгодном для себя направлении. А это значит, что у граждан нет адекватного и чёткого понимания того, какое смысловое место занимает страна в мире, в чем задача России как мирового актора, в чем смысл «великой русской мечты». Это прямо отражается на устойчивости политической системы, под которую современные российские лидеры стремятся подвести такую идеологическую категорию, как патриотизм.

Патриотизм – социальное явление, которое имеет под собой конкретные основы, принципы и цели. Условно мы можем выделить два вида патриотизма: патриотизм «против чего-то» и патриотизм «ради чего-то». Как показывает исторический опыт, патриотизм «против» очень легко внедрить в массовое сознание, но затем трудно постоянно поддерживать население страны в режиме политической мобилизации. Для этого нужна непосредственная угроза, которая заставит общество сплотиться, ради противодействия. Причем для политического руководителя желательно, чтобы понятие «угрозы» было воспринято народом как можно шире и абстрактнее, это даст возможность вносить в этот список необходимое количество соперников/оппонентов/врагов, постоянно расширяя или сокращая его в зависимости от собственных интересов. Кроме того, на абстрактного врага сложнее напасть (например, сейчас «антиамерикански» настроенный российский гражданин не представляет особой угрозы ни для правящего политического класса России, ни для самих американцев, однако если такой же гражданин займет активную «антикавказскую» позицию, ситуация может стать угрожающей для многих и проблема переместится в плоскость внимания правоохранительных органов [10; с. 118–125]). Противодействуя американской вестернизации, в целом ряде стран заметное число граждан сформировало запрос на «идеологию глобального мятежа» [6; с. 150], внести вклад в становление которой попыталась и

современная Россия, всегда оставляя, впрочем, возможность для нормализации отношений с Западным блоком.

Но рассмотренный выше вариант патриотизма не даст конструктивной пользы стране, он лишь позволит на время приглушить внутригосударственные противоречия ради борьбы с общим «врагом». Все силы, мобилизованные обществом, будут направлены, не на исправление внутренних проблем и не на усиление государства, а на уничтожение «врага», причем во многих случаях эфемерного, так как в большинстве случаев по указанным выше причинам ореол враждебности навязывается обществу искусственно.

Патриотизм в форме «ради чего-то...» имеет намного больше возможностей как технология государственного управления. В этом случае общество мобилизуется самостоятельно, причём не только для отражения угрозы, но и для развития самой государственной системы. Чувство солидарности возникает не для борьбы с врагом, а для улучшения условий существования своего государства, и народ при необходимости будет готов и рыть окопы, и строить дома, и исследовать космос. В этом случае государственный аппарат имеет под собой колоссальный мобилизационный потенциал всего общества. Но условия для возникновения патриотизма подобного рода чрезвычайно сложны. Во-первых, нужно ясное понимание роли государства в мировой геополитической системе. Во-вторых, каждый член общества должен осознавать, почему именно ему необходимо «жить под бело-сине-красным или звёздно-полосатым флагом», почему нужно говорить именно на родном языке и поддерживать собственную традиционную культуру.

Обе эти парадигмы невозможно создать искусственно, они рождаются самим обществом и государством в процессе исторического развития. Для возникновения такого типа мышления общества необходимо чёткое понятие национальной идеи. Именно отсутствие национальной идеи порождает такое явление, как системный кризис, разрушение базовых ценностей общества.

Экономические, политические и социальные проблемы в современной России приобрели столь ширококомасштабный характер не только из-за введенных экономических санкций или падения цены на экспортируемые энергоносители, а из-за кризиса всей системы общественных ценностей. Поэтому такие управленческие проблемы современного администрирования в России, как коррупция, некомпетентность, nepotизм приобрели угрожающие масштабы.

Именно отсутствие целостной национальной идеи видится основной и самой опасной чертой современной российской политической системы. Это главная проблема, не позволяющая российскому обществу консолидироваться для понимания и достижения единых общегосударственных целей. Профессор И.Л. Морозов отмечал, что выстраивание полноценной национальной российской идеологии подменяется политической элитой пропагандисткой опорой на некоторые «реперные точки цивилизационной сборки многонационального народа» [7; с. 219], к которым ученый относит образы Юрия Гагарина, Великой победы, материнства.

Одна из трактовок такого понятия, как государственное управление, утверждает, что это деятельность органов государственной власти и их должностных лиц по практическому воплощению выработанного на основе соответствующих процедур политического курса. Но здесь возникает главный вопрос: каков стратегический политический курс современной России и по какой причине именно он выбран из всего многообразия возможностей? В российском обществе нет единого ответа на подобный вопрос.

Исследование, проведенное Левада-Центром (результаты были опубликованы 14.03.2016) показало, что большинство россиян не понимают значения демократии как смыслового понятия и присущих ему механизмов защиты прав гражданина: «Когда мы проводили опрос по судебной реформе, мы спрашивали: «Чувствуете ли вы, что ваши права ущемляются?», 40% опрошенных отвечали: «Да, наши права ущемляют». А на вопрос, какие права ущемляют, могли ответить только 7–10%... В России эту

«массу общественного мнения» трудно назвать общественным мнением в западном понимании. Мы скорее говорим об общественном массовом сознании — в частности, потому что оно не имеет никакого влияния, нет развитых межгрупповых коммуникаций, связей, взаимодействий» [8].

Также удручающе выглядят результаты социологических исследований и в изучении отношения граждан к такому важному для России вопросу, как коррупция. Респонденты понимают, что это явление наносит огромный вред стране, подрывает политическую и экономическую систему. Опросы Левада-Центра показывают, что граждане признают опасность этого явления, уверены, что с ним надо бороться, но такое явление, как «дача взятки» оправдывают, многие утверждают, что сами это делают для достижения личных целей: «Выходит, взятка, а под коррупцией в народе понимают именно ее, не абсолютное зло... В решении проблем первостепенной важности — здоровье близких, угроза жизни, свободе и т.п. — взятку считают оправданным средством во всех слоях общества» [3].

Многие социально-экономические проблемы Российской Федерации порождены самим российским обществом, ведь, в конечном счёте, управленческие кадры всех уровней выходят из этого самого общества, они им воспитываются и растут в нём. Подобные проблемы характерны для страны, которая находится в переходном процессе от одной политической системы к другой. Но внутренние проблемы серьёзно осложнены внешними факторами. Политические соперники России, безусловно, будут стараться воспользоваться слабостями системы для реализации своих целей.

Одной из главных проблем Российской Федерации является внесистемная политическая оппозиция, которая отличается радикальными взглядами на политическое устройство государства [5]. Подобных партий и движений (включая периодически пополняемые список официально запрещённых) достаточно много: «Русские», ПАРНАС, Форум левых сил и т.п. Каждое из них представляет какое-либо отдельное политическое направление (от националистических, до крайне либеральных), но их

объединяет предельно негативное отношение к действующей власти, неготовность идти с ней даже на конструктивный диалог.

Подобные партии и движения так или иначе присутствуют в любом государстве, но для устойчивой политической системы они не представляют угрозы, хотя бы в силу своей политической разобщенности, хотя ключевым фактором безопасности является эффективная взаимоподдержка гражданского общества и государственного аппарата. Но в сложившихся российских условиях, когда экономические проблемы создают неустойчивость в обществе, такие партии активизируются, создают разного рода коалиции, проводят различные форумы (например, Форум «Свободной России», который прошёл в Вильнюсе 9–10 марта 2016 г.) [1]. Опасность усиления подобных процессов очевидна: эти силы направляют свою деятельность не на решение конкретных проблем страны, а на ещё большую дестабилизацию существующего режима. К тому же данные организации финансируются и координируются странами-конкурентами России.

Ключевые проблемы нашей страны – nepoтизм, коррупция, отсутствие гражданского общества, имеют конкретные исторические, политические и экономические причины [2; 10]. Это сопутствующие современной системе государства и общества недостатки, которые необходимо «пережить». Но в сложившихся внешнеполитических условиях они могут оказать разрушающее воздействие на Российскую Федерацию. При ухудшении существующих социально-экономических параметров государство может оказаться в ситуации, когда в обществе обострятся такие серьёзные противоречия, как проблема социального неравенства и этнические конфликты. Государственный аппарат из-за пронизывающих его коррупции и nepoтизма не сможет адекватно ответить на разрушающее воздействие этих проблем. Поэтому первостепенной задачей государственного управления в сложившейся ситуации должно стать конструирование механизмов консолидации общества и формирование условий для возникновения социального явления, обозначенного ранее, как патриотизм «ради чего-то...».

Перед государственной элитой России стоит непростая задача, ведь внешние противники, понимая текущие экономические проблемы страны и сопутствующую социально-политическую напряженность, будут пытаться не допустить формирования именно такого общества. Эта задача крайне трудновыполнима даже тогда, когда отсутствуют открытые угрозы со стороны других государств, в условиях же политической конфронтации её сложность увеличивается в несколько раз, но решать её необходимо, ведь это может стать в будущем залогом выживания всего российского социума.

Сунь-цзы в своём трактате «Искусство войны» утверждал, что для успешного понимания войны необходимо соблюдение пяти явлений, первое из которых – Путь. «Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» [11]. Именно формирование «Пути» видится первостепенной задачей стратегии преодоления такого явления, как системный кризис современной России. Основной идеологемой на этом пути может стать категория социальной справедливости, которая укрепит столь пошатнувшуюся в России «культуру доверия» [4. с. 13]. Единственный способ реализации социальной справедливости – расширение политического участия рядовых граждан, формирование органов гражданского контроля над деятельностью государственного аппарата, что и должно составить основу будущей административной реформы в России.

Список литературы

1. В Литве стартовал форум российских оппозиционеров / RUBALTIC.RU. Аналитический портал о балтийском регионе. <http://www.rubaltic.ru/news/09032016-forum-svobodnoy-rossiy/> (дата обращения: 04.04.2016).
2. Бельских О.Е. Бренды России в условиях кризиса / В сборнике: Молодежь и наука: актуальные вопросы теории и практики. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. Под редакцией И.Е. Бельских. Волгоград, 2015. С. 10–11.

3. «Знак уважения»: как россияне относятся к коррупции. <http://www.levada.ru/2016/03/25/znak-uvazheniya-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-korrupsii/> (дата обращения: 04.04.2016).
4. Карпичев В.С. Доверие как социальный механизм стабилизации общества и государства // Государственная служба. 2015. № 4. С. 13–16.
5. Кожевникова-Киреенко Н.С. Деструктивная оппозиция как угроза внутриполитического раскола в современном российском обществе. <http://www.online-science.ru/userfiles/file/pfcy04dp63os24iwgzjxokbf54pusbbz.pdf> (дата обращения: 04.04.2016).
6. Морозов И.Л. Экстремистские политические идеологии в условиях глобализации – от концептуальной рациональности к религиозному экстремизму // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 148–155.
7. Морозов И.Л. Имперская традиция как основа эффективности национальной политики России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 215–220.
8. Светова З. Общества в России нет. <http://www.levada.ru/2016/03/14/obshhestva-v-rossii-net/> (дата обращения: 04.04.2016).
9. Соловьев А.И. Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 90–108.
10. Суслонов П.Е., Исаев А.А., Кислов А.Г. и др. Антропология деструктивности / Коллект. монография. Издательство: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, 2012. 214 с.
11. Сунь Цзы. Искусство войны. <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf> (дата обращения: 04.04.2016).

References

1. *V Litve startoval forum rossiyiskikh oppositcionerov* [In Lithuania started the forum of Russian oppositionists]. *RUBALTIC.RU. Analiticheskiy portal o baltiyskom regione*. <http://www.rubaltic.ru/news/09032016-forum-svobodnoy-rossiy/> (accessed: 04.04.2016).

2. Bel'skikh O.E. *Brendy Rossii v usloviyakh krizisa* [Brands of Russia in the conditions of crisis]. *Molodezh' i nauka: aktual'nye voprosy teorii i praktiki. Sbornik nauchnykh statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Youth and Science: current issues of theory and practice. Collection of scientific articles on the results of the International scientific-practical conference] / I.E. Bel'skikh (ed.), Volgograd, 2015, pp. 10-11.
3. «Znak uvazheniya»: kak rossiyane otnosyatsya k korruptsii [“Deference”: how Russians relate to corruption]. <http://www.levada.ru/2016/03/25/znak-uvazheniya-kak-rossiyane-otnosyatsya-k-korruptsii/> (accessed: 04.04.2016).
4. Karpichev V.S. *Doverie kak sotsial'nyy mekhanizm stabilizatsii obshchestva i gosudarstva* [Trust as a social mechanism of stabilization of society and the state]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2015, № 4, pp. 13–16.
5. Kozhevnikova-Kireenko N.S. *Destruktivnaya oppozitsiya kak ugroza vnutripoliticheskogo raskola v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Destructive opposition as a threat to the internal political split in modern Russian society]. http://www.online-science.ru/userfiles/file/pfcy04dp63os24iwgzjxo_kbf54pusbbz.pdf (accessed: 04.04.2016).
6. Morozov I.L. *Ekstremistskie politicheskie ideologii v usloviyakh globalizatsii – ot kontseptual'noy ratsional'nosti k religioznomu ekstremizmu* [Extremist political ideologies in the context of globalization - from conceptual rationality to religious extremism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2009, № 1, pp. 148–155.
7. Morozov I.L. *Imperskaya traditsiya kak osnova effektivnosti natsional'noy politiki Rossii* [Imperial tradition as the basis of the effectiveness of national policy of Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, № 5, pp. 215–220.
8. Svetova Z. *Obshchestva v Rossii net* [There is no Society in Russia]. <http://www.levada.ru/2016/03/14/obshchestva-v-rossii-net/> (accessed: 04.04.2016).
9. Solov'ev A.I. *Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki* [The state as manufacturer policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016, № 2, pp. 90–108.

10. Suslonov P.E., Isaev A.A., Kislov A.G. et al. *Antropologiya destruktivnosti* [Anthropology destructiveness]. Ekaterinburg, 2012. 214 p.
11. Sun' Tszy. *Iskusstvo voyny* [The art of war]. <http://masters.donntu.org/2014/fknt/kebikov/library/article9.pdf> (accessed: 04.04.2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Иванов Григорий Яковлевич, бакалавр

*Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
ул. Гагарина 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация
griqoryivanov@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Grigorij Jakovlevich, Bachelor

*Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Gagarin st., 8, Volgograd, 400131, Russian Federation
griqoryivanov@mail.ru*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-114-126

УДК 329

ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кочегарова Д.В., Новиков А.В.

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, изменением общественно-политического влияния этнических регионов, интересы которых представлены политическими движениями и региональными партиями, в государственно-политической системе Великобритании. Великобритания предлагает свои политические технологии урегулирования конфликта центра с этническими регионами. Данные примеры являются знаковыми с точки зрения государственного развития именно в контексте центр-периферийных взаимоотношений. Используемые здесь механизмы и технологии могут быть оценены с точки зрения разрешения подобной проблемы во многих европейских государствах, в том числе и в Российской Федерации, на территории которой существуют национальные регионы и серьезные социально-экономические диспропорции, заставляющие искать эффективные и рациональные модели управления.

Цель работы – определить роль национальных движений и региональных партий в эволюции государственности современной Великобритании.

Метод или методология проведения работы: общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция); исторические: хронологический; сравнительно-исторический; политологический: системный метод; институциональный метод; бихевиористский; сравнительный анализ, с помощью которого сравниваются система регионального управления и партийное законодательство Великобритании и России.

Результаты: предложены механизмы модернизации системы центр-периферийных отношений и партийного законодательства в России, опираясь на положительный опыт государственного строительства в Соединенном Королевстве

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять для выработки законодательства по регулированию российской партийной и избирательной системы.

Ключевые слова: партии; партийная система; партийное законодательство; региональные партии; модернизация; Россия; Великобритания.

THE EXPERIENCE OF MODERNIZATION OF THE PARTY SYSTEM IN THE UK FOR MODERN RUSSIA

Kochegarova D.V., Novikov A.V.

The relevance of the research topic is determined, firstly, a change in the socio-political influence of ethnic regions, whose interests are represented by the political movements and regional parties in the state and political system of Great Britain. UK offers the political settlement of the technology center of the conflict with ethnic regions. These examples are emblematic in terms of national development in the context of center-periphery relations. As used herein, the mechanisms and technologies can be evaluated in terms of resolution of this problem in many European countries, including the Russian Federation on the territory of which there are national regions and major socio-economic disparities, forcing the search for effective and efficient management model.

Purpose – to determine the role of the national movements and regional parties in the evolution of the modern British state.

Methodology: general science (analysis and synthesis, induction and deduction); Historical: Chronological; comparative-historical; Political Science: a systematic method; institutional method; comparative analysis, by

which compares the system of regional government and party legislation of Great Britain and Russia.

Results: proposed modernization of the mechanisms of the system center-periphery relations and party law in Russia, drawing on the positive experience of state building in the United Kingdom

Application of results: the results are useful for developing legislation to regulate the Russian party and the electoral system.

Keywords: *party; party system; the party law; regional parties; modernization; Russia; United Kingdom.*

Изменения, происходящие в масштабах различных европейских государств, связанные с процессами глобализации, с одной стороны, и децентрализации, с другой, требуют создание новой концепции взаимодействия политической власти с ее региональным сегментом. По мнению американского политолога Дж. Розенау, современное государство с единым источником суверенитета, власти и управления не способно, как прежде, выполнять свои функции: «Государство слишком велико для решения незначительных проблем и слишком мало для решения больших» [1, с. 10]. Данное обстоятельство вынуждает государство передавать часть своих полномочий наднациональным структурам (Европейскому союзу); регионам, что, в свою очередь, увеличивает значение региональных институтов власти.

Несмотря на то, что в настоящий момент Великобритания и Российская Федерация обладают разным территориальным устройством, которое в данном случае берется за основную единицу анализа, возможным видом сравнительного анализа может выступить казусное исследование. При этом может достигаться не меньшая степень валидности полученных выводов и результатов, чем при бинарном или кросснациональном исследовании государств с федеративным устройством.

В политической науке сложилось два основных способа государственно-территориального устройства, в рамках которых определяется

положение государственных органов местного значения: унитарное государство, федерация. Для первого характерно назначение руководителей регионов из центра и их подотчетность центральному руководству. Законодательные органы власти на местах в унитарных государствах либо отсутствуют, либо имеют совещательную функцию. Иной тип взаимоотношений институтов региональной и центральной политической власти принят в федерациях, где полномочия перераспределяются в соответствии с выработанным соглашением между государственными органами для достижения общих целей [1, с. 11–19].

Рассмотрим реализацию концепций государственно-территориального устройства на практике. Великобритания – унитарное государство, состоящее из 4 провинций: Англия, Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс. Система регионального управления претерпела существенные изменения, смысл которых состоит: 1) политике деволюции; 2) в преобразовании структуры местного самоуправления.

Объективно, в настоящий момент Великобритания не полностью отвечает стандартным критериям унитарного государства, но, переживая процесс частичной федерализации, также не может считаться федерацией. Начиная с 1997 года лейбористское правительство во главе с Т. Блэром во взаимодействии с региональными политическими элитами проводило политический курс на постепенную, частичную передачу полномочий от центральных органов власти к местным органам самоуправления [12, с. 141]. Сам процесс деволюции плотно связан с переходным состоянием британского государственного устройства от унитарного к федеративному [13; 14]. Так, политика деволюции была законодательно закреплена в Акте о Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии, которые были приняты британским парламентом в 1998–1999 гг. В настоящий момент в Шотландии работает национальный парламент и правительство, которое состоит из шести департаментов, среди них основными являются департамент юстиций, общего развития, образования, предпринимательства, здравоохранения. Выборы членов законодательного органа региона проходят по смешанной

избирательной системе. Парламент избирает первого министра, который впоследствии определяет состав правительства в целом. Таким образом, исполнительная власть формируется победившей на выборах партией.

Для британской модели территориального управления характерно выделение особой роли местного самоуправления, которое получило наибольшее развитие в период деволюционных преобразований. Структура местного управления Великобритании на сегодняшний день состоит из советов различного уровня (графств, городов, районов), которые выбираются на партийной основе на 4 года. Главами органов является либо мэр, либо председатель. Поскольку советы являются по своему составу многочисленным образованием для эффективного решения проблем создаются профильные комитеты, в состав которых входят несколько советников, один из которых занимает руководящую должность. Низовыми ячейками местного самоуправления являются сельские и городские муниципальные советы, которые существуют так же и на уровне графств и округов.

Среди основных полномочий муниципальных советов можно выделить: контроль за состоянием дорожно-транспортной сети; строительство жилья; содержание учебных заведений и объектов культурного наследия; очистка территории от мусора; установление правил торговли; составление плана развития инфраструктуры населенных пунктов [2, с. 256–261]. В процессе деволюции полномочия местных органов власти постепенно расширяются.

В соответствии с первой статьей Конституции РФ, Россия – федеративное государство. В республиках существуют собственные Конституции, в ряде которых президент является главным должностным лицом и главой исполнительной власти, в других высшим органом исполнительной ветви власти является правительство. В других территориальных единицах федерации администрация является главным представителем волеизъявления народа.

Выделим основные особенности федеративного устройства России и вытекающие из них специфические черты системы управления реги-

онами. По мнению Ю.Н. Гладкого и А.И. Чистобаева [3, с. 263–264], существующая в нашей стране система государственно-территориального устройства несовершенна. Так, среди подобных недостатков Российской Федерации можно выделить:

- субъектам РФ свойственен различный фактический статус, в том числе государственно-правовой (различаются регионы первой, второй и третьей категории);
- слишком велико число единиц управления в расчете на один управленческий центр (85 на одну столицу);
- среди субъектов РФ есть слабо развитые территории, в десятки раз уступающие по уровню экономического и социального развития другим регионам;
- территории местного самоуправления совершенно разнокачественные по своим размерам, населению.

Выборы президента республики проводятся в соответствии с установленными законом территории принципами, на основе тайного, равного, прямого голосования.

Выборы губернаторов в России проводятся с 1991 года, в 2004 году по инициативе президента В.В. Путина был принят закон, в соответствии с которым главы субъектов федерации стали назначаться решением законодательных органов по предложению главы государства. Президентом Д.А. Медведев с 1 июня 2012 года был принят новый закон о выборах губернаторов. «Высшее должностное лицо субъекта РФ избирается гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Кандидаты на пост губернаторов выдвигаются политическими партиями, а также в порядке самовыдвижения. При этом партии не обязаны выдвигать только своих членов, они могут выбрать и беспартийного» [4].

В 2013 году во втором чтении был принят законопроект, который наделил правом региональных органов власти определять необходимость избрания главы субъекта. Предполагается, что прямые выборы, по инициативе законодательной власти могут быть заменены избранием кандида-

тов из числа кандидатур, внесенных президентом РФ по представлению политических партий. Выдвигать претендентом могут только политические силы, являющиеся членами Государственной думы или парламента региона, в котором инициируется избирательный процесс. Президент предоставляет итоговый список из трех кандидатов (как одной партии, так и трех разных) законодательному собранию региона, который избирает главу субъекта большинством голосов [5].

В Конституции Российской Федерации определены основные полномочия региональных органов власти, среди которых можно выделить: контроль за природопользованием, общие вопросы воспитания, науки, образования, социальная защита, установление общих принципов налогообложения [6].

Главная проблема государственного развития России заключается в том, что не удастся найти модель равновесия между принципами единства и разнообразия, уравновесить влияние формальных и неформальных институтов. В этой связи некоторыми учеными предлагается замена федеративного устройства унитарным, дополненным развитым самоуправлением, аналогичной Великобритании. Так, отечественный исследователь А. В. Зубов считает, что федерализм – объективно предопределенный выбор России (по крайней мере на длительный период времени), но с учетом ряда специфических особенностей (обширные размеры территории, многонациональный характер населения, большой разрыв в уровне развития регионов) он требует наличия институтов, не свойственных большинству федераций (единой властной вертикали, надрегиональных контрольных структур, более широкого круга инструментов финансового и правового контроля со стороны федеральных органов власти) [7, с. 7]. В то же время без известного баланса административной централизации и автономии регионов и элит, динамичное равновесие формальных и неформальных институтов такая модель никогда не будет эффективной.

Российские исследователи разработали ряд подходов к решению проблем государственно-властного устройства и системы управления реги-

онами. Наиболее перспективным можно назвать «модель земель». Она предполагает создание на базе федеральных округов и действующих межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия укрупненных и экономически полноценных регионов – будущее субъектов симметричной федерации. Это будет сделано эволюционным путем, посредством взаимоналожения процессов вертикальной и горизонтальной интеграции (например, в рамках долгосрочной концепции регионального развития, лоббируемых президентскими полпредами совместно с членами межрегиональных ассоциаций) [8, с. 142–144].

Для более эффективного управления территориями необходимо выработать систему реформирования геополитического пространства России. Подобную научно обоснованную программу предлагает сегодня Совет по изучению производительных сил (СОПС). В 1990-ых научно-исследовательская организация провела комплексный мониторинг по модернизации государственно-территориального устройства России, на основе которых был разработан проект двухэтапной административно-территориальной реформы, предполагающей федеральных округов и крупных административно-экономических регионов. В результате, указом Президента России от 13 мая 2000 года создан институт полномочных представителей президента в семи округах. Согласно программе, 85 регионов должны быть преобразованы в 28, в-первую очередь исходя из «экономической целесообразности», затем из территориальной и социальной и только потом – из национально-культурных особенностей. Именно такой эволюционный подход позволит прийти к более устойчивой и управляемой структуре, позволит регионам формировать ресурсы для самостоятельного развития. Примером успешного объединения территорий стал Красноярск. «Северные» округа, находящиеся в экстремальной зоне хозяйствования, объективно выиграли от включения в состав Красноярского края [11]. Другой позитивный пример предоставил Камчатский край, включенный в состав которого Корякский автономный округ ранее был глубоко дотационным и не имел перспектив положительного развития.

После вхождения в Камчатский край он стал более эффективно востребован для развития бизнеса и для экономики [1, с. 67–71].

В 2005–2008 гг., происходило так называемое «укрепление партийной системы», принудительно, через специфическим образом проведенную селекцию. На достижение данной цели были направлены такие меры, как повышение планки численности партий с 10 до 50 тыс. членов, повышение заградительного барьера с 5 до 7% (на сегодняшний день с 2011 года – это 5%) [9, с. 742]. На первый взгляд, цель была достигнута: из 77 зарегистрированных партий в политической борьбе участвуют 7 партий [10]. Даже несмотря на то, что был утвержден президентский проект о снижении минимального порога численности партий до 500 человек, принудительная эволюция уничтожила процесс естественного отбора, заменив борьбу за реальную поддержку различных социальных групп граждан фактическим назначением тех или иных политических партий в качестве символических представителей определенных интересов.

В Великобритании отсутствуют барьеры для организации партий. В партийном законодательстве Соединенного Королевства существует понятие малых партий, которые играют важную роль в политической жизни страны. Они придают устойчивость «двухполовинной» партийной модели, выражают интересы жителей периферии. В России региональные партии запрещены.

Партийное законодательство должно решать несколько задач: обеспечивать право граждан на свободу объединения через простые, четкие и понятные правила создания и регистрации партий; гарантировать автономии партий от государственного вмешательства. Для реализации этих целей, исходя из опыта партийного строительства Великобритании, необходимо сделать следующее:

- 1) Заменить требования о минимальной численности членов на механизм регистрации через сбор определенного числа подписей граждан, поддерживающих создание данной партии (подтверждение факта реальной поддержки).

2) Отменить запрет на существование региональных партий, либо ввести возможность создания межрегиональных партий через допущение регистраций партий, действующих в небольшом количестве регионов, например – в трех. Такие партии, в большей степени ориентированные на интеграционные стратегии, в дальнейшем могут развиваться в общефедеральное.

3) Для стимулирования межпартийного взаимодействия необходимо восстановить право партий блокироваться на выборах в форме избирательных блоков.

Таким образом, опыт трансформации политической системы Великобритании при участии региональных партий, может вернуть модернизацию партийной системы российского государства на эволюционные рельсы, с усиление роли региональных элит в управлении страной.

Список литературы

1. Бирюков С.В. Регионализм в современной России: Проблемы и перспективы. М.: ТЕИС, 2011. С. 10.
2. Мухаев Р.Т. Система государственного и муниципального управления: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 256–261.
3. Гладкий Ю.Н., Чистобаева А.И. Регионология. М.: Наука, 2000. С. 263–264.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2012 г. N 40-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2 мая 2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/06/01/zakon-anons.html> (дата обращения: 26.03.2016).
5. Госдума разрешила отменять прямые выборы губернаторов [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Вести». 22 марта 2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1062211> (дата обращения: 26.03.2016).
6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Конституция РФ. 2015. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (дата обращения: 26.03.2016).

7. Зубов А.В. Будущее российского федерализма // Знамя. 1996. №4. С. 6.
8. Черепанов В.А. Теория российского федерализма. М.: МЗ Пресс, 2005. С. 142–144.
9. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выбора и современной России: Эволюция и деволуция. М.: Аспект-Пресс, 2011. С. 742.
10. Список зарегистрированных партий РФ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиций РФ. 2015. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (дата обращения: 26.03.2016).
11. Злотковский В.И., Целебровский С.А. Результаты муниципальных выборов 2005–2015 годов в Красноярском крае – социолого-политологический анализ // Наука Красноярья. 2015. № 6 (23). С. 16–28.
12. Дубровин Ю. Административные реформы лейбористов в Великобритании // Власть. 2009. № 3. С. 141–143.
13. Громько А. Модернизация партийной системы Великобритании. РАН. Институт Европы. М.: издательство «Весь мир», 2007. 344 с.
14. Фокин Ю. Уникальный источник информации по современной Британии // Научно-аналитический журнал Обозреватель . 2007. № 8. С. 125–127.

References

1. Biryukov S.V. *Regionalizm v sovremennoj Rossii: Problemy i perspektivy* [Regionalism in Contemporary Russia: Problems and Prospects]. М.: TEIS, 2011, pp. 10.
2. Muhaev R.T. *Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [State and municipal management system]. М.: YUNITI-DANA, 2010, pp. 256–261.
3. Gladkij Y.N., Chistobaeva A.I. *Regionologiya* [Regionology] М.: Nauka, 2000, pp. 263–264.
4. *Rossijskaya gazeta*. May 2, 2012. <http://www.rg.ru/2012/06/01/zakon-anons.html> (accessed 26.03.2016).
5. *Vesti*. March 22, 2013. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1062211> (accessed 26.03.2016).
6. *Konstituciya RF* [The Constitution of the Russian Federation]. 2015. <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-5.htm> (accessed 26.03.2016).

7. Zubov A. V. Budushchee rossijskogo federalizma [Future of the Russian federalism]. *Znaniya*. 1996. №4.
8. Cherepanov V. A. *Teoriya rossijskogo federalizma* [Theory of Russian federalism]. M.: MZ Press, 2005, pp. 142–144.
9. Kynev A. V., Lyubarev A. E. *Partii i vybora i sovremennoy Rossii: Evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and elections and the modern Russia: Evolution and Devolution]. M.: Aspekt-Press, 2011. p. 742.
10. <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (accessed 26.03.2016).
11. Zlotkovskij V.I., Celebrovskij S.A. Rezul'taty municipal'nyh vyborov 2005–2015 godov v Krasnoyarskom krae – sociologo-politologicheskij analiz [The results of the municipal elections in 2005–2015, the Krasnoyarsk krai – sociological and political analysis]. *Nauka Krasnoyar'ya* [Krasnoyarsk Science]. 2015. № 6 (23), pp. 16–28.
12. Dubrovin Yu. *Vlast*. 2009. № 3, pp. 141–143.
13. Gromyko A. *Modernizaciya partijnoj sistemy Velikobritanii* [Modernisation of the UK party system]. M.: Ves mir, 2007. 344 p.
14. Fokin Yu. *Obozrevatel* [Observer]. 2007. № 8, pp. 125–127.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Кочегарова Дарья Владимировна, заведующий лабораторией «Социально-политический анализ и прогнозирование»

*Российский экономический университет (РЭУ) им. Г.В. Плеханова
Стремянной пер., 36, г. Москва, 117997, Российская Федерация
dash.koches@gmail.com*

Новиков Андрей Вадимович, лаборант кафедры политологии и социологии

*Российский экономический университет (РЭУ) им. Г.В. Плеханова
Стремянной пер., 36, г. Москва, 117997, Российская Федерация
samouflage@yandex.ru
SPIN-код : 6418-3653*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kochegarova Darya Vladimirovna, Head of the laboratory ‘Socio-political analysis and forecasting’

Plekhanov Russian University of Economics

Stremyanny per. 36, Moscow, 117997, Russian Federation

dash.koches@gmail.com

Novikov Andrey Vadimovich, Laboratory of the Department of Political Science and Sociology

Plekhanov Russian University of Economics

Stremyanny per. 36, Moscow, 117997, Russian Federation

camouflage@yandex.ru

SPIN-code: 6418-3653

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-127-141**УДК 329**

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНДЕКСЫ ДЕМОКРАТИИ

Никотин Д.А.

В статье рассматриваются и систематизированы критерии формирования индексов демократии в периоды президентства Ельцина Б.Н., Медведева Д.А., Путина В.В. Автор применил рейтинг Тату Ванханена, посредством которого рассчитаны индексы демократии в отдельные периоды трансформации политического режима в постсоветской России. Предложена оригинальная диаграмма изменений показателей демократии применительно к ее динамике в современной России. Проанализирован также конкретный фактор влияния цены на нефть на индексы демократии в постсоветской России.

Ключевые слова: *политический режим; демократия; критерии развитости демократии; рейтинг демократии; индексы демократии; корреляция уровня демократии и цены на нефть.*

POLITICAL REGIME IN POST-SOVIET RUSSIA: PERIODS OF TRANSFORMATION AND INDICES OF DEMOCRACY

Nikotin D.A.

The article deals with the formation and systematized criteria of democracy indices during the presidency of Boris Yeltsin, Dmitry Medvedev, Vladimir Putin. The author used the rating Tatu Vanhanen, whereby the calculated indi-

ces of democracy in certain periods of transformation of the political regime in post-Soviet Russia. The author offered an original chart the changes in relation to democracy indicators of its dynamics in modern Russia. Analyzed as a specific factor for oil prices impact on the indices of democracy in the post-Soviet Russia.

Keywords: *political regime; democracy; the criteria for the development of democracy; the rating of democracy; democracy indices; correlation of the level of democracy and oil prices.*

Понятие «демократия» в настоящее время чаще употребляется в соответствии с нормативным подходом. Но как измерить величину зрелости демократии в современном обществе? Как изобразить шкалу, на которой можно разместить страны сравнительно друг друга? Ответы на эти вопросы дают возможность определить количественную величину уровня демократии.

К примеру, можно ли утверждать, что уровень развития демократии и уровень жизни населения взаимосвязаны? При каком уровне жизни повышается или снижается демократия? Ответы на эти вопросы позволяют измерить демократию и сравнить с другими показателями (ВВП, уровень безработицы, смертность, доход на душу населения и др.). Так, например, либерализм и неолиберализм предполагает, что действия государства на международной арене в большей степени характеризуется качеством его политического режима. Предполагается, что, располагая количественными показателями, мы можем подтвердить или опровергнуть кантианскую гипотезу о неконфликтности, предрасположенности демократии к неагрессивному поведению в сравнении с автократиями [10, с. 37].

Составляя базы показателей, ученые ищут ответы на следующие вопросы:

- Какие имеются эмпирические критерии измерения демократии?
- По каким признакам классифицировать эти критерии?
- Каким образом измерить количественные показатели политических явлений?

- Какие методы сбора информации преимущественно использовать [10, с. 38]?

Следует подчеркнуть, что прецеденты измерений демократии свидетельствуют о тенденции к применению комплексного подхода в политической науке. Количественные модели, составленные на данных, например, электоральной статистики, сочетаются с использованием экспертного знания. Этот подход подтверждается тем, что количественные показатели часто не согласуются с представлениями «здравого смысла» и требует пояснения ученых. С другой стороны, он подтверждается тем, что проявления демократии не имеют статистических показателей [10, с. 39]. Таким образом, базы данных содержат качественные показатели, но классифицируются в количественном измерении. Необходимо также учесть и то, что переменные, отражающие критерии развитости демократии, объединяются в комплексные индексы, определяющие общий уровень демократии в стране. В итоге расчетов индексы государства распределяются также в рейтинге, что позволяет их сравнивать и отслеживать изменения позиций во времени.

Не все ученые ставят перед собой цели объективно показать реальность, некоторые – стремятся ее составлять. В этих целях используют графики, рейтинги, выстраивающие социальные факты, индексы и др. Использование цифр в отношении социальных событий добавляют объективности к экспертной оценке, избавляя ее от субъективности. Отсюда, показательны известные рейтинги влияния политиков и богатства бизнесменов «Forbes» или «Foreign Policy», методология составления которых не привлекает внимание общественности. Теперь попробуем разобраться в основных прецедентах количественных показателей уровня демократии в государствах мира. Вначале рассмотрим универсальные проекты «Polity» («Полития») и проекты «Freedom House». Затем изучим исследовательские проекты Тату Ванханена, реализуемые им достаточно длительное время и имеющие теоретическое обоснование, Фонда Бертельсмана, который считается многообещающим в области количе-

ственных оценок [10, с. 40]. Эти проекты не единственные в сфере исследований демократии, но имеют наибольшее международное признание.

Согласно проекту Тату Ванханена рейтинг или «Измерение демократии» (Measures of Democracy) рассчитывается из двух количественных переменных, освобожденных от субъективизма в виде экспертных мнений [14]. Т. Ванханен, рассматривая электоральные характеристики демократии, рекомендует использовать переменные «конкуренция» (процент мест в парламенте, полученных всеми партиями за вычетом доли партии-лидера) и «участие» (отношение процента проголосовавших к общей численности населения) [14]. Следует отметить, что положительным моментом этого рейтинга является отсутствие субъективизма, отрицательным – данный рейтинг не является универсальным рейтингом демократии, он соотносится только с выборами и политическим участием [14]. На основе своей методики Тату Ванханен составил базу данных, которая содержит данные о политическом участии, политической конкуренции и уровне демократии в 191 стране мира в 1810–2012 гг. [16].

В качестве основы мы использовали рейтинг Тату Ванханена, однако произвели все расчеты для каждого из этапов развития политического режима постсоветской России. В качестве этапов были выбраны: период президентства Б.Н. Ельцина разделенный на 1 и 2 срок президентства, период президентства В.В. Путина, также разделенный на 1, 2 и 3 срок, период президентства Д.А. Медведева. Уровень демократизации определяется через такие переменные, как конкуренция (Competition – C) и участие (Participation – P). Показатель конкуренции – это процент голосов или мест в парламенте, полученных всеми партиями относительно партии-лидера (100% минус доля партии-лидера). Показатель участия – это процент проголосовавших по отношению к общей численности населения (в рамках одних и тех же выборов). На основании показателей конкуренции и участия вычисляется индекс демократии (ID) по формуле: $ID = (P \times C) / 100$. Так же мы добавили в расчеты показатели по президентским выборам.

Таблица 1.

Индексы демократии по периодам постсоветского политического режима

Период	Президентские выборы	Выборы Государственной Думы
1991-1996 (Ельцин Б.Н. 1 срок)	Выборы 1991 г. [11]: C = 100% - 30%=42,70% P = 53,6% Явка – 79 471 282 Население – 148 273 746 ID = (P x C) / 100 = 22,88	Выборы 1993 г. (1 созыв) [1]: C = 100% - 22,92%= 77,08% P = 36,18% Явка – 53 751 696 Население - 148 561 694 ID= (P x C) / 100 = 27,88 Выборы 1995 г. (2 созыв) [2]: C = 100% - 22,3%= 77.7 P = 46,62% Явка - 69 204 819 Население - 148 459 937 ID = (P x C) / 100 = 36,22 Средний парламентский ID за период = 36,22+27,88/2=32,05
1996 – 1999 (Ельцин Б.Н. 2 срок)	Выборы 1996 г. [4]: C = 100% - 35,28%= 64.72% <u>1 тур выборов</u> P = 50,97% Явка - 75 587 139 Население - 148 291 638 ID = (P x C) / 100 = 32,98	Выборы 1999 г. (3 созыв) [3]: C = 100% - 24,29%= 75,71% P = 45.3 % Явка - 66 840 603 Население - 147 539 426 ID = (P x C) / 100 = 34,29
2000 – 2004 (Путин В.В. 1 срок)	Выборы 2000 г. [5]: C = 100% - 52,94%= 47,06% P = 51,11% Явка - 75 070 732 Население - 146 890 128 ID = (P x C) / 100 = 24,05	Выборы 2003 г. (4 созыв) [12]: C = 100% - 37,57%= 62,43% P = 41.88 % Явка – 60 712 299 Население - 144 963 650 ID = (P x C) / 100 = 26,14
2004 – 2008 (Путин В.В. 2 срок)	Выборы 2004 г. [13]: C = 100% - 71,31%=28,69% P = 47,32% Явка – 69 504 278 Население - 144 168 205 ID = (P x C) / 100 = 13,57	Выборы 2007 г. (5 созыв) [7]: C = 100% - 64.30%= 35,7% P = 48.89 % Явка – 69 537 065 Население – 142 220 968 ID = (P x C) / 100 = 17,45

Окончание табл. 1

2008 – 2012 (Медведев Д.А. 1 срок)	Выборы 2008 г. [8]: C = 100% - 70,28% = 29,72% P = 52,64% Явка - 74 746 649 Население - 142 008 838 ID = (P x C) / 100 = 15,64	Выборы 2011 г. (6 созыв) [9]: C = 100% - 49,32% = 50,68% P = 45,96 % Явка – 65 656 526 Население – 142 865 433 ID = (P x C) / 100 = 23,29
2012 – 2018 (Путин В.В. 3 срок)	Выборы 2012 г. [6]: C = 100% - 63,6% = 36,4% P = 50,18% Явка – 71 780 800 Население - 143 056 383 ID = (P x C) / 100 = 18,26	---

ID полученный на основе показателя C (competition – конкуренции) в начале периода позволяет проследить динамику изменения на протяжении всего периода, за счет сравнения с показателями, которые завершают период.

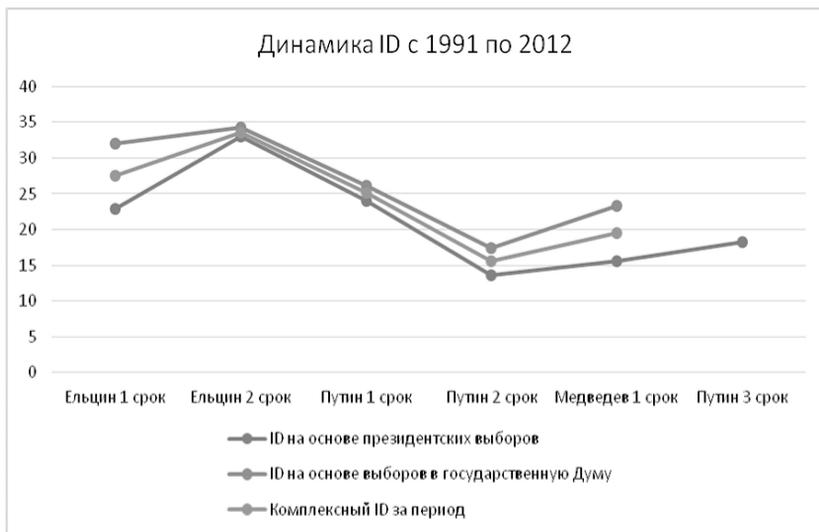

Рис. 1. Динамика ID с 1991 по 2012 гг.

Таблица 2.

**Комплексные индексы демократии по периодам постсоветского
политического режима**

Период	ID на основе президентских выборов	ID на основе выборов в Государственную Думу ФС	Комплексный ID за период (среднее арифметическое)
1991–1996 (Ельцин Б.Н. 1 срок)	22,88	32,05	27,46
1996–1999 (Ельцин Б.Н. 2 срок)	32,98	34,29	33,63
2000–2004 (Путин В.В. 1 срок)	24,05	26,14	25,09
2004–2008 (Путин В.В. 2 срок)	13,57	17,45	15,51
2008–2012 (Медведев Д.А. 1 срок)	15,65	23,29	19,47
2012–2018 (Путин В.В. 3 срок)	18,26	---	---

Период президентства Б. Ельцина можно охарактеризовать как относительно самый демократичный этап развития постсоветского политического режима, высокий уровень конкуренции, как на парламентских так и на президентских выборах, выборы 1996 г. – единственные в истории РФ президентские выборы которые проходили в 2 тура. Однако, ряд зарубежных политологов отмечали именно гибридный характер режима, характеризуя его как «демократия с прилагательными», режим, сочетающий в себе, в том числе, и авторитарные практики [17]. С приходом к власти В.В. Путина уровень конкуренции однако стал снижаться, вследствие чего стал неуклонно падать и общий индекс демократии. В 2001 году был

принят Федеральный закон «О политических партиях», предписывающий существенные ограничения: обязательная численность – не менее 10 000 человек, и наличие отделений (численностью не менее 100 человек) более чем в половине субъектов Федерации, таким образом, произошло сужение политического поля.

К объективации негативной динамике в 2004 году принят еще и Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», который резко сократил список вопросов, выносимых на всенародный референдум, и в первую очередь тех, которые касались центральной власти. В частности, были исключены вопросы о досрочном прекращении полномочий президента и федеральных чиновников, формировании бюджета, статусе субъектов Федерации, чрезвычайных и срочных мерах по обеспечению здоровья и безопасности населения. В 2004 году были отменены прямые выборы глав регионов, отныне только назначение региональными парламентами (в которых к тому времени большинство мест, как правило, занимали представители «Единой России»), причем предлагать кандидатуру на голосование мог только Президент России. 20 декабря 2004 года вступили в силу изменения в федеральном законе «О политических партиях», произошло резкое повышение обязательной численности политической партии – до 50 000 человек. Впятеро увеличивался минимальный состав (до 500 человек) региональных отделений, которые партия должна была иметь более чем в половине субъектов отделения. Фактически эти изменения вели к тому, что на политическом пространстве России свободнее всего могли чувствовать себя только три партии, причем те, которые представляли меньше всего проблем центральной власти: «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР. В 2005 году были отменены одномандатные избирательные округа, следовательно, стало возможным выдвижение и голосование на думских выборах только по партийным спискам. Вслед за отменой выборов по одномандатным округам ввели запрет на создание избирательных блоков. Процентный барьер на выборах Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации повышен с 5% до 7%. Таким образом, партия «Единая Россия», образованная в 2001 году, уже к 2007 году получила конституционное большинство. В 2006 году была отменена минимальная явка на выборах по причине падения активности избирателей, призывов оппозиционных лидеров бойкотировать выборы и опасности признания их несостоявшимися. Чтобы не допустить подобного развития событий, за год до очередных парламентских выборов власть инициировала отмену порога минимальной явки. В соответствии с изменениями выборы признавались действительными при любой явке. Отмена графы «против всех» на выборах лишила избирателей возможности протестного голосования, а власть гарантировала себе неполучение неудовлетворительного результата. Комплексный ID 2 срока В.В. Путина составил 15.51, напомним, что 2 срок Б.Н. Ельцина имел показатель 33.63.

Президент РФ Д.А. Медведев выступил с рядом инициатив по масштабному реформированию политической системы. В октябре 2011 года были приняты поправки, понижающие избирательный барьер на выборах в Государственную Думу до 5% с 1 января 2013 года. 3 апреля 2012 года Д.А. Медведев подписал также закон об упрощении регистрации партий, который снизил минимальное количество членов партии, необходимых для ее регистрации, с 40 тысяч до 500 человек. Законом предусматривалось и упрощение отчетности, вместо ежегодного отчета в ЦИК и министерство юстиции – отчет стало необходимо отправлять раз в три года в ЦИК.

2 мая 2012 года Д. А. Медведев подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В соответствии с законом высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого

избирательного права при тайном голосовании. Кандидаты на указанную должность выдвигаются политическими партиями, при этом политическая партия вправе выдвинуть члена данной политической партии либо беспартийного гражданина. Выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения предусмотрено законами субъекта Российской Федерации. В субъектах Российской Федерации кандидатов должны поддерживать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на выборах глав муниципальных образований, в числе которых должно быть от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов и избранных на выборах глав муниципальных районов и городских округов. Кандидату, выдвинутому в порядке самовыдвижения, помимо получения указанной поддержки необходимо собрать от 0,5 процента до 2 процентов подписей избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается на срок не более пяти лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании. Федеральным законом предусматривается отзыв избирателями высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в случае установления судом фактов нарушения им законодательства Российской Федерации или законодательства субъекта Российской Федерации либо неоднократного грубого без уважительных причин неисполнения им своих обязанностей, а также устанавливаются основные требования к процедуре отзыва.

Таким образом, период президентства Д.А. Медведева способствовал росту комплексного индекса демократии до 19,47.

Проанализировать третий президентский срок В. Путина на данный момент невозможно, в связи с тем, что выборы в Государственную Думу

состоятся только 16 сентября 2016 года. Однако автор решил проверить гипотезу о корреляции уровня демократии и цены на нефть, для этого были сопоставлены индексы демократии, полученные за каждый период с динамикой цен на нефть. Результаты анализа отражены на диаграмме:

Рис. 2. Цены на нефть с 1991 по 2012 гг. [15]

В заключение резюмируем результаты авторского анализа трансформации политического режима в РФ в ходе которого:

- был рассчитан индекс демократии для каждого из обозначенных этапов развития постсоветского политического режима. Максимальное значение комплексного индекса демократии наблюдается в период 2 срока президентства Б. Ельцина, в период президентства В. Путина наблюдается сильное падение, в период президентства Д. Медведева небольшой подъем, который, однако уже не достигает уровня конца 90-х годов.
- предложена диаграмма показывающая динамику демократических изменений;
- вычленены конкретные факторы, влияющие на изменения индекса демократии на этапах президентства В. Путина и Д. Медведева;
- проведен эмпирический анализ, подтверждающий гипотезу о существовании корреляции между ценой на нефть и уровнем демократии: с ростом цены на нефть – снижается индекс демократии в РФ.

Список литературы

1. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1993 г. - Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/index.html
2. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1995 г. – Центральная избирательная комиссия Рос-

- сийской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/index.html
3. Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1999 г. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html
 4. Выборы Президента Российской Федерации 1996 г. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/index.html
 5. Выборы Президента Российской Федерации 2000 г. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/
 6. Доклад заместителя Председателя ЦИК России С.В. Вавилова к вопросу заседания ЦИК России: Об определении результатов выборов Президента РФ» – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/03/07/doc.html>
 7. Итоги выборов. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/elect_duma/results/index.html
 8. Итоги выборов. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/elect_president/results/index.html
 9. Итоги голосования. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/index.html
 10. Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? (По материалам исследовательского проекта «Политический атлас современности») / А.Ю. Мельвиль, М.В.

- Ильин, Е.Ю. Мелешкина и др.; Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У)МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2008. С.37.
11. Постановление Центральной избирательной комиссии по выборам Президента РСФСР «Об итогах выборов Президента РСФСР». 19 июня 1991 г. Сайт Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusarchives.ru/statehood/09-37-postanovlenie-vybory-prezident.shtml>
 12. Протокол Центральной избирательной комиссии РФ о результатах выборов по федеральному избирательному округу и о распределении депутатских мандатов между политическими партиями, избирательными блоками. 7 декабря 2003 г. - Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124.html>
 13. Протокол Центральной избирательной комиссии РФ о результатах выборов Президента РФ. Выборы Президента РФ 14 марта 2004 г. – Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://pr2004.cikrf.ru/>
 14. Токарев А.А. Российский политический режим в рейтингах демократического развития // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторических перспектив [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskij_politicheskij_rezhim_v_rejtingah_demokraticheskogo_razvitija_2014-04-30.htm
 15. Цены на нефть. [Электронный ресурс]. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C#cite_note-0
 16. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430-451.
 17. Vanhanen T. FSD1289 Measures of Democracy 1810-2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsd.uta.fi/en/data/catalogue/FSD1289/meF1289e.html>

References

1. http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/index.html
2. http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1995/index.html
3. http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1999/index.html
4. http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/1996/index.html
5. http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/president/2000/
6. <http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/03/07/doc.html>
7. http://cikrf.ru/banners/elect_duma/results/index.html
8. http://www.cikrf.ru/banners/elect_president/results/index.html
9. http://cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/index.html
10. Melvil A. Yu., Il'in M. V., Meleshkina E. Yu. et. al. *Kak izmeryat' i sravnivat' urovni demokraticeskogo razvitiya v raznykh stranakh? (Po materialam issledovatel'skogo proekta «Politicheskii atlas sovremennosti»)* [How to measure and compare the levels of development of democracy in different countries? (According to 'Political Atlas' Research Project)]. M.: MGIMO-Universitet, 2008. p. 37.
11. <http://rusarchives.ru/statehood/09-37-postanovlenie-vybory-prezident.shtml>
12. <http://gd2003.cikrf.ru/WAY/76799135/sx/art/76805049/cp/1/br/76799124.html>
13. <http://pr2004.cikrf.ru/>
14. Tokarev A.A. *Perspektivy*. http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskij_politicheskij_rezhim_v_rejtingah_demokraticeskogo_razvitiya_2014-04-30.htm
15. http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C#cite_note-0
16. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*. 1997. Vol. 49. № 3, pp. 430–451.
17. Vanhanen T. FSD1289 Measures of Democracy 1810–2012. <http://www.fsd.uta.fi/en/data/catalogue/FSD1289/meF1289e.html>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Никотин Дмитрий Алексеевич, аспирант

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

*ул. Гагарина 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация
dmitrynikotin@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikotin Dmitrii Alekseevich, postgraduate student

Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

*Gagarin st., 8, Volgograd, 400131, Russian Federation
dmitrynikotin@gmail.com*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-142-152

УДК 32.303

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИМИДЖЕЛОГИИ

Телятник Т.Е.

Современные направления и тенденции развития политической науки отличаются мультипарадигмальностью, смешением множества подходов и принципов. В области прикладной политологии наблюдается появление все более креативных направлений и принципов, что не может не воздействовать на общий научный инструментарий и практику. Так, с появлением имиджологии стали разветвляться другие прикладные отрасли данного направления. Можно подчеркнуть, что политическая имиджология считается новым веянием среди субдисциплин. Это представляет интерес для исследователей и заставляет обращать внимание на множество задач, которые предстоит решать в ближайшее время для развития данной науки.

Кроме того, научные знания в области имиджологии среди широких слоев населения необходимо популяризировать, содействовать повышению профессионализма и распространению этических норм в работе имиджмейкеров; повышать престиж новой профессии; оказывать помощь и поддержку лицам, которые занимаются научной, образовательной и практической деятельностью в области политической имиджологии.

Внедрение, структурная разработка новейших имиджтехнологий, создаваемых как в России, так и за рубежом, объединение усилий специалистов, организаций и предприятий по их практическому использованию являются основными тенденциями и перспективными направлениями в становлении и развитии политической имиджологии. Даль-

нейшее расширение международных связей и сотрудничества, обмен информацией и опытом между специалистами и учеными в области политической имиджологии представляются формой эволюционного движения в ближайшие годы функционирования научного сообщества.

Цель: обозначить основные тенденции и перспективы развития современного направления в прикладной политологии – политической имиджологии.

Метод или методология проведения работы: в статье используются системный, сравнительный и структурно-функциональный подходы.

Результаты: обозначенные перспективы и тенденции развития прикладной политологии, ветви имиджологии – политической имиджологии, позволяют смоделировать современный ожидаемый образ политического лидера, позитивный или негативный имидж государства.

Область применения результатов: результаты проведенного исследования могут быть использованы в прикладных направлениях политической науки, в изучении и анализе политического имиджа; в процессе конструирования имиджа политического лидера или кандидата в предвыборной кампании.

Ключевые слова: имиджология; политическая имиджология; политический имидж, междисциплинарные подходы; прикладная политология.

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF POLITICAL IMAGEOLOGY

Telyatnik T.E.

The modern directions and tendencies of development of political science differ in a multiparadigmality, mixture of a set of approaches and the principles. In the field of applied political science emergence of more and more creative directions and the principles is observed that can't but influence the general scientific tools and practice. So, with the advent of an imageology

other applied branches of this direction began to branch. In general, the imageology is considered new trend among subdisciplines. It is of interest to researchers and forces to pay attention to a set of tasks which should be solved for development of this science soon.

Besides, scientific knowledge in the field of the imageology among a general population needs to be popularized, to promote increase of professionalism and distribution of ethical standards in work of image makers; to increase prestige of a new profession; to give help and support to persons which are engaged in scientific, educational and practical activities in the field of a political imageology.

Introduction, structural development of the latest image of the technologies created as in Russia, and abroad association of efforts of experts, the organizations and enterprises for their practical use are the main tendencies and the perspective directions in formation and development of a political imageology. Further expansion of international relations and cooperation, exchange of information and experience between experts and scientists in the field of a political imageology are represented by a form of the evolutionary movement in the closest years of functioning of scientific community.

Purpose: to designate the main tendencies and prospects of development of the modern direction in applied political science – a political imageology.

Methodology: in article system, comparative and structurally functional approaches are used.

Results: the designated prospects and tendencies of development of applied political science, imageology branch – a political imageology, allow to simulate the modern expected image of the political leader; positive or negative image of the state.

Practical implications: results of the conducted research can be used in the applied directions of political science, in studying and the analysis of political image; in the course of designing of image of the political leader or the candidate in election campaign.

Keywords: *imageology; political imageology; political image, interdisciplinary approaches; applied political science.*

Разработкой различных технологий совершенствования речей, поведения, жестов, произнесения подходящих слов сегодня занимается такое направление политической науки как политическая имиджелогия. Это направление считается одной из перспективных отраслей общей имиджелогии. Так, благодаря имиджмейкерам политические лидеры имеют возможность приобрести красочную биографию о прошлых достижениях, о дружной большой семье, о формировании на протяжении определенного или нужного промежутка времени профессиональных качеств с усилением выгодных, полезных в понимании общественности характеристик.

Довольно часто сегодня в обыденной жизни прибегают к понятиям «имидж», «образ», «позиционирование». Во многом это обусловлено современностью, стремительным изменением информационного пространства на фоне повышения потребительского спроса, в том числе и оказания информационных слуг в сети Интернет. Существует некое различие между оперированием указанными терминами в бытовом общении и реальной научно-практической деятельности. Только после детального рассмотрения и изучения вопросов, которые входят в предмет политологии, социологии, теории коммуникации, связей с общественностью, других социально-гуманитарных наук, смысл понятий «имидж», «образ» приобретает полноценное многогранное звучание.

В нашей стране понятие «имидж» было введено научный оборот в 90-х годах прошлого века, когда многие современные науки, во многом опираясь на базовые западные теоретические и практические наработки, пытались сконструировать свое видение научной проблемы и заложить фундамент отечественной науки, учитывая российскую действительность. Множество западных теорий вперемежку с российской практикой дали возможность российским ученым разработать специализированные знания по имиджу, механизмам продвижения и позиционирования в отдельную область знаний, которая получила название «имиджелогия» [7, с. 104.].

На сегодняшний день в российской имиджелогии накоплен обширный комплекс теоретической информации, расширяется опыт приклад-

ных исследований, что говорит о формировании и развитии системы различных понятий и подходов.

Для современной имиджологии основой стали теоретические разработки и практический опыт не только западных авторов, но и российских специалистов, проводивших исследования в этой сфере, изучавших особенности построения, функционирования и воздействия имиджа на социальные процессы в обществе еще в 80-х годах XX века [4, с. 21.]. Так, значительный вклад в развитие политической имиджологии как направления политической науки внесли работы К. Алениуса, А. Ирие, Х. Исаакса, Б. Кнудсена. В своих работах ученые проанализировали и сопоставили внешнеполитические имиджи Индии, Китая и Норвегии, США, Финляндии и Японии.

Полное и подробное исследование имиджа России проводится в работах Э.А. Галумова, В.А. Евсеева, С.А. Караганова, Е.М. Кожокина, Н.Г. Ковалевой, Н.В. Лайдинен, И.Е. Малашенко, А.В. Федорова, Ю.Г. Чернышева. Работы Е.Б. Абашкиной, О.П. Березкиной, Л.А. Бургановой, О.Н. Гундарь, Е.В. Егоровой-Гантман, П.А. Корнилова, Т.Н. Пищевой, Е.Е. Рябцевой, Е.В. Титовой, А.М. Цуладзе, М.Н. Шашлова раскрывают особенности политического имиджа современной России [1, с. 4].

Одной из наиболее разработанных областей современной имиджологии выступает анализ и применение средств, формирующих политический имидж. Инструментарий создания и укрепления политического имиджа государства, активно используемый средствами массовой информации изучается в работах А.Г. Асмолова, Е.А. Блажнова, И.М. Дзялошинского, А.В. Дмитриева, Е.Л. Доценко, Е.В. Егоровой-Гантман, Ю.А. Ермакова, В.Г. Зазыкина, С.Г. Кара-Мурзы, В.В. Латынова, Т.А. Лебедевой, К.В. Плешакова, А.Т. Хлопьева и др., а также в трудах зарубежных исследователей В. Альбига, Дж. Джеймса, Е. Катц, П. Лазарсфельда, Ч. Ларсона, А. Пратканис и Э. Аронсона и др [3, с. 5–6.].

Отметим, что в исследовании была предпринята попытка интерпретировать основные и наиболее часто применяемые понятия, методики и

направления в имиджелогии, акцентируя внимание на достижениях отечественных и зарубежных ученых в данной сфере. На сегодняшний день актуальной и важной представляется работа по систематизации и классификации теоретических знаний в области имиджелогии в зависимости от сферы жизнедеятельности общества, уровней использования имиджа (человек, организация, государство), национальных особенностей и др. В целом, весь комплекс знаний об особенностях формирования и функционирования имиджа в современной России, условиях и принципах его построения продолжает формироваться и структурно развиваться. Прикладная значимость политической имиджелогии как направления политической науки выражается в решении поставленных исследовательских задач и определении ориентированности на результат анализа имиджа отдельных индивидов и организаций, выявлении национальных особенностей построения имиджа и понимания скрытых процессов, связанных с управлением имиджем.

Вершина искусства формирования имиджа политического лидера стала проявляться XX-м столетии. Отчасти это связано с появлением Интернета и активным его использованием в различных сферах жизнедеятельности. Интернет-пространство невозможно подчинить тотальному контролю, это неосуществимо, трудно представить себе такие проверяющие механизмы. В этом проявляется многоаспектная характеристика информационных ресурсов [11, с. 1474].

Умение управлять впечатлением в политике с помощью средств агитации и пропаганды значительно опередило современные научные поиски в области управления имиджем. В настоящее время наблюдается рост общественного и научного интереса к данной проблематике. Об этом в настоящее время свидетельствуют как вхождение категории «имидж» в понятийный аппарат различных наук (психологии, социологии, философии, политологии, культурологи и др.), так и появление кафедр и факультетов имиджелогии в отечественных вузах, рост диссертационных исследований, посвященных этой проблематике, рост научных и научно-по-

пулярных публикаций в данной области, введение курсов имиджологии и подготовку широкого круга специалистов и т.д. [8, с. 85.].

На данном этапе своего развития, политическую имиджологию было бы верным определять как научно-прикладную систему знаний. Как и в любой другой теоретико-прикладной отрасли знаний, в имиджологии, на данный момент, можно различать две основные группы сформированных самостоятельных научных ветвей, таких как теоретико-методологическая и прикладная ветвь. К первой – теоретико-методологической – относятся такие исследования, которые представляют имиджологию как науку по изучению центрального феномена – имиджа. В этом направлении главный исследовательский интерес заключается в формулировке определений, структуры, классификации, влияния, ментальной составляющей, личностных истоков лидера, вождя или политической фигуры.

Специалист, разрабатывающий научные теории и практики имиджологии, именуется сегодня имиджеологом. Ко второй, научно-прикладной ветви уже относят такие научно-практические направления как имиджконсультирование, имидждиagnostiku, имиджмейкинг: технологии построения и управления имиджем, и даже имиджпрогностику.

Ознакомившись с основными вехами в истории формирования имиджологии и ее современного направления – политической имиджологии, необходимо обозначить основные перспективы и тенденции развития выбранного нами научного направления. Политическая имиджология представляет собой междисциплинарное направление. Междисциплинарность преобладает сегодня во многих прикладных областях гуманитарных наук. В процессе приращения нового научного знания, набравшая популярность во второй половине XX века системная парадигма, обеспечивает нам объяснение историчности, переходности и изменчивости предметных областей многих научных дисциплин. Если говорить о дальнейшем развитии исследуемого нами научного направления – политической имиджологии, то здесь основная перспектива заключается в расширении общей теории и методологии имиджологии; повышении

статуса дисциплины; разработке концепции восприятия имиджформирующей информации, концепции ее интродукции при формировании имиджа, концептуальном анализе роли различных сфер психики и т.д. Главным фактором успешного развития прикладной области науки является эффективность применения методов и подходов к формированию имиджа, образа, позиционирования государства или публичного политика на практике, в реальной политической ситуации или событии.

Список литературы

1. Глинская И.Ю. Политические механизмы формирования позитивного имиджа России: дисс. ...на соискание уч.степени д-ра полит. наук. М., 2010. 391 с.
2. Егорова-Гантман Е. В. Имидж лидера. Психологическое пособие для политиков. М., 1994.
3. Золотарева К.Г. Политические и информационные технологии формирования имиджа современного высшего учебного заведения: дис... на соискание уч. степени канд. полит. наук. М. 2013. 204 с.
4. Имиджелогия – 2008: Имидж как инструмент привлекательности и конкурентоспособности: Материалы Шестого Международного симпозиума по имиджелогии / Под ред. Е.А. Петровой. М.: РИЦ АИМ, 2008.
5. Коломенский М.А. Формирование внешнеполитического имиджа современной России (2000–2007 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.
6. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Издательство «Омега-Л», 2007.
7. Политическая имиджелогия (коллективная монография) / Под общ. науч. ред. Л. Г. Лаптева, Е. А. Петровой. М.: РИЦ АИМ, 2006. 276 с.
8. Политическая имиджелогия / Под ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной и др. М.: Аспект Пресс. 2006.
9. Потемкина О.Ф. Имидж политического лидера // Региональные выборы в России. М., 1996.

10. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. Изд. 2-е. СПб., 2001.
11. Телятник Т.Е. Информационные ресурсы Интернет-пространства как инструмент формирования политической коммуникации // В мире научных открытий. Красноярск, 2014. № 3.3(51). С. 1470–1477.
12. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. М., 1999.
13. Boulding K. National Images and International Systems // Journal of Conflict Resolution. 1959, №3, pp. 120–131.
14. Gerbner G. The Image of Russians in American media and the «New Epoch». // Dennis E.E, Gerbner G. & Zasoursky Y.N. (eds.) Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images. Newsburry Park: Sage Publications, 1989, pp. 31–35.
15. Gross Stein J. Image, Identity and Conflict resolution // Managing Global Chaos / Eds. Chester Crocker, Fen Hampson and Pamela aall. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996, pp. 93–112.
16. Kunczik M. Images of nations and international public relations. Mahwah, NJ: Erlbaum Associates, 1997, p. 238.
17. Sampson E. The image factor: A guide to effective self-presentation for career enhancement. L.: Kogan Page Ltd, 1994. 144 p.

References

1. Glinskaya I.Yu. *Politicheskie mekhanizmy formirovaniya pozitivnogo imidzha Rossii* [Political mechanisms of formation of positive image of Russia]: the thesis for degree of the doctor of political sciences. М., 2010. 391 p.
2. Egorova-Gantman E. V. *Imidzh lidera. Psikhologicheskoe posobie dlya politikov* [Image of the leader. A psychological grant for politicians]. М., 1994.
3. Zolotareva K.G. *Politicheskie i informatsionnye tekhnologii formirovaniya imidzha sovremennogo vysshego uchebnogo zavedeniya* [Political and information technologies of formation of image of a modern higher educational institution]: the thesis for degree of the candidate of political sciences. М., 2013. 204 p.
4. *Imidzhelogiya – 2008: Imidzh kak instrument privilekatel'nosti i konkurentosposobnosti: Materialy Shestogo Mezhdunarodnogo simpoziuma po imidzhelologii* [Imageology – 2008: Image as tool of appeal and competitiveness:

- Materials of the Sixth International symposium on an imidzhelogiya / E.A. Petrova (ed.). M.: RITs AIM, 2008.
5. Kolomenskiy M.A. *Formirovanie vneshnepoliticheskogo imidzha sovremennoy Rossii (2000–2007 gg.)* [Formation of foreign policy image of modern Russia (2000–2007)]: the thesis for degree of the candidate of political sciences. M., 2008.
 6. Panasyuk A.Yu. *Formirovanie imidzha: strategiya, psikhotehnologii, psikhotehniki* [Image formation: strategy, psychotechnologies, psychotechnicians]. M.: Publishing house «Omega-L», 2007.
 7. *Politicheskaya imidzhelogiya (kollektivnaya monografiya)* [A political imageology] / L.G. Laptev, E.A. Petrova (eds.). M.: RITs AIM, 2006. 276 p.
 8. *Politicheskaya imidzhelogiya* [A political imageology] / A.A. Derkach, E.B. Perelygina, et al. (eds.). M.: Aspekt Press, 2006.
 9. Potemkina O.F. *Imidzh politicheskogo lidera Regional'nye vybory v Rossii* [Image of the political leader. Regional elections in Russia]. M., 1996.
 10. Pocheptsov G.G. *Professiya: imidzhmeyker* [Profession: image maker]. SPb., 2001.
 11. Telyatnik T.E. Informatsionnye resursy Internet-prostranstva kak instrument formirovaniya politicheskoy kommunikatsii [Information resources of Internet-space as means of formation of political communications]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries], no 3.3(51). Krasnoyarsk, 2014, pp. 1470–1477.
 12. Tsuladze A. *Formirovanie imidzha politika v Rossii* [Formation of image of the politician in Russia]. M., 1999.
 13. Boulding K. National Images and International Systems. *Journal of Conflict Resolution*. №3, 1959, pp. 120–131.
 14. Gerbner G. The Image of Russians in American media and the «New Epoch». Dennis E.E, Gerbner G. & Zasoursky Y.N. (eds.). *Beyond the Cold War: Soviet and American Media Images*. Newsbury Park: Sage Publications, 1989, pp. 31–35.
 15. Gross Stein J. Image, Identity and Conflict resolution. Eds. Chester Crocker, Fen Hampson and Pamela aall. *Managing Global Chaos*. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 1996, pp. 93–112.

16. Kunczik M. *Images of nations and international public relations*. Mahwah, NJ: Erlbaum Associates, 1997, p. 238.
17. Sampson E. *The image factor: A guide to effective self-presentation for career enhancement*. L.: Kogan Page Ltd, 1994. 144 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Телятник Татьяна Евгеньевна, преподаватель кафедры политологии и политического управления, кандидат политических наук
Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Краснодарский край, 350040,
Российская Федерация
neptuneus@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Telyatnik Tatiana Evgenievna, lecturer, candidate of Political Sciences
Kuban State University
Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, Krasnodarskii krai, 350040, Russian Federation
neptuneus@yandex.ru
SPIN-code: 4611-5852

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-153-168

УДК 332

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

Берман С.С., Медведева В.Р.

В условиях усиления интеграционных процессов и взаимозависимости экономических агентов на микро-, мезо- и макроуровнях в иерархии конкурентоспособности проблема повышения ее уровня для региональных социально-экономических систем выступает в качестве стратегического ориентира развития национальных экономик. Это обосновывается тем, что регионы являются самостоятельными субъектами рыночных отношений, где реализуются стратегические цели, ориентированные на удовлетворение социально-экономических потребностей населения, в достижении которых преобладающее значение отводится уровню их конкурентоспособности.

С учетом наблюдающейся в стране напряженной социально-экономической ситуацией, актуальной является необходимость совершенствования подходов к разработке и использованию эффективных инструментов управления конкурентоспособностью регионов, а также подходов к формированию методики оценки их уровня конкурентоспособности.

Цель: провести анализ подходов к формированию конкурентоспособности региона, разработать теоретическую модель управления региональной конкурентоспособностью.

Методы: системный подход, основанный на общенаучных методах эмпирического и теоретического исследования, среди которых: сравнение, анализ и синтез, методы моделирования.

Результаты: выявлены основные критерии при определении понятия «конкурентоспособность региона»; разработана модель управления конкурентоспособностью на региональном уровне, определены задачи, решаемые с помощью вышеназванной модели.

Область применения результатов: разработанная авторами модель может быть использована региональными властями при анализе конкурентных позиций, определении ключевых регионов-конкурентов, а также разработке стратегических документов развития.

Ключевые слова: конкурентоспособность региона; модель управления конкурентоспособностью; эффективность региональной экономики; индекс конкуренции регионов.

APPROACHES TO THE FORMATION OF REGION COMPETITIVENESS

Berman S.S., Medvedeva V.R.

Within the conditions of integration processes strengthening and interdependency of economical agents at micro-, meso- and macro levels in the hierarchy of competitiveness the problem of its enhancing for regional social and economic systems acts as a strategic benchmark of national economies development. This is justified by the fact that regions are independent subjects of market relations, where strategic goals, focused on satisfaction of population social and economic needs, are realized and in persuasion of these needs the most predominant meaning is given to regions competitiveness.

Considering tense social and economic situation existing in our country, the needs for improvement of approaches to development and usage of effective instruments of regions competitiveness management, as well as approach-

es to the formation of estimation methods of their competitiveness level represent the current priority.

Purpose: to conduct analysis of approaches to the formation of regions competitiveness, to develop theoretical model of regions competitiveness management.

Methodology: a systematic approach based on general scientific methods of empirical and theoretical studies, such as: comparison, analysis and synthesis, modeling techniques.

Results: basic criteria for the definition of the term “regions competitiveness” are determined; model of competitiveness management at the regional level was developed; tasks, that can be solved used the abovementioned model, are defined.

Practical implications: the model, developed by the authors, can be used by regional authorities at analysis of their competitive positions, in identification of key regions-competitors, as well as at elaboration of strategic development documents.

Keywords: *region competitiveness; model of competitiveness management; regional economy effectiveness; index of region competitiveness.*

В современном торгово-экономическом пространстве принимают участие все субъекты Российской Федерации, экономические интересы которых взаимосвязаны и находятся в постоянном противоречивом взаимодействии, образуя конкурентную среду, где наиболее привлекательными и конкурентными становятся те регионы, в которых созданы благоприятные условия для эффективной предпринимательской деятельности всех экономических субъектов.

Также стоит отметить, что с наступлением затяжного глобального экономического кризиса, повлекшего за собой такие негативные тенденции, как рост неплатежей, стремительное падение уровня жизни населения и свертывание инвестиций во многих отраслях экономики, необходим поиск новых эффективных способов выхода из сложившейся ситуации.

В сложившейся ситуации региональная власть должна выявлять и реализовывать все имеющиеся у нее ресурсы и механизмы, позволяющие обеспечить возможности устойчивого экономического и социального роста региона для преодоления рецессии. Конкурентоспособность и инвестиционная привлекательность становятся катализатором развития региональных социально-экономических систем. Так, с одной стороны, по уровню конкурентоспособности региона население, собственники капитала и предприниматели осуществляют выбор территории и приоритетов своего развития, как в среднесрочной, так и долгосрочной перспективе, что, на наш взгляд, может обеспечить устойчивое развитие региона. С другой стороны, способность обеспечить высокое качество жизни населения, необходимый уровень дохода для собственников капитала, привлекательные условия для ведения инвестиционной и предпринимательской деятельности является объективным индикатором уровня конкурентоспособности конкретного региона [12].

Как показало наше исследование, подходы к определению конкурентоспособности региона весьма различны, что говорит о многогранности этой экономической категории. Научные подходы к исследованию проблемы обеспечения конкурентоспособности регионов были заложены в работах А.Смита [17], Д.Рикардо [16], разработавших теорию абсолютных и сравнительных преимуществ, позволяющих выделить отрасли региональной специализации, А.Маршалла [13–15], изучавшего внешнюю и внутреннюю экономию на масштабах производства. Поскольку регион является не просто территориальной единицей, но и социально-экономической системой. Важным основанием для решения проблемы обеспечения конкурентоспособности региона выступает теория центральных мест В.Кристаллера [2].

Разработчики глобального индекса конкурентоспособности К. Шваб, Б. Бильбао–Озорио, Д. Бланке, Р. Кротти и др. оперируют понятием устойчивой конкурентоспособности страны, под которой ими понимается «... набор общественно-политических институтов, стратегий и

факторов, которые определяют уровень продуктивности страны в долгосрочной перспективе при обеспечении социальной и экологической устойчивости» [5]. По мнению авторов, конкурентоспособность может приравниваться к понятию продуктивности, несмотря на то, что устойчивая конкурентоспособность выходит за рамки простых экономических результатов. К недостаткам такой интерпретации можно отнести следующие факты: подмену понятия «конкурентоспособность» понятием «продуктивность», имеющее отличное от него смысловое содержание; отсутствие в определении указания на соперничество за определенные позиции на рынке; определение дает характеристику только факторов формирования конкурентоспособности при отсутствии отражения ее держательных характеристик.

Ряд отечественных исследователей (Р.А. Фатхутдинов [18], С.В. Дохлян [10, 11], Г.А. Унтура и др.) связывают конкурентоспособность региона с его способностью выдерживать конкуренцию на товарных рынках. В этом случае конкурентоспособность определяется лишь способностью региона производить и продавать конкурентоспособную продукцию. Однако достижение только конкурентоспособности предприятий на рынке не всегда свидетельствует о высоком уровне конкурентоспособности всей территории.

Вторая группа ученых (М.В. Винокурова, Ю.А. Скопин, Б.А. Чуб и др.) объясняют конкурентоспособность как способность региональной экономики обеспечивать рост благосостояния населения региона. Безусловно, повышение уровня благосостояния – один из аспектов конкурентоспособности региона. В то же время специфика региональной конкурентоспособности остается нераскрытой.

Третья группа исследователей (Н.Я. Калюжнова, Е.Н. Тихомирова, С.И. Чаплыгин и др.) под конкурентоспособностью понимают способность региона выявлять, создавать, использовать конкурентные преимущества для улучшения конкурентных позиций среди регионов-конкурентов [7]. На наш взгляд, повышение позиций региона свидетельствует о росте конкурентоспособности, но не раскрывает ее суть.

Практически каждая из приведенных выше трактовок понятия «конкурентоспособность региона» вытекает из специфики соответствующих исследований, определяемой решаемыми авторами региональных проблем. В нашей работе под региональной конкурентоспособностью мы будем понимать способность региональной экономики оптимизировать собственные активы, чтобы конкурировать и развиваться на национальном и мировом рынках, а также приспособляться к возможным изменениям на этих рынках.

Стоит отметить, что проблема ограниченности как экономических, так и других видов ресурсов оказывает непосредственное влияние на конкурентоспособность региона, внутри которого наблюдается структурная трансформация. Территории, которые наиболее развиты за счет притоков кадров, инвестиций, технологий и т.д., повышают деловую активность, инфраструктуру, возникают новые фирмы, что в свою очередь, позволяет укрепить конкурентные позиции на региональном уровне.

Решение проблемы обеспечения конкурентоспособности может быть связано с использованием преимуществ, открываемых перед регионом условиями смены технико-экономической парадигмы, концепцию которой сформировала британская школа теории конкурентоспособности [3, 4]. Авторы данной концепции К. Фримэн и К. Перес доказали, что в период смены технико-экономической парадигмы, определяющей приоритетность какой-либо индустриальной отрасли на уровне мировой экономики, страны, стоящие на относительно более низкой ступени развития, открывают «окно возможностей», то есть возможность догнать более развитые страны и за счет освоения новых технологий быстро перейти на более высокий уровень развития экономики. Использование положений данной концепции при управлении конкурентоспособностью региона дает положительные результаты в том случае, когда региональные органы власти и управления создадут необходимые условия для формирования и эффективного использования научно-образовательного потенциала, а также будут учитывать особенности и своевременно выявлять характерные черты этапа смены технико-экономической парадигмы.

Б.М. Гринчель [9] выделяет группы факторов конкурентоспособности регионов в зависимости от «целевой группы»: население, предприятия, малый бизнес, инвесторы и туристы.

Х. Пляйнес считает, что конкурентоспособность региона обусловлена экономическими, социальными, политическими и другими факторами, влияющими на регион и отдельных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках.

Л.В. Глезман, М.В. Винокурова [8] полагают, что все факторы можно подразделить на две группы: факторы, на которые хозяйствующие субъекты могут влиять (например, инвестиции в основной капитал), и факторы, влияние которых происходит независимо от хозяйствующих субъектов (например, географическое положение, природно-ресурсный потенциал и т.д.) [6].

Мы во многом солидарны с точкой зрения вышеупомянутых авторов, выделивших факторы конкурентоспособности регионов на основе целевых групп потребителей ресурсов территории: население, предприятия, малый бизнес, инвесторы, туристы. В связи с этим мы считаем, что обеспечение роста конкурентных позиций региона возможно только при создании эффективной системы управления, ориентированной на устойчивое развитие региона и обеспечение привлекательного уровня конкурентоспособности, а также при полном учете органами власти интересов и потребностей целевых групп потребителей ресурсов региона. Таким образом, очень важно уметь правильно выявлять стратегические точки роста, которые могут создать сильные конкурентные позиции конкретного региона в сравнении с другими субъектами Российской Федерации. Целесообразность непрерывного мониторинга уровня конкурентоспособности региона и его инвестиционной привлекательности связана и с необходимостью формирования аналитической базы для выполнения функций территориального управления, разработки стратегий устойчивого социально-экономического развития. Все вышеприведенное обуславливает практическую значимость при проведении исследования

методов оценки конкурентоспособности экономики регионов, и определяют актуальность выбранной темы.

В конце 1950-х гг. проводились комплексные исследования зависимости между структурой производства и региональным ростом. В ходе этих исследований был разработан, получивший в дальнейшем широкую известность, статистический метод определения факторов роста экономики региона – метод анализа структурных сдвигов [1]. Основная теоретическая идея состоит в том, что темп регионального роста зависит от трех факторов: отраслевой структуры экономики, производительности отраслей и динамики спроса и предпочтений потребителей. На основании описанной теоретической модели можно построить модель управления региональной конкурентоспособностью (рис. 1).

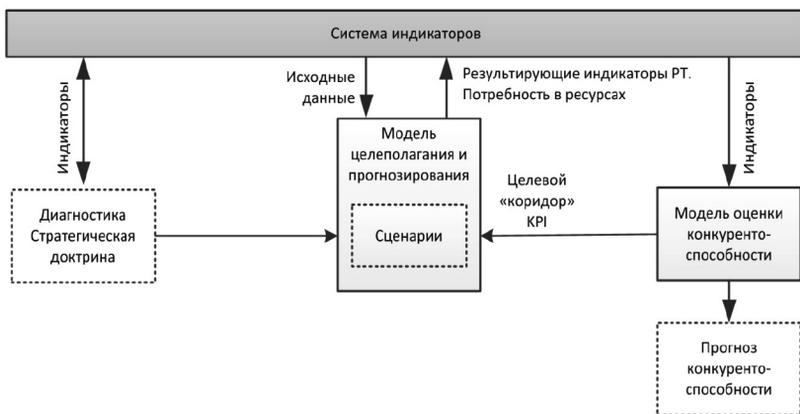

Рис. 1. Модель управления региональной конкурентоспособностью
(составлено авторами)

Модель состоит из следующих взаимосвязанных блоков:

1. *Система индикаторов* представляет собой единую базу индикаторов, содержащую все необходимые и используемые КРІ с необходимой пространственной и экономической детализацией. Система индикаторов:

- обеспечивает данными все остальные блоки модели;

- обеспечивает сбор и организацию прогнозных данных, формируемых в других блоках;
- обеспечивает проверку и однозначность данных (системность, наличие ошибок ввода, синхронизацию различных источников);
- обеспечивает организацию ввода фактических данных, в том числе аналитическую детализацию информации; обеспечивает полуавтоматическую обработку данных из сторонних источников (Росстат, World Bank DataBank, LABORSTA, ЕМИСС и др.);
- обеспечивает аналитические задачи;
- включает в себя основные блоки индикаторов, в том числе:
 - ключевые индикаторы социально-экономического развития (выпуск, добавленная стоимость, занятость, заработная плата, налоги, инвестиции, а также производные от них) (по экономическим комплексам и экономическим блокам);
 - «ОКВЭД» – аналогичный «комплексам» набор индикаторов, в детализации по ОКВЭД, необходимой и достаточной для корректного структурирования экономических комплексов;
 - индикаторы региональной конкуренции (набор статистических и прогнозных КРІ в разрезе всех субъектов Российской Федерации), используемые для построения *индекса региональной конкуренции* и межрегиональной сравнительной диагностики; индикаторы сгруппированы по направлениям конкуренции;
 - набор ключевых социально-экономических индикаторов по странам и международным полюсам роста, используемым для оценки международной конкурентоспособности; индикаторы сгруппированы по направлениям конкуренции.

2. *Модель оценки конкурентоспособности* представляет собой модель расчета индекса конкуренции по всем субъектам Российской Федерации, а также модель сравнения с международными полюсами роста. Индекс конкуренции региона – комплексная оценка, характеризующая фактиче-

скую способность территории конкурировать за ресурсы и рынки сбыта. Индекс конкуренции регионов:

- формирует системную интегральную оценку уровня конкуренции регионов, в том числе по направлениям конкуренции: рынки сбыта, институты, человеческий капитал, информация и технологии, природно-ресурсный капитал, финансовый капитал, реальный капитал;
- обеспечивает аналитические задачи (встроена система подготовки сложных аналитических диаграмм, в том числе картографических);
- обеспечивает отбор данных для формирования целевых коридоров по ключевым КРІ, используемым при целеполагании.

Структура индекса конкуренции регионов строится на основе следующей логической схемы (рис. 2).

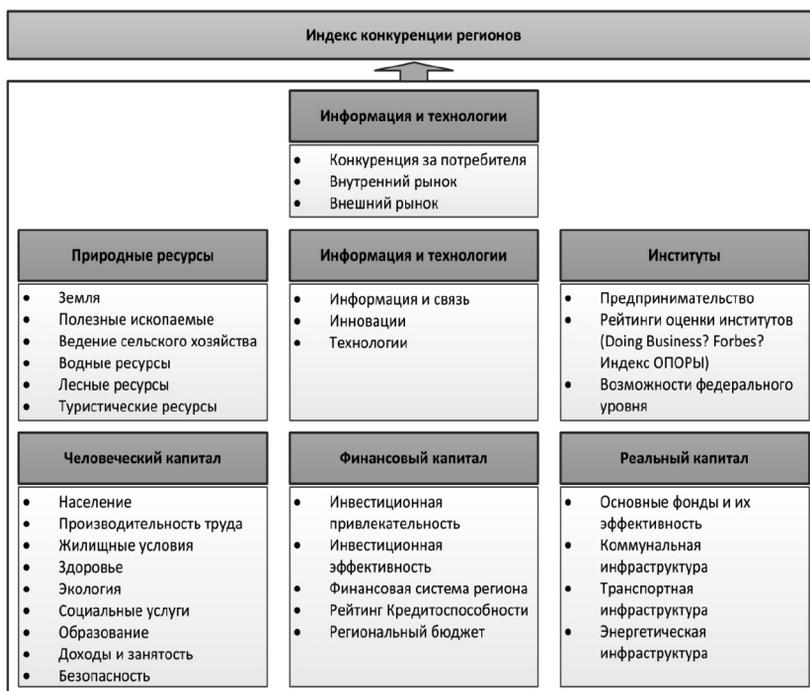

Рис. 2. Структура индекса конкуренции регионов (составлено авторами)

3. *Модель целеполагания и прогнозирования* представляет собой взаимосвязанную систему целей и задач и расчетную модель прогноза развития. Модель целеполагания и прогнозирования:

- систематизирует все цели и задачи, сформулированные в процессе диагностики и целеполагания, и соответствующие им целевые КРІ;
- обеспечивает математические расчеты, преобразующие широкий спектр целевых (прогнозных) КРІ в набор ключевых выходных индикаторов социально-экономического развития в потенциально неограниченном наборе сценариев;
- обеспечивает аналитическую оценку качества целей и КРІ на соответствие задачам опережающего развития (сравнение прогнозного уровня конкуренции по КРІ с мировыми полюсами роста и полюсами роста России) и достаточность ключевых ресурсов;
- обеспечивает взаимоувязку прогноза с бизнес-прогнозами и инвестиционным планом.

Целью формирования модели управления региональной конкурентоспособностью является информационно-аналитическое обеспечение управления конкурентоспособностью на региональном уровне для количественных прогнозов и оценок стратегических сценариев развития.

Среди основных задач, решаемых с помощью данной методики можно выделить:

- сравнение текущей и прогнозной оценки конкуренции регионов России между собой, в разрезе стран и мировых полюсов роста;
- прогнозирование социально-экономического развития в различных сценариях;
- обеспечение взаимодействия между системой целеполагания, прогнозом развития в глубокой детализации и инвестиционным планом с построением единой системы ключевых показателей эффективности;
- обеспечение функционирования и развития системы стратегического управления на региональном уровне;

- обеспечение системного процесса обновления стратегии и плана мероприятий;
- выявление ключевых регионов-конкурентов и определение их конкурентных преимуществ.

Также авторы считают целесообразным проводить анализ конкурентоспособности региона на основе дифференцированного подхода, заключающегося в отнесении региона к типам, выделенным по стадиям экономического развития. Например, регион может быть отнесен к одному из следующих типов: находящийся на стадии развития с ориентацией на наличие традиционных факторов производства; переходящий от стадии развития с опорой на наличие традиционных факторов производства к стадии с ориентацией на их эффективное использование; переходящий от стадии развития с нацеленностью на эффективность использования традиционных факторов производства к стадии, в которой акцент делается на инновационные факторы производства.

Мы полагаем, что приведенный подход позволяет выделить в качестве приоритетных те региональные конкурентные преимущества, которые способствуют переходу к стадии с более высоким развитием и продвижению к передовым конкурентным позициям за счет использования инновационных факторов конкурентоспособности региона. На наш взгляд, на основе применения данного подхода появляется возможность определять конкурентные позиции региона не только относительно других регионов России, но и в мировом торгово-экономическом пространстве.

Список литературы

1. Capello R. Regional Economics. London: Routledge, 2006, pp. 95–99.
2. Christaller Walter. Die zentralen Orte in Suddeutschland. Jena: Gustav Fischer, 1993. (Translated (in part)), by Charlisle W. Baskin, as Central places in Southern Germany. Prentice Hall, 1996.
3. Freeman C. Structural crises of adjustment: business cycles and investment behavior / C. Freeman, C. Perez // Technical change and economic theory / Edited by Dosi G. et al. L.: Pinter Publishers, 1988, pp. 38–66.

4. Small countries facing the technological revolution / Edited by Ch. Freeman, B.-A. Lundvall. L.: Pinter Publishers, 1988. 304 p.
5. The Global Competitiveness Report 2014–2015: Full data edition. – Geneva: World Economic Forum, 2014. 549 p. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (дата обращения 23.03.2016).
6. Барабанов А.С. Методика оценки и механизм управления конкурентоспособностью региона (на примере Вологодской области): автореф. дисс. ... / А.С. Барабанов. СПб., 2011. 23 с.
7. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: монография. М.: ИСЭРТ РАН, 2014. 606 с.
8. Винокурова М.В. Конкурентоспособность и потенциал кластеризации отраслей Иркутской области / М.В. Винокурова // Эко. 2006. № 12. С. 73.
9. Гринчель, Б.М. Повышение конкурентоспособности территорий как обобщающая задача стратегического планирования. СПб., 2007. 120 с.
10. Дохолян С.В. Новые подходы к конкурентоспособности региона: от индустриальной модели к инновационной // Российское предпринимательство. 2007. № 7. Вып. (94). С. 51–54.
11. Дохолян С.В. Повышение конкурентоспособности экономики региона на основе новых подходов к формированию отраслевой структуры промышленности // Российское предпринимательство. 2008. № 8. Вып. 2 (117). С. 130–134.
12. Захарченко Л.Г. Развитие методов и форм управления конкурентоспособностью региона: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. Орел, 2010 180 с.
13. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993. Т.1. 451 с.
14. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993. Т.2. 310 с.
15. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1993. Т.3. 351 с.
16. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. 957 с.

17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
18. Фахрутдинов Р.А. Конкурентоспособность: Россия и мир: монография. М.: Экономика, 2005. 608 с.

References

1. Capello R. Regional Economics. London: Routledge, 2006, pp. 95–99.
2. Christaller Walter. Die zentralen Orte in Suddeutschland. Jena: Gustav Fischer, 1993. (Translated (in part)), by Charlisle W. Baskin, as Central places in Southern Germany. Prentice Hall, 1996.
3. Freeman C. Structural crises of adjustment: business cycles and investment behavior / C. Freeman, C.Perez // Technical change and economic theory / Edited by Dosi G. et al. L.: Pinter Publishers, 1988, pp. 38–66.
4. Small countries facing the technological revolution / Edited by Ch. Freeman, B-A. Lundvall. L.: Pinter Publishers, 1988. 304 p.
5. The Global Competitiveness Report 2014–2015: Full data edition. Geneva: World Economic Forum, 2014. 549 p. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf (accessed 23.03.2016).
6. Barabanov A.S. *Metodika ocenki i mehanizm upravlenija konkurentosposobnost'ju regiona (na primere Vologodskoj oblasti)* [Technique of an assessment and the mechanism of management of competitiveness of the region (on the example of the Vologda region)]. SPb., 2011. 23 p.
7. Barabanov A.S. *Upravlenie regional'noj konkurentosposobnost'ju* [Management of regional competitiveness]. M.: ISERT RAN, 2014. 606 p.
8. Vinokurova M.V. Konkurentosposobnost' i potencial klasterizacii otraslej Irkutskoj oblasti [Competitiveness and potential of a clustering of branches of the Irkutsk region]. *Jeko* [Eco Press]. 2006. № 12. p. 73.
9. Grinchel, B.M. *Povyshenie konkurentosposobnosti territorij kak obobshhajushhaja zadacha strategicheskogo planirovanija* [Increase of competitiveness of territories as the generalizing problem of strategic planning]. SPb., 2007. 120 p.

10. Doholjan S.V. Novye podhody k konkurentosposobnosti regiona: ot industrial'noj modeli k innovacionnoj [New approaches to competitiveness of the region: from industrial model to the innovative]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. 2007. Vol. 94. № 7, pp. 51–54.
11. Doholjan S.V. Povyshenie konkurentosposobnosti jekonomiki regiona na osnove novyh podhodov k formirovaniju otraslevoj struktury promyshlennosti [Increase of competitiveness of economy of the region on the basis of new approaches to formation of branch structure of the industry]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. 2008. Vol 2(117). № 8, pp. 130–134.
12. Zaharchenko L.G. *Razvitie metodov i form upravlenija konkurentosposobnost'ju regiona* [Development of methods and forms of government competitiveness of the region]. Orel, 2010 180 p.
13. Marshall A. *Principy jekonomicheskoj nauki* [Principles of economic science]. M.: Progress, 1993. V.1. 451 p.
14. Marshall A. *Principy jekonomicheskoj nauki* [Principles of economic science]. M.: Progress, 1993. V.2. 310 p.
15. Marshall A. *Principy jekonomicheskoj nauki* [Principles of economic science]. M.: Progress, 1993. Vol 3. 351 p.
16. Rikardo D. *Nachala politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozhenija* [Beginnings of political economy and tax taxation]. M.: Eksmo, 2007. 957 p.
17. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* [Research about the nature and the reasons of wealth of the people]. M.: Eksmo, 2007. 960 p.
18. Fahrutdinov R.A. *Konkurentosposobnost: Rossija i mir* [Competitiveness: Russia and world]. M.: Ekonomika, 2005. 608 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРАХ

Берман Светлана Сергеевна, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, кандидат экономических наук
Казанский национальный исследовательский технологический университет
ул. К. Маркса, 68, г. Казань, 42015, Российская Федерация
sv180@mail.ru

Медведева Вероника Роммилевна, доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, кандидат экономических наук
Казанский национальный исследовательский технологический университет
ул. К. Маркса, 68, г. Казань, 42015, Российская Федерация
r-akaev_80@mail.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Berman Svetlana Sergeevna, associate professor dep. of management and entrepreneurship, PhD in Economics
Kazan National Research Technological University
68, Karl Marx St., Kazan, 420015, Russian Federation
sv180@mail.ru

Medvedeva Veronika Rommlevna, associate professor dep. of management and entrepreneurship, PhD in Economics
Kazan National Research Technological University
68, Karl Marx St., Kazan, 420015, Russian Federation
r-akaev_80@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-169-189
УДК 338.43.02

АГРАРНЫЙ СЕКТОР ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Комов И.В., Яковенко Н.В.

Аграрный сектор, в том числе и АПК, России функционируют в настоящее время в очень сложных социально-экономических и геополитических условиях. Агропромышленный комплекс Воронежской области относится к числу наиболее стремительно растущих региональных рынков. Устойчивые положительные результаты демонстрируют отрасли сельского хозяйства и производства пищевых продуктов. В статье показаны современные тенденции в развитии аграрного сектора. Раскрыты инвестиционные проекты по развитию данной отрасли хозяйства. Охарактеризованы принципы, благодаря которым станет возможно достичь дальнейшей положительной динамики в развитии региона в целом.

Цель – характеристика современного состояния и перспектив развития аграрного сектора Воронежской области

Метод или методология проведения работы: статистические методы анализа, обобщения и сравнения.

Результаты: получены наиболее информативные параметры, показывающие тенденции современного состояния развития аграрного сектора Воронежской области.

Область применения результатов: полученные результаты могут быть использованы для анализа и оценки региональных тенденций развития аграрного сектора Воронежской области.

Ключевые слова: *аграрный сектор; АПК; Воронежская область; инвестиции; проект.*

AGRICULTURAL SECTOR IN THE VORONEZH REGION: MODERN SITUATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Komov I.V., Yakovenko N.V.

Agricultural sector, in particular, agroindustrial complex in Russia is functioning nowadays in tough social and economic geopolitical conditions. Agroindustrial complex of Voronezh region refers to the number of the most fast rising regional markets. Stable positive results are demonstrated by agricultural spheres and food production. The article shows modern tendencies in the development of agricultural sector. Investment projects, aimed at development of the sphere are presented and principles for future positive dynamic are also given.

Purpose: characteristic of the contemporary state and perspectives for development of agricultural sector in Voronezh region.

Methodology: statistical methods: analyses, generalization, comparison.

Results: complicated informative parameters of tendencies for development of agricultural sector in Voronezh region.

Practical implications: results could be used for analyses and estimation of regional tendencies for development of agricultural sector in Voronezh region.

Keywords: *agricultural sector; agroindustrial complex; Voronezh region; investments; project.*

На современном этапе социально-экономического развития России, когда не все из имеющихся ее возможностей в процессе подъема экономики используются в должной мере, аграрному сектору экономики принадлежит ключевая роль, поскольку он был и остается главной производственно-хозяйственной и общественно-организующей основой деятельности жителей сельской местности, составляющей 1/3 российского населения[4]. Роль сельского хозяйства обусловлена как производством

продуктов питания, что выступает основой жизнедеятельности населения воспроизводства рабочей силы, так и производством сырья для различных непродовольственных потребительских товаров.

Теоретическими и методологическими проблемами изучения аграрного сектора непосредственно в России и за рубежом занимается целая плеяда ученых [9, 12, 13–15] и др.

Значительный вклад в разработку данной проблемы на региональном уровне внесли работы [2, 4, 10] и др.

Агропромышленный комплекс традиционно является приоритетным, стратегически важным сектором экономики России. Всесторонняя поддержка и дальнейшее развитие отечественного АПК особенно актуальны в период реализации политики ускоренного импортозамещения и обеспечения внутренней продовольственной стабильности. Развитие двух основных отраслей отечественного сельского хозяйства – растениеводства и животноводства – становится главным направлением развития агропромышленного производства.

Региональная аграрная сфера - структурный интегрированный комплекс, который включает в себя большое количество производственных структур, имеющих внутренние и внешние связи. В структуре современного отечественного агропромышленного комплекса, по данным Росстата, доля растениеводства составляет 51%, а животноводства 49%. Это в стоимостном выражении. А вот по объему производимой продукции растениеводства удерживают 60%, соответственно, и потребности внутреннего рынка они закрывают в большей степени. Самые высокие показатели заметны в сегментах с более коротким циклом инвестиционных вложений. Например, производство зернобобовых культур, овощей, картофеля, даже в непростой экономической ситуации, как правило, показывает рост. А вот в производстве плодов, ягод, в том числе винограда, ситуация сложнее. Самые высокие результаты в настоящий момент достигнуты в производстве зерновых культур, под которые занято более половины всех посевных площадей страны. Сегодня Россия не только полностью

обеспечивает себя зерном, но и активно выходит на внешний рынок. В 2014 г. было экспортировано 27 млн. т зерна, что на 60% больше, чем в 2013 г. Урожай 2015 г. также позволил закрепить присутствие на международных рынках.

Для отечественной животноводческой продукции экспорт пока в основном в перспективе, предстоит еще немало потрудиться. Животноводство сильнее затронули последствия начального периода рыночных реформ 1990-х г., поскольку падение покупательной способности населения привело, прежде всего, к сокращению потребления мясной и молочной продукции. Сказывалась и конкуренция с импортом. В непростых условиях многие хозяйства сокращали поголовье животных, снижали поставки на рынок молока и мяса. В результате потребовалось не только восстанавливать объемы производства, но и серьезно повышать эффективность подотрасли. В государственном масштабе для существенного увеличения поголовья животных и модернизации производственных мощностей необходим значительный запас времени - годы, а в некоторых направлениях – десятилетия.

Воронежская область – это зона интенсивного и развитого сельскохозяйственного производства. Пробы ее земли хранятся в Парижской палате мер и весов как один из эталонов плодородных почв. 3/4 общей площади занимают уникальные черноземы. Благодаря этому и хорошим биоклиматическим условиям край является крупным аграрным центром страны. Регион производит каждый шестой килограмм сахар, восьмой – растительного масла, десятый – маргариновой продукции. Профиль сельского хозяйства можно охарактеризовать как свекловичный с посевами подсолнечника и зерновых культур, молочно-мясным скотоводством, свиноводством и овцеводством.

На территории региона имеется 4,0 млн. га земель с/х назначения, в т.ч. 3,0 млн. га пашни. Структура посевных площадей выглядит следующим образом: 50% – зерновые и зернобобовые культуры, 23 – технические и 13% – кормовые культуры. Землепользователями являются: пред-

приятия разных форм собственности (около 79%); фермерские хозяйства (более 13%); подсобные хозяйства (около 8%). Доля сельского хозяйства в структуре ВРП составляет 12%, где занято 191,0 тыс. чел. (18,1% занятых в экономике региона). Более 400 тыс. га земель используется в личных подсобных хозяйствах населения (рис. 1).

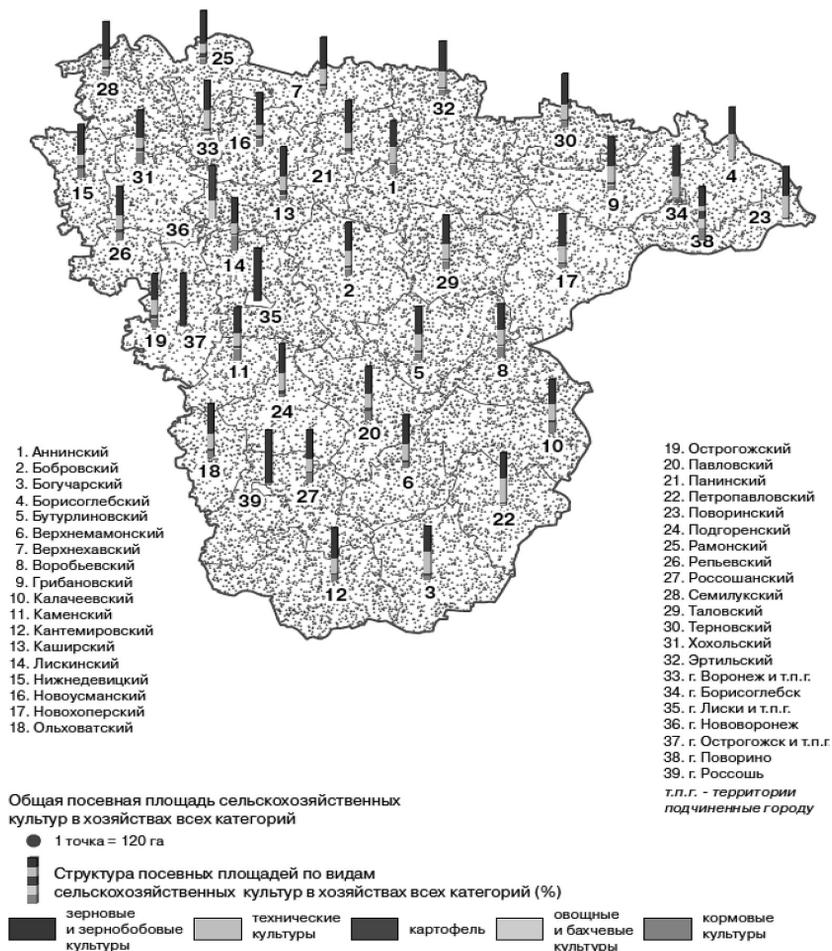

Рис. 1. Структура посевных площадей по муниципальным районам Воронежской области

По объемам производства с/х продукции Воронежская область занимает одно из ведущих мест в Центральном федеральном округе РФ. По производству зерна, сахарной свеклы, подсолнечника регион стоит на 1-м месте, молока – на 2-м, мяса скота и птицы – 3-м. На долю области приходится более 50% валового сбора подсолнечника, ¼ производства сахарной свеклы и около 20% зерна. Развитие этой отрасли приобрело более устойчивый характер, а темпы роста регионального аграрного производства существенно превысили среднероссийские значения.

За последние 5 лет АПК Воронежской области демонстрирует устойчивую динамику роста по всем основным показателям. В сравнении со средними показателями РФ и ЦФО улучшилась экономика сельскохозяйственных организаций, получили развитие крупные агропромышленные формирования, активизировалась работа по мотивации труда и социальному развитию сельских территорий (табл. 1).

Таблица 1.

Индексы производства продукции сельского хозяйства в 2009–2014 гг.

Отрасли	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Российская Федерация: хозяйства всех категорий						
Сельское хозяйство	101,4	88,7	123	95,2	105,8	103,7
растениеводство	98,6	76,2	146,9	88,3	111,2	105
животноводство	104,6	100,9	102,3	102,7	100,6	102,1
Сельскохозяйственные предприятия						
Сельское хозяйство	100,8	89,4	128,9	94,9	108,4	106,8
растениеводство	93,8	71,9	160	81,7	112,8	107,4
животноводство	109,2	105,5	105,8	108,4	104,6	106,3
Хозяйства населения						
Сельское хозяйство	102,9	88,8	113,4	96,7	100,3	98,7
растениеводство	105,8	80,4	130,8	97	105,3	100,5
животноводство	100,4	96,3	98,8	96,3	95,9	96,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства						
Сельское хозяйство	97,0	83,9	150,9	89,2	118,4	111,2
растениеводство	95,1	76,4	169	83,6	124	112,3
животноводство	104,2	106,6	106,1	108,9	102,3	107,5

Окончание табл. 1

Центральный федеральный округ: хозяйства всех категорий						
Сельское хозяйство	104,5	84,5	134,7	104,3	106,3	н/д
растениеводство	101,3	65,8	168,8	100,4	106,2	н/д
животноводство	107,2	103,8	104,7	108,7	106,5	н/д
Сельскохозяйственные предприятия						
Сельское хозяйство	104,5	88,3	138,1	107,8	109,6	н/д
растениеводство	95,6	61,3	191,4	99,6	108,5	н/д
животноводство	113,1	108,3	108,3	114,4	111,0	н/д
Хозяйства населения						
Сельское хозяйство	104,3	81,9	124,0	99,6	100,1	н/д
растениеводство	110,0	72,4	143,3	101,8	103,8	н/д
животноводство	97,0	95,1	97,3	96,1	94,3	н/д
Крестьянские (фермерские) хозяйства						
Сельское хозяйство	97,3	62,4	200,0	99,8	108,5	н/д
растениеводство	98,0	53,8	в 2,3 раза	98,5	112,5	н/д
животноводство	93,1	106,3	110,5	107,0	103,7	н/д
Воронежская область: хозяйства всех категорий						
Сельское хозяйство	100,1	72,9	166,9	104,7	109,2	100,5
растениеводство	91,5	50,9	в 2,3 раза	102	112,9	103,7
животноводство	118,0	106,1	107,2	108,8	103,9	94,8
Сельскохозяйственные предприятия						
Сельское хозяйство	98,9	68,9	в 2,1 раза	104,7	106,0	107,0
растениеводство	86,1	43,4	в 2,9 раза	96,5	102,9	106,7
животноводство	139,7	116,7	114,6	120,8	112,1	107,6
Хозяйства населения						
Сельское хозяйство	103,6	80,6	124,7	105,9	112,5	94,1
растениеводство	101,1	62,7	154,1	111,2	133,0	100,9
животноводство	106,6	99,6	102,6	101,1	97,1	83,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства						
Сельское хозяйство	89,7	44,8	в 3,3 раза	99,1	109,8	105,4
растениеводство	89,4	36,4	в 3,7 раза	98,4	111,6	104,2
животноводство	92,4	108,0	117,6	106,7	87,9	117,9

Так, объемы производства сельскохозяйственной продукции в регионе по сравнению с 2009 г. выросли почти на 40%, в то время как в среднем по России – на 15,5%. В 2014 г. эти показатели в Воронежской области превысили уже 146,1 млрд. руб. что составило 100,5% к уровню 2013 г. В результате область заняла 5-е место среди всех субъектов Российской Федерации по объему аграрного производства в стоимостном выражении. По производству зерновых, сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля регион уверенно входит в 5-ку лидеров ЦФО.

Что касается основных видов продукции животноводства, то по объемам производства мяса область занимает 9-ю, а по молоку 7-ю позицию в рейтинге регионов России. АПК Воронежской области дает 12% ВРП, в нем занято более 15 % трудоспособного населения региона. Функционирует около 600 сельскохозяйственных предприятий, 3,5 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств, более 350 тыс. личных подсобных хозяйств и 200 предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности.

Дальнейшая модернизация отрасли направлена на переход и использование инновационных технологий, которые дадут возможность снизить степень ее зависимости от неблагоприятных погодно-климатических условий и увеличить производство продукции. Этому будут способствовать областные целевые программы «Развитие сельского хозяйства на территории Воронежской области на 2008-2012 годы» и «Развитие комплексной мелиорации сельскохозяйственных земель Воронежской области на период до 2020 года».

Воронежская область является крупным производителем животноводческой продукции. В Центральном федеральном округе по производству молока и мяса она занимает 2-е место. В рейтинге субъектов РФ регион по общему производству продукции животноводства переместился с 17-го (2008 г.) на 9-е место (2014 г.). В настоящее время в Воронежской области 177 предприятий занимаются производством молока, из них: 130 хозяйств с поголовьем до 500 коров, 25 хозяйств – от 500 до 1000, 14 хозяйств – от 1000 до 2000, 8 хозяйств – с поголовьем более 2000 коров.

Итого общее поголовье по результатам прошлого года составило 80 тыс. голов коров. При этом средний надой на одну корову в сельскохозяйственных предприятиях за 2013 г. составил более 5 т (рост 106%). Среди лидеров можно отметить такие хозяйства, «Манино» (Калачеевский район) с продуктивностью 8649 кг на одну корову, СХА «Славянская» (Таловский район) – 7600 кг и «Дон» (Хохольский район) – 7350 кг. Наиболее эффективными и крупными производителями молока в Воронежской области являются «ЭкоНиваАгро» (имеет филиалы в Лискинском, Каменском и Бобровском районах), «АгроТехГарант» (филиалы в Аннинском, Рамонском и Эртильском районах), «Дон Агро» (объединяет три предприятия в Россошанском районе) и ряд других. Большинство сельскохозяйственных предприятий области работают и развиваются эффективно.

Животноводство занимает исключительно важную роль в подъеме сельских территорий региона. Здесь сконцентрированы наиболее передовые технологии, производится продукция, имеющая высокую степень добавленной стоимости, обеспечивается круглогодичная занятость населения. Динамично развивается пищевая и перерабатывающая промышленность, насчитывающая более 120 крупных предприятий и 150 мини-производств. Основным направлением их деятельности остается увеличение объемов выпуска и повышение качества продукции за счет глубокой модернизации и реконструкции производства. Производственные мощности перерабатывающей промышленности используются на 35% – 89%. Это положительный фактор, поскольку это говорит о том, что имеются резервы для увеличения объемов выпуска продуктов питания и дальнейшего развития пищевой и перерабатывающей отрасли. В марте 2015 г. Распоряжением Минсельхоза России был утвержден Перечень инвестиционных проектов, направленных на импортозамещение. Воронежская область представлена 25 проектами, сумма которых превышает 28 млрд. руб.

В общем объеме производства промышленной продукции региона пищевая и перерабатывающая промышленность занимает около 30%. В

регионе выпускается 9,0% растительных масел и 13,0% – сахара-песка от общероссийского объема производства.

Продовольственная продукция ряда воронежских перерабатывающих предприятий соответствуют стандартам качества и известна за пределами региона. Среди таких предприятий следует отметить следующие:

- ЗАО «Воронежская хлебная компания» (дочерняя структура «Русской продовольственной компании»);
- ЗЩАО Холдинг «Молвест» (одна из крупнейших компаний пищевой промышленности Центрально-Черноземного региона). Выпускает около 200 наименований молочной продукции в различных типах упаковки;
- Маслоэкстракционный завод (п. Колодезное) (филиал ООО «Бунге СНГ», дочерней структуры транснациональной корпорации Bunge). Производит подсолнечное масло (под мировыми брендами «Олейна» и «Ideal»). Другими крупными производителем растительного масла в регионе являются ОАО «МЭЗ Аннинский» и ОАО «МЭЗ Лискинский»;
- ОАО «Воронежская кондитерская фабрика» (в составе холдинга «Объединенные кондитеры»);
- Группа «Продимекс» (крупнейший производитель сахара в стране – около 12% от общероссийского объема). 8 предприятий расположено в Воронежской области;
- ОАО «Комбинат мясной Калачеевский» (наиболее крупное предприятие по производству мясопродуктов). Выпускает деликатесы по старым рецептам дореволюционных мясных артелей. Основной поставщик фирмы «Макдональдс».

С целью выявления факторов внешней и внутренней среды, воздействующих на развитие АПК Воронежской области, в рамках данного исследования проведен был осуществлен стратегический анализ по методике SWOT. Основные результаты SWOT-анализа представлены в таблице 2.

Основным фактором успешности сельского хозяйства является повышение его инвестиционной привлекательности. Инвестиции в основной капитал данной отрасли определяют динамизм ее развития. Понятно, что многообразии исторических, и территориально-климатических условий определяет распределение регионов страны по состоянию основных фондов (структура, уровень износа, рентабельности и др.) и их влиянию на инвестиции. В Воронежской области реализуется более 70 инвестиционных проектов. На сферу животноводства приходится свыше 30 млрд. руб. Среди наиболее значимых проектов, реализуемых в сфере АПК Воронежской области, можно отметить следующие: ООО «ЭкоНиваАгро» (Лискинский муниципальный район). поголовье КРС на имеющихся животноводческих комплексах составляет более 17,2 тыс. голов, в т. ч. коров – около 7 тыс. гол., годовой объем производства молока – 30,5 тыс. т.

- ООО «АПК АГРОЭКО» (Новохоперский, Павловский, Таловский районы);
- ОАО «ГК Черкизово» (Нижедевицкий район) реализует проект по строительству свиноводческого комплекса по выращиванию и откорму 100 тыс. голов свиней в год на территории с годовым производством свинины 30 тыс. т и общим объемом инвестиций 8,061 млрд. руб.;
- В 2010 г. завершена реализация российско-американского инвестиционного проекта по созданию и развитию племенного хозяйства КРС мясных пород (абердин-ангусской, герфордской) ООО «Стивенсон-Спутник» (Бобровский муниципальный район), где поголовье КРС составило более 2000 гол.
- ООО «Заречное» (Рамонский, Каменский, Подгоренский районы). Организация племенного и товарного производства специализированного мясного скота абердин-ангусской породы с маточным поголовьем 30 тыс. гол.

Таблица 2.

SWOT-анализ развития АПК Воронежской области

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> - стабильная государственная поддержка отрасли; - устойчивость производства основных видов сельскохозяйственной продукции, необходимых для обеспечения Воронежской области продуктами питания высокого качества, а также экспорта за пределы области; - избыточное производство концентрированных кормов (зерно, жмыхи, шроты, отруби) - до 2,5 млн. т; - Воронежская область является регионом-донором (для других регионов РФ) по производству животноводческой продукции; - масштабное и системное привлечение инвестиций в АПК; - наличие земельных ресурсов, пригодных для ведения сельскохозяйственного производства; - высокий ресурсный потенциал (имеющийся резерв увеличения поголовья скота и птицы); - крупный по численности сельского населения регион; - значительный потенциал региональной сети учреждений аграрной науки - включает в себя 6 НИИ, 2 ВУЗа, 7 сельскохозяйственных техникумов и колледжей, профессиональные училища и лицеи, а также 4 опытные станции; - сформированная система семеноводческих и племенных хозяйств; - высокая производительность труда работников сельского хозяйства 	<ul style="list-style-type: none"> - износ основных фондов; - зависимость результатов в растениеводстве от природно-климатических условий (регион находится в зоне рискованного земледелия); - низкий уровень заработной платы работников сельского хозяйства; - недостаточный уровень инвестиций в развитие социальной, инженерной и транспортной инфраструктуры в сельской местности; - недостаточный уровень государственной поддержки мероприятий по мелиорации земель сельскохозяйственного назначения; - высокая волатильность цен на продукцию сельского хозяйства, особенно в сфере растениеводства; - неустойчивое финансовое положение многих сельхозпредприятий; - дефицит квалифицированных кадров, воспринимающих инновационные технологии производства и управления; - низкий уровень инновационной активности предприятий (2013 г. - 10%); - недостаточная загрузка производственных мощностей предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности - производственные мощности используются в среднем от 35 до 89%; - отсутствие устойчивых связей организаций АПК с НИИ и опытными станциями; - высокая дифференциация муниципальных районов области по уровню развития сельскохозяйственного производства

Продолжение табл. 2

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> - повышение результативности государственной поддержки; - расширение степени участия региона в федеральных программах поддержки АПК; - повышение производительности труда, улучшение качества и конкурентоспособности продукции в связи с модернизацией и техническим перевооружением предприятий отрасли; - строительство и реконструкция оросительных систем (к 2020 г. планируется довести площадь орошаемых земель до 100 тыс. га); - освоение региональными производителями «премиального» сегмента рынка (производство «мраморного мяса», дорогостоящих колбас и мясных деликатесов, кондитерских изделий ручной работы, хлебных изделий с орехами и цукатами); - развитие новых для области направлений пищевой промышленности, в частности, крахмалопаточного производства; - развитие биоэнергетики (использование отходов маслоэкстракционных заводов растительных масел); - вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых сельскохозяйственных земель; - ликвидация зависимости области от поставок плодово-ягодной продукции из соседних регионов; - развитие овощеводства; - сохранение почвенного плодородия на основе перехода к биологизированному земледелию, проведению комплекса агролесомелиоративных мероприятий; - положительный эффект от введения продовольственного эмбарго, возможность увеличения присутствия на рынке за счет расширяющихся каналов сбыта продовольственной продукции; 	<ul style="list-style-type: none"> - рост влияния неблагоприятных метеорологических условий как в краткосрочном (нестабильность погодных условий), так и в долгосрочном (глобальное потепление) периодах; - ужесточение доступа к инвестиционным ресурсам, в частности, к обеспечению инвестиционных кредитов; - импортозависимость по запчастям на свеклотехнику и оросительное оборудование (48% и 63% соответственно); - цикличность производства; - усиление глобальной и межрегиональной конкуренции, в том числе ввиду вступления России в ВТО и интеграции в рамках Таможенного союза; - отток населения из сельской местности в города, обострение социальных проблем на селе; - распространение заболеваний животных и растений (например, африканской чумы свиней), а также загрязнение природной среды, что вызовет снижение продуктивности отрасли в целом; - вытеснение субъектов МСП с потребительского рынка ввиду высоких конкурентных преимуществ крупного сетевого бизнеса; - снижение спроса на солод и сокращение посевных площадей под пивоваренный ячмень из-за продолжающегося роста государственного регулирования алкогольного рынка; - диспаритет цен на промышленную продукцию и продукцию сельского хозяйства;

Окончание табл. 2

<ul style="list-style-type: none"> - развитие инфраструктуры для оказания помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям в вопросах реализации произведенной продукции; - расширение механизма использования лизинга для замены устаревшего оборудования; - развитие областного АПК с использованием кластерного подхода; - минимизация логистических издержек и оптимизация других факторов, определяющих конкурентоспособность продукции с учетом рационального размещения и специализации сельскохозяйственного производства; - приток трудовых ресурсов за счет мигрантов из регионов России и СНГ 	<ul style="list-style-type: none"> - рост цен отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей и переработчиков из-за введения продовольственного эмбарго. Согласно прогнозу Минэкономразвития до 2017 г. рост цен на продовольственные товары за январь-декабрь 2014 г. может составить 12-13% против 7,2-7,4% прогнозируемых ранее, что приведет к сокращению производства и потребления, а также к росту цен на другие продукты за счет переключения спроса и перераспределения торговой наценки во избежание всплеска цен
---	---

*Источник: Департамент аграрной политики Воронежской области.

Определяющим фактором развития агропромышленного комплекса является последовательная инвестиционная политика и значительные объемы государственной поддержки, как из федерального, так и из областного бюджета. В сельское хозяйство в 2010–2014 гг. было вложено свыше 60 млрд. руб., а годовой объем инвестиций вырос с 5,5 до 14,8 млрд. руб. Объем государственной поддержки за тот же период увеличился в 2,2 раза и по итогам 2014 г. превысил 10 млрд. руб., причем значительная часть средств – почти 6 млрд. руб. – была привлечена из федерального бюджета благодаря активному взаимодействию с профильными федеральными министерствами и ведомствами.

Вывод

Таким образом, в настоящее время перед АПК региона поставлено несколько приоритетных задач. В животноводстве это — стимулирование создания благоприятных экономических условий для расширения импортозамещающих производств, прежде развитие мясного и молочного кластеров. Реализация инвестиционных проектов в животноводстве

в среднесрочной перспективе на 2017–2018 гг. позволит увеличить производство мяса в 2 раза, молока – в 1,3 раза. Тем самым будет обеспечен дальнейший рост и в использовании излишков концентрированных кормов – зерна, жмыха и отрубей, и в загрузке перерабатывающих мощностей. В сфере растениеводства акцент будет сделан на развитие импортозамещающих отраслей, в частности овощеводства и садоводства, укрепление позиций селекционных центров и создание сети семеноводческих хозяйств, строительство и реконструкцию мелиоративных систем.

Также в приоритете – увеличение посевных площадей сахарной свеклы за счет использования отечественных гибридов. Что же касается пищевой и перерабатывающей промышленности, то здесь планируется сконцентрироваться на работе по организации производства импортозамещающей, а также биотехнологической продукции, такой как аминокислоты, кормовые добавки. Кроме того, необходимо использовать выгодное транспортно-географическое положение области для создания крупных инфраструктурных объектов транспортировки сельскохозяйственной продукции – оптово-распределительных центров.

Основными принципами, положенными в основу устойчивого развития АПК должны выступить:

- обеспечение производственной безопасности и независимости страны и регионов за счет увеличения объемов производства и импортозамещения сельскохозяйственной продукции;
- сохранение традиционного размещения отраслей, которое обеспечивает сложившиеся образ жизни и питание населения региона;
- обеспечение конкурентоспособности производимой продукции, в том числе за счет развития и размещения отраслей, где затраты общественно необходимого труда и ресурсов на производство и транспортировку сельскохозяйственной продукции наименьшие, а возможности получения количества высококачественной продукции наибольшие;
- оптимальное использование природных условий и биологических свойств растений и животных. При прочих равных условиях, уро-

- жайность культур и продуктивность животных будут выше там, где для них имеются наиболее благоприятными климат, почва, рельеф;
- обеспечение рациональных пропорций в производстве различных видов продукции, позволяющих наиболее полно использовать земельные, материальные и трудовые ресурсы сельского хозяйства в регионе, сбалансировать поголовье и объем производства кормов и т. д.;
 - приближение пищевой и перерабатывающей промышленности к источникам сырья, а сельскохозяйственных предприятий к местам потребления их продукции, чтобы свести к минимуму потери труда и средств по доставке. Сельское хозяйство и перерабатывающая промышленность призваны осуществлять совместно обеспечение населения региона пищевыми и другими продуктами;
 - развитие всех видов транспорта и транспортных средств, включая дорожное хозяйство;
 - использование результатов научно-технологического процесса, инвестиционно-инновационное развитие;
 - обеспечение потребностей страны и регионов в производстве и потреблении сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия;
 - сохранение социально-экологической устойчивости в отдельных регионах в процессе интеграции российского АПК в МРТ;
 - экономическая политика государства, которая выражается в размерах инвестиций, инновационной деятельности, бюджетной поддержки сельского хозяйства, в стимулировании производства его продукции и др.

Динамика развития АПК Воронежской области на период до 2020 г. будет формироваться под воздействием разнонаправленных факторов. С одной стороны, скажутся меры, которые были приняты в последние годы по повышению устойчивости агропромышленного производства, с другой – сохраняется сложная макроэкономическая обстановка в связи с последствиями кризиса и засухи 2010 г., что усиливает вероятность проявления

рисков для устойчивого и динамичного развития аграрного сектора экономики. В прогнозном периоде наметятся следующие значимые тенденции:

- наращивание темпов в подотрасли скотоводства, создание условий для наращивания производства и импортозамещения мяса крупного рогатого скота и молочных продуктов;
- ускорение обновления технической базы агропромышленного производства;
- увеличение инвестиций на повышение плодородия и развитие мелиорации сельскохозяйственных земель, стимулирование улучшения использования земельных угодий;
- экологизация и биологизация агропромышленного производства на основе применения новых технологий в растениеводстве, животноводстве, пищевой промышленности в целях сохранения природного потенциала и повышения безопасности пищевых продуктов.

Список литературы

1. Закон Воронежской области от 07.07.2006 г. № 67-ОЗ «О государственной (областной) поддержке инвестиционной деятельности на территории Воронежской области» [Электронный ресурс]. URL:<http://docs.cntd.ru/document/802066596> (дата обращения: 30.03.2015).
2. Закшевский В.Г. Инвестиционная привлекательность агропромышленного комплекса региона / Соавт.: Ю.В.Наролина, В.А.Верзилин; НИИ экономики и орг. агропром. комплекса Центр. - Чернозем. р-на Рос. Федерации. Воронеж, 2007. 376 с.
3. Комов И.В., Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области//Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8. №1 (2016). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN116.pdf>(доступ свободный).
4. На пути к инновационному развитию АПК: программы, опыт, научное обеспечение /Под общей ред. акад. РАН И.Ф. Хицкова. - Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. 776 с.

5. Программа Воронежской области «Развитие сельского хозяйства, производства пищевых продуктов и инфраструктуры агропродовольственного рынка» от 02.04.2012 г.[Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW181;n=51342> (дата обращения: 30.03.2015).
6. Программа социально-экономического развития Воронежской области на 2012-2016 годы от 08.06.2012 г. № 80-ОЗ [Электронный ресурс]. URL:<http://docs.cntd.ru/document/469710955>(дата обращения: 30.03.2015).
7. Программа экономического и социального развития Воронежской области на 2007-2011 годы от 08.11.2007 г. № 113-ОЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/44322669/50264725/> (дата обращения: 30.03.2015).
8. Социально-экономическое положение Воронежской области. Аналитический доклад. Воронежстат. Воронеж, 2015. 188 с.
9. Топсахалова Ф.М.-Г., Лепшкокова Р.Р., Койчуева Д.А. Современное состояние и оценка эффективности использования инвестиционных ресурсов в аграрном секторе. М.: Издательский дом «Академия Естествознания», 2009.
10. Ушачев И.Г. Совершенствование экономического механизма в агропромышленном комплексе //И. Ушачев //Экономика сельского хозяйства России. 2013. №12. С.6-15.
11. Хицков И.Ф., Макин Г.И., Федоров Г.Ф. Экономика АПК субъектов Российской Федерации Центрально-Черноземного региона. Воронеж, 2006. 219 с.
12. Bokusheva R., Bezlepkina I., Lansink A.O. Exploring Farm Investment Behaviour in Transition: The Case of Russian Agriculture. *Journal of Agricultural Economics*.2009. Vol. 60 (2). pp. 436-464.
13. Gluschenko K. Price convergence and market integration in Russia. *Regional Science and Urban Economics*. 2011. Vol. 41 (2). pp. 160-172.
14. Rylko D., Jolly R.W. Russia's New Agricultural Operators: Their Emergence, Growth and Impact. *Comparative Economic Studies*. 2005. Vol. 47.pp. 115–126.
15. Salamon P., Chantreuil F., Donnellan T., Erjavec E., Esposti R., Hanrahan K., Leeuwen M. van Bouma F., Dol W. and Salputra G. How to deal with the challenges of linking a large number of individual national models: the case of the AGMEMOD Partnership. *Agrarwirtschaft*. 2008. Vol. 57(8). pp. 373-378.

References

1. Zakon Voronezhskoy oblasti ot 07.07.2006 g. № 67-OZ «O gosudarstvennoy (oblastnoy) podderzhke investitsionnoy deyatel'nosti na territorii Voronezhskoy oblasti» [Act of Voronezh region of 07.07.2006 r. № 67-OZ «About state (regional) support of investment activity within the territory of Voronezh region»]. <http://docs.cntd.ru/document/802066596> (accessed 30.03.2015).
2. Zakshevskiy V.G., Narolina U.V., Versilin V.A. Investitsionnaya privlekatel'nost' agropromyshlennogo kompleksa regiona [Investment attractiveness of the regional agroindustrial complex]; Research and Development Establishment of economy and organization of agroindustrial complex in the Central Black Earth Region. Voronezh, 2007. 376 p.
3. Komov I.V., Yakovenko N.V. Agropromyshlennyy kompleks kak konkurentnoe preimushchestvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Voronezhskoy oblasti [Agroindustrial complex as a competitive advantage for social and economic development of Voronezh region]. *Naukovedenie*. Vol. 8. №1 (2016). <http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN116.pdf>
4. *Na puti k innovatsionnomu razvitiyu APK: programmy, opyt, nauchnoe obezpechenie* [On the way towards innovative development of agricultural complex: programmes, experience, scientific provision] /under the general editorship of academic of the Russian Academy of Sciences I.F. Hickov. Voronezh: Center of spiritual renovation of the black-earth region, 2010. 776 p.
5. *Programma Voronezhskoy oblasti «Razvitie sel'skogo khozyaystva, proizvodstva pishchevykh produktov i infrastruktury agropredovol'stvennogo rynka» ot 02.04.2012* [Programme of Voronezh region “Development of the agricultural sector, food production and infrastructure of agricultural market” of 02.04.2012] <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW181;n=51342> (accessed 30.03.2015).
6. *Programma sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Voronezhskoy oblasti na 2012-2016 gody ot 08.06.2012 g. № 80-OZ* [Programme of social and economic development of the Voronezh region for 2012-2016 of 08.06.2012 r. № 80-OZ] [Digital resource]. <http://docs.cntd.ru/document/469710955> (accessed 30.03.2015).

7. *Programma ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya Voronezhskoy oblasti na 2007-2011 gody ot 08.11.2007 g. № 113-OZ* [Programme of social and economic development of the Voronezh region for 2007-2011 of 08.11.2007 r. № 113-OZ] [Digital resource]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/44322669/50264725/> (accessed 30.03.2015).
8. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Voronezhskoy oblasti. Analiticheskiy doklad* [Social and economic state of Voronezh Region. Analytical report] / Voronezhstat. Voronezh, 2015. 188 p.
9. Topsahalova F.M.-G., Lepshokova R.R., Koychueva D.A. *Sovremennoe sostoyanie i otsenka effektivnosti ispol'zovaniya investitsionnykh resursov v agrarnom sektore* [Modern state and estimation of agricultural resources effectiveness in agricultural sector]. Moscow, publishing house «Academy of natural science», 2009.
10. Ushachev I.G. Sovershenstvovanie ekonomicheskogo mekhanizma v agropro-myshlennom komplekse [Improvement of economic mechanism in the agroindustrial complex]. *Agricultural economy of Russia*. 2013. №12, 6-15 p.
11. Hitskov I.F., Makin G.I., Fedorov G.V. *Ekonomika APK sub'ektov Rossiyskoy Federatsii Tsentral'no-Chernozemnogo regiona* [Economy in agricultural sector of territorial entities of the Russian Federation in the Central Black Earth Region]. Voronezh, 2006. 219 p.
12. Bokusheva, R. Bezlepkina, I., Lansink, A.O. Exploring Farm Investment Behaviour in Transition: The Case of Russian Agriculture. *Journal of Agricultural Economics*. 2009. Vol. 60 (2). pp. 436-464.
13. Gluschenko K. Price convergence and market integration in Russia. *Regional Science and Urban Economics*. 2011. Vol. 41 (2). pp. 160-172.
14. Rylko D., Jolly R.W. Russia's New Agricultural Operators: Their Emergence, Growth and Impact. *Comparative Economic Studies*. 2005. Vol. 47. pp. 115-126.
15. Salamon P., Chantreuil F., Donnellan T., Erjavec E., Espost R., Hanrahan K., Leeuwen M. van Bouma F., Dol W. and Salputra G. How to deal with the challenges of linking a large number of individual national models: the case of the AGMEMOD Partnership. *Agrarwirtschaft*. 2008. Vol. 57(8). pp. 373-378.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Комов Игорь Владимирович, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, кандидат географических наук
Воронежский государственный университет
ул. Хользунова, д.40а, г. Воронеж, Воронежская область, 394068,
Российская Федерация
igrkom@bk.ru

Яковенко Наталия Владимировна, профессор кафедры социально-экономической географии и регионоведения, доктор географических наук
Воронежский государственный университет
ул. Хользунова, д.40а, г. Воронеж, Воронежская область, 394068,
Российская Федерация
n.v.yakovenko71@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Komov Igor Vladimirovitch, Associate Professor of the Chair of Social and Economic Geography and Regional Studies, Candidate of Geographical Sciences
Voronezh State University
Holzunova Street, 40a, Voronezh, Voronezh region, 394068, Russian Federation
igrkom@bk.ru

Yakovenko Nataliya Vladimirovna, Professor of the Chair of Social and Economic Geography and Regional Studies, Doctor of Geographical Sciences
Voronezh State University
Holzunova Street, 40a, Voronezh, Voronezh region, 394068, Russian Federation
n.v.yakovenko71@gmail.com

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-190-201

УДК 336.713

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коробейникова Е.В., Лантева Е.В.

В статье выделены структурные ограничения, сдерживающие развитие банковского сектора России. Определены прогнозные значения совокупных активов и собственных средств (капитала) коммерческих банков, определяющие тенденции развития банковского сектора России.

Ключевые слова: банковский сектор; прогнозирование; уравнение тренда; динамические ряды.

PREDICTING THE MAIN LEVEL OF THE RUSSIAN BANKING SECTOR INDICATORS

Korobeynikova E.V., Lapteva E.V.

The article highlights the structural limitations constraining the development of the Russian banking sector. Identified prognostic value of total assets and shareholders' equity (capital) of commercial banks, which determine the trends of development of the Russian banking sector.

Keywords: banking sector; forecasting; trend equation; time series.

Банковская система страны является одним из основных элементов экономики любого государства, занимающее центральное место в системе денежно-кредитных отношений между различными участниками рынка.

В последнее время многие аналитики отмечают некоторые негативные изменения в процессе функционирования банковского сектора: низкая инвестиционная привлекательность банковского сектора, повышение рисков, связанных с достаточностью капитала, риск ликвидности и кредитный риск.

Одним из ключевых компонентов финансовой системы является банковский сектор. Он соответствует таким ключевым целям, как: трансформация внутренних сбережений в инвестиции с наименьшими издержками; эффективная аллокация ресурсов; предоставление механизмов для реализации социальных функций государства; укрепление финансового суверенитета [1].

На рисунке 1 представлена динамика числа зарегистрированных кредитных организаций и кредитных организаций, у которых отозвана лицензия на осуществление банковской деятельности в России: по состоянию на 1 января 2014 г. произошло сокращение числа зарегистрированных кредитных организаций по отношению к 2000г. на 1048.

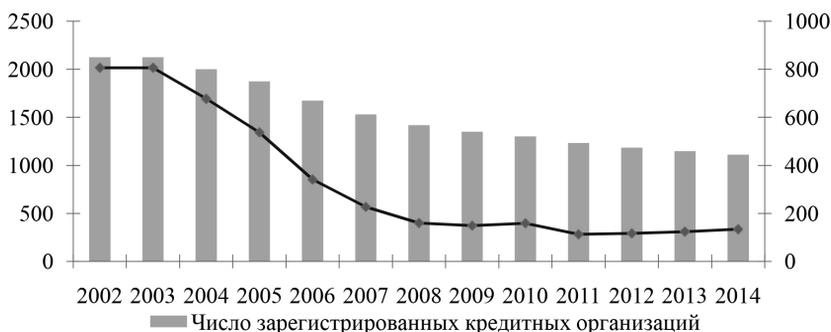

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных кредитных организаций и кредитных организаций, у которых отозвана лицензия на осуществление банковской деятельности в России на 1 января

В структуре основных показателей банковского сектора произошли следующие изменения: совокупные активы (пассивы) банковского сектора сократились на 9,2 п.п., собственные средства (капитал) банков-

ского сектора увеличился на 3,8 п.п., кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям и физическим лицам, включая просроченную задолженность, увеличились на 15,3 п.п., из них: кредиты и прочие средства, предоставленные физическим лицам, включая просроченную задолженность, сократились на 3,0 п.п., кредиты банков в инвестициях организаций всех форм собственности в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) сократились на 0,1 п.п., ценные бумаги, приобретенные кредитными организациями сократились на 4,1 п.п., вклады физических лиц сократились на 0,9 п.п., средства, привлеченные от организаций сократились на 1,9 п.п. Наглядно приведенные данные можно представить на рисунке 2.

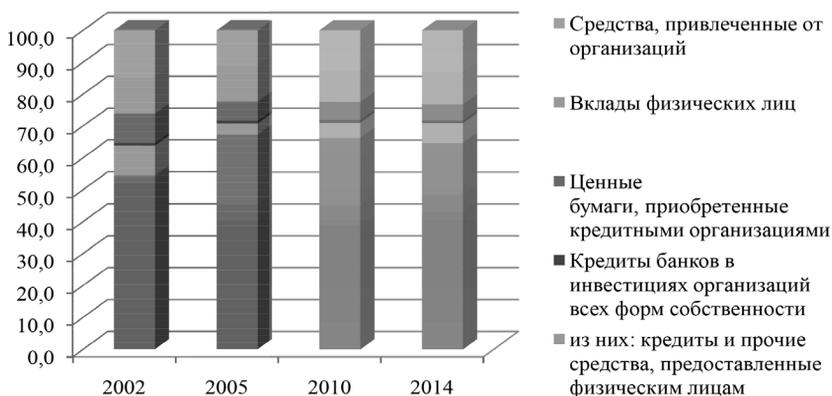

Рис. 2. Структура основных показателей банковского сектора России

В настоящее время существует структурные недостатки и основные ограничения, сдерживающие развитие банковского сектора:

- ограниченный доступ банков к долгосрочным источникам фондирования;
- высокая концентрация крупных кредитных рисков, в том числе на связанных сторонах;
- высокая концентрация активов банковского сектора, как на крупных банках, так и на банках с государственным участием в капитале;

- высокая зависимость сектора от функционирования международной банковской инфраструктуры;
- низкая доля комиссионных доходов в структуре финансового результата;
- диспропорции в структуре кредитов физическим лицам (преобладание необеспеченных потребительских кредитов и низкая доля ипотеки);
- ограниченные объемы кредитования малого и среднего бизнеса;
- слабая вовлеченность банков в финансирование инвестиций реального сектора;
- чрезмерные территориальные диспропорции в обеспечении банковскими услугами;
- избыточная регулятивная нагрузка со стороны надзорных органов;
- значительные временные и стоимостные издержки на судебные разбирательства с заемщиками [2].

Для определения перспектив развития банковского сектора России осуществим процесс прогнозирования на 2016–2018 гг. по уравнению тренда.

Совокупные активы и собственные средства (капитал) банковского сектора России являются абсолютными стоимостными показателями. Процесс прогнозирования целесообразнее осуществить по относительным показателям.

Одними из таких показателей, являющихся индикаторами банковской безопасности, являются показатели отношения совокупных активов и собственные средства (капитал) банковского сектора к ВВП страны. За последние четыре года отношение совокупных активов к ВВП выросло незначительно, аналогично и отношение капитала к ВВП [3].

Одним из простейших методов прогнозирования является процесс прогнозирования по уравнению тренда. Прежде чем переходить к определению тенденции и выделению тренда необходимо выяснить существует ли тенденция в динамике совокупных активов и собственных средств (ка-

питала) банковского сектора в % к ВВП. Для этого используем критерий серий, основанный на медиане выборки (таблица 1).

Таблица 1.

Определение наличия (отсутствия) тенденции в динамике совокупных активов и собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП

Показатель	Me	$\nu(n)$	$\tau_{\max}(n)$	Вывод о наличии (отсутствии) тенденции
Совокупные активы банковского сектора в % к ВВП	48,35	2	7	Тенденция имеется
Собственные средства (капитал) банковского сектора в % к ВВП	6,25	2	7	Тенденция имеется

Таким образом тенденция в динамических рядах совокупных активов и собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП есть и может быть описана. Для анализа динамики может быть использован метод аналитического выравнивания. На практике для этих целей применяется графическое изображение уровней динамического ряда (рисунок 3), добавив наиболее адекватную линию тренда, выбранную по наибольшему коэффициенту аппроксимации R^2 .

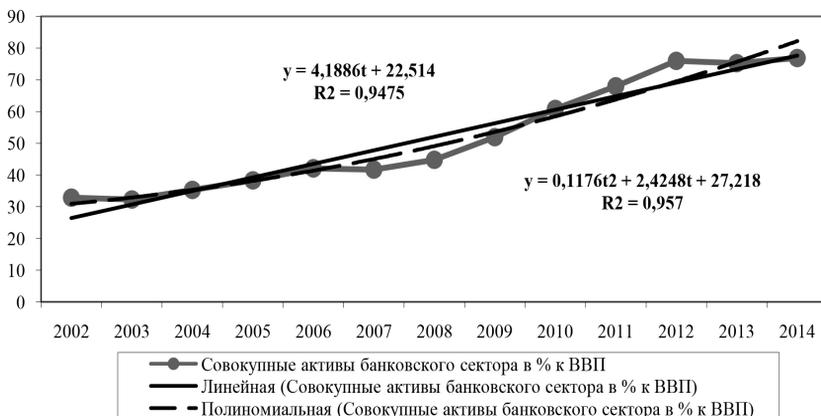

Рис. 3. Динамика совокупных активов банковского сектора в % к ВВП, тренды развития

Можно предположить, что наиболее адекватно описывать тенденцию уровня совокупных активов банковского сектора в % к ВВП может модель прямой или полинома второго порядка, приведем данные тренды на рисунке 3 [4]. Для расчета параметров уравнения тренда воспользуемся табличным редактором MS Excel, результаты расчетов представим в таблице 2.

Таблица 2.

Характеристики трендов развития уровня совокупных активов банковского сектора в % к ВВП

Форма тренда	Модель	R ²	F _{факт}
Прямолинейный тренд	$\tilde{y}_t = 4,1886t + 22,514 (3,4) * (3,3)$	0,9475	44,67
Полиномиальный тренд	$\tilde{y}_t = 0,1176t^2 + 2,4248t + 27,218 (4,6) (5,7) (6,1)$	0,957	41,79

*В круглых скобках указаны значения t-критерия Стьюдента

Все полученные модели **развития уровня** совокупных активов банковского сектора в % к ВВП статистически значимы и пригодны для принятия решений. Проверяем полученную модель развития на адекватность с помощью критерия Дарбина-Уотсона (таблица 3).

Таблица 3.

Значения критерия Дарбина – Уотсона (d)

Прямолинейный тренд			Полиномиальный тренд		
Нижняя доверительная граница (d ₁)	Значение d	Верхняя доверительная граница (d ₂)	Нижняя доверительная граница (d ₁)	Значение d	Верхняя доверительная граница (d ₂)
1,08	1,45	1,36	0,95	1,52	1,54
Автокорреляция отсутствует			Нет достаточных оснований для принятия решения		

Осуществим процесс прогнозирования активов банковского сектора в % к ВВП по полученным трендам, результаты представим на рисунке 4.

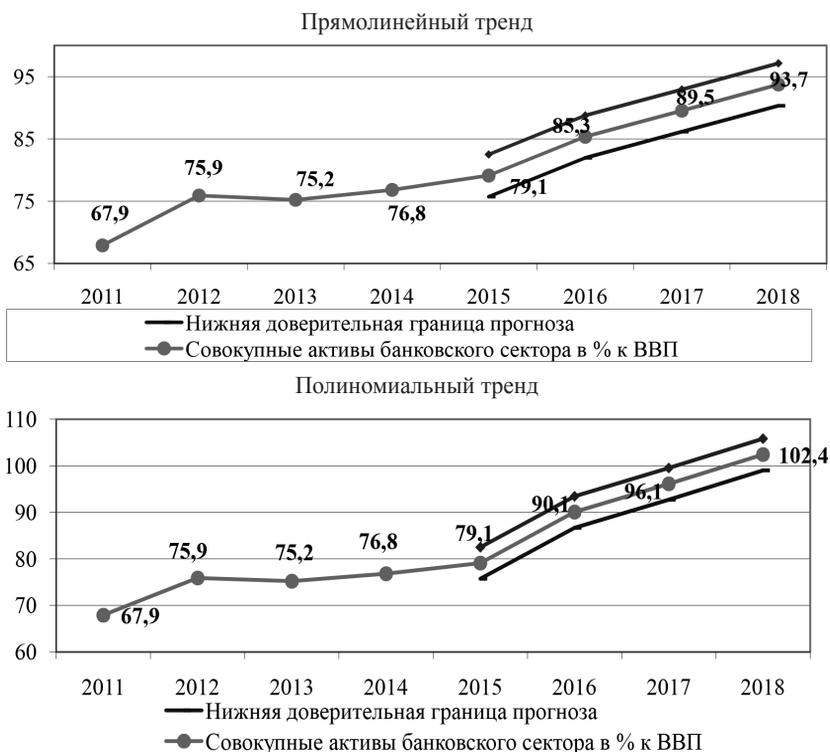

Рис. 4. Динамика прогнозных значений совокупных банковских активов в % к ВВП, полученных по прямолинейному и полиномиальному трендам

Прогноз значений совокупных банковских активов в % к ВВП по уравнениям тренда показал, что, при условии сохранения тенденции, с вероятностью 95%, в ближайшие три года 2016–2018 гг. величина значений совокупных банковских активов в % к ВВП будет расти. Характеристики качества полученных моделей представлены в таблице 4.

Характеристики качества построенных моделей свидетельствуют о достаточно высоких характеристиках качества построенных моделей.

Динамика собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП представлена на рисунке 5.

Таблица 4.

Характеристика качества построенных моделей

Форма тренда	Абсолютная ошибка прогноза	Относительная ошибка прогноза, %	Среднеквадратическая ошибка прогноза
Прямолинейный тренд	2,9	6,2	3,9
Полиномиальный тренд	2,8	5,2	4,1

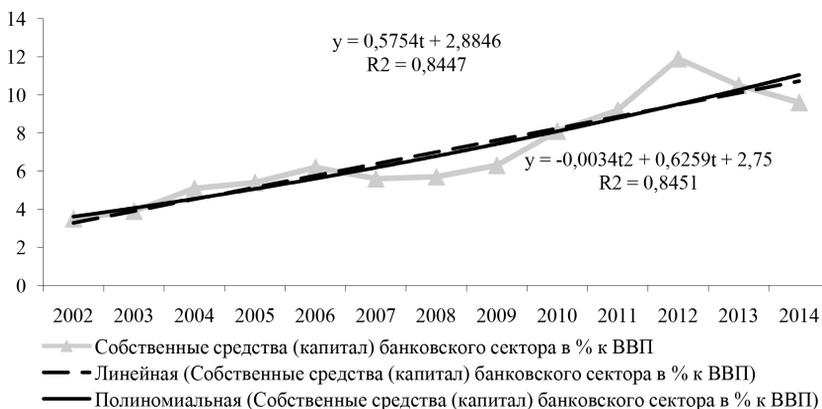

Рис. 5. Динамика собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП, тренды развития

Характеристики полученных трендов представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Характеристики трендов развития уровня собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП

Форма тренда	Модель	R ²	F _{факт}
Прямолинейный тренд	$\tilde{y}_t = 0,5754t + 2,8846$ (4,1)* (3,9)	0,8447	31,24
Полиномиальный тренд	$\tilde{y}_t = -0,0034t^2 + 0,6259t + 2,75$ (2,6) (5,2) (3,1)	0,8451	29,87

*В круглых скобках указаны значения t-критерия Стьюдента

Все полученные модели статистически значимы и пригодны для принятия решений. Проверяем полученные модели развития уровня собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП на адекватность с помощью критерия Дарбина-Уотсона (таблица 6).

Таблица 6.

Значения критерия Дарбина – Уотсона (d)

Прямолинейный тренд			Полиномиальный тренд		
Нижняя доверительная граница (d_l)	Значение d	Верхняя доверительная граница (d_u)	Нижняя доверительная граница (d_l)	Значение d	Верхняя доверительная граница (d_u)
1,08	1,78	1,36	0,95	1,62	1,54
Автокорреляция отсутствует			Автокорреляция отсутствует		

Осуществим процесс прогнозирования собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП, по полученным трендам, результаты представим на рисунке 7.

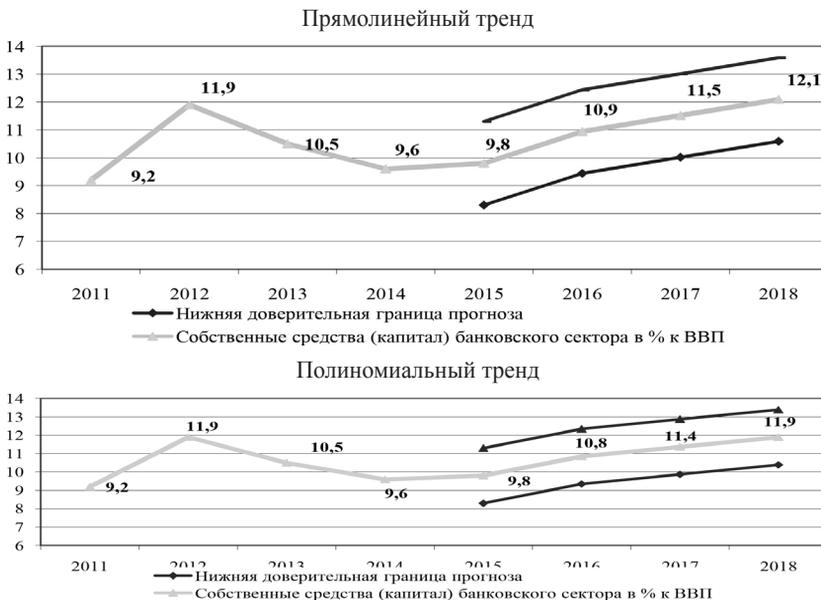

Рис. 7. Динамика прогнозных значений собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП, полученных по прямолинейному и полиномиальному трендам

Характеристики качества полученных моделей представлены в таблице 7.

Таблица 7.

Характеристика качества построенных моделей

Форма тренда	Абсолютная ошибка прогноза	Относительная ошибка прогноза, %	Среднеквадратическая ошибка прогноза
Прямолинейный тренд	0,3	4,7	0,9
Полиномиальный тренд	0,4	4,2	0,7

Характеристики качества построенных моделей свидетельствуют о достаточно высоких характеристиках качества построенных моделей.

Таким образом, при условии сохранения тенденции, с вероятностью 95%, в ближайшие три года 2016–2018 гг. величина собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП будет расти.

Сводная таблица полученных прогнозных значений совокупных активов и собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП представлена ниже в таблице 8.

Таблица 8.

Сводная таблица прогнозных значений совокупных активов и собственных средств (капитала) банковского сектора в % к ВВП

Показатель	Форма тренда	Прогнозная дата	Нижняя доверительная граница прогноза	Прогноз	Верхняя доверительная граница прогноза
Совокупные активы банковского сектора в % к ВВП	Прямолинейный тренд	01.01.2016	81,9	85,3	88,7
		01.01.2017	86,1	89,5	92,9
		01.01.2018	90,3	93,7	97,1
	Полиномиальный тренд	01.01.2016	86,7	90,1	93,5
		01.01.2017	92,7	96,1	99,5
		01.01.2018	99,0	102,4	105,8

Окончание табл. 8

Собственные средства (капитал) банковского сектора в % к ВВП	Прямолинейный тренд	01.01.2016	9,4	10,9	12,4
		01.01.2017	10,0	11,5	13,0
		01.01.2018	10,6	12,1	13,6
	Полиномиальный тренд	01.01.2016	9,3	10,8	12,3
		01.01.2017	9,9	11,4	12,9
		01.01.2018	10,4	11,9	13,4

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что прогнозные значения совокупных активов и собственных средств (капитала) банковского сектора России свидетельствуют о положительной динамике развития показателей российской банковской системы.

Список литературы

1. Коробейникова Е.В., Садыкова Л.М. Перспективы развития банкострахования как интегрированной формы организации бизнеса // В мире научных открытий. 2015. № 3 . С. 2311.
2. Коробейникова Е.В. Трансформация финансово-посреднических функций страховых организаций // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 3 (125). С. 129–132.
3. Лаптева Е.В. Статистическое исследование развития банковского сектора Российской Федерации: монография. Оренбург, 2015. 165 с.
4. Лаптева Е.В. Современные тенденции в банковском секторе Российской Федерации: статистический аспект, прогноз // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы торгово-экономической деятельности и образования в современных условиях». Оренбург, Оренбургский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2015. С. 267-272.

References

1. Korobeynikova E.V., Sadykova L.M. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2015. № 3 . S. 2311.
2. Korobeynikova E.V. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2015. № 3 (125). pp. 129-132.
3. Lapteva E.V. *Statisticheskoe issledovanie razvitiya bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii* [Statistical research of development of the banking sector of the Russian Federation]. Orenburg, 2015. 165 p.

4. Lapteva E.V. *Materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nye problemy torгово-ekonomicheskoy deyatel'nosti i obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh»* [Proceedings of the VII International scientific-practical conference 'Actual problems of trade and economic activities and education in modern conditions']. Orenburg, Orenburgskiy filial REU im. G.V.Plekhanova, 2015. pp. 267–272.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Коробейникова Елена Владимировна, к.э.н., доцент

*Самарский институт (филиал) ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
ул. Неверова/Линейная, 87/35, г. Самара, 443036, Российская Фе-
дерация
korob-lena79@rambler.ru*

Лаптева Елена Владимировна, к.э.н., доцент

*Оренбургский филиал ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
ул. Ленинская/Пушкинская, 50/51-53, г. Оренбург, 460000, Россий-
ская Федерация
lapa1984@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Korobeynikova Elena Vladimirovna, Ph.D., Associate Professor

*Plekhanov Russian University of Economics, Samara Institute (branch)
87/35, Neverova/Lineynaya Str., Samara, 443036, Russian Federation
korob-lena79@rambler.ru*

Lapteva Elena Vladimirovna, Ph.D., Associate Professor

*Plekhanov Russian University of Economics, Orenburg branch
50/51-53, Leninskaya/Pushkinskaya Str., Orenburg, 460000, Russian
Federation
lapa1984@inbox.ru*

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-202-225

УДК 331.103.32 : 615-05

**ЦЕННОСТЬ И ЦЕНА:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОГО ФАРМБИЗНЕСА
(АПТЕЧНЫЙ СЕГМЕНТ)**

Кузина Н.В.

Переход медицины и фармации на коммерческие рельсы, оптимизация лечебных учреждений и повышение требований к доходности в аптечном бизнесе, процесс приватизации и передел власти – 2015, в полной мере затронувший данные сферы, приводит к пересмотру многих традиционных ценностей и требований: критериев экономической эффективности, производительности труда, технологий продаж, корпоративной этики и стандартов обслуживания посетителя. На основании более чем семилетней практической деятельности в сегменте медицинских и фармацевтических услуг в статье ставятся данные проблемы, предлагается их решение с соблюдением этических и психологических требований к осуществлению указанного вида деятельности.

Цель – определение основных проблем зоны конфликта требований экономической эффективности аптечного сегмента (госаптеки) в целом и труда персонала в частности с этическими критериями, актуальными в профессии.

Использовались методы наблюдения и обобщения, опроса и беседы (пациенты, аптечные кадры), психодиагностики.

Результатом исследования стала разработка рекомендаций к подбору персонала, организации труда, технологиям продаж и этики общения с пациентами (фармацевтическая деонтология).

Полученные результаты рекомендуются к использованию в современном фармбизнесе (аптечный сегмент), прежде всего в государственных аптечных учреждениях, ориентированных на продажи.

Ключевые слова: аптечный бизнес; техники активных продаж; комплексные продажи; этический кодекс фармацевта; нормирование труда; профессиональный отбор; психодиагностика.

VALUE AND PRICE: ECONOMIC AND ETHICAL ASPECTS OF MODERN PHARMACEUTICAL BUSINESS (RETAIL SEGMENT)

Kuzina N.V.

Transition of Medicine and Pharmacy to commercialization, optimization of medical institutions, and increasing demands for profitability in the Pharmacy business, the privatization process and power redistribution – 2015, to the full extent affecting the data sphere, leads to a revision of many traditional values and demands: criteria of economic efficiency, productivity, sales technology, corporate ethics and visitor service standards. Based on more than seven years of practice in the segment of medical and pharmaceutical services the present paper defines the given issues, suggests their solution in compliance with all ethical and psychological requirements for the (pursuit) implementation of the mentioned type of activity.

Purpose (object) – identification of main issues of colliding requirements` area of economic efficiency of pharmacy segment (state pharmacy) in general and working practice of the personnel in particular with ethical criteria, relevant to the profession.

We used the methods of observation and generalization, survey and interviews (patients, pharmacy staff), psychodiagnostics.

Result of study: development of recommendations on recruitment, labor, sales techniques and ethics of communication with patients (pharmaceutical deontology).

Results obtained are recommended for use in modern business – pharmacy segment, in state public pharmaceutical institutions, focused on sales.

Keywords: *pharmaceutical business; active sales techniques; integrated sales; code of ethics for pharmacists; regulation of labor; recruitment (professional selection); psychodiagnostics.*

Постановка проблемы

В современной экономической науке прогнозируются и подробно анализируются возможные сценарии эволюции фармацевтической отрасли в Российской Федерации [2]. Необходимо отметить, что многие выработанные пятью годами ранее государственные документы, регламентирующие развитие фармации в России, в современных экономических условиях уже не работают [17, 18 и др.], а скрупулезно описанные сценарии не реализуются [2, с. 130]. Тревожным является также дальнейший прогноз развития дотационных и производящих отраслей [3]. Необходимо отметить, что предложенные стратегии развития фармпромышленности в большей степени касаются вопросов фармпроизводства и представительства на фармрынке российского производителя. Предлагаемые ниже суммированные наблюдения, факты, обзор действующих алгоритмов помогают понять реальное состояние дел в начале 2016 гг. в сфере розничных продаж фармпродукции.

1. Специфика аптечного сегмента и изменения 2015 г.

Аптечный сегмент современной фармацевтической промышленности связан с осуществлением особой миссии: 1) выступает как коммерческая структура, осуществляющая продажи и ориентированная на повышение доходности фарминдустрии [1, 2, 4–28 и др.]; 2) продвигает по указанию фармкомпаний и действующих в соответствии с их установками лечащих врачей новые фармпродукты; 3) осуществляет миссию массового лекарственного обеспечения населения рецептурными и безрецептурными препаратами, а также парафармацией и средствами ухода; 4) несмотря на

ограничения, справедливо наложенные на «самолечение» населения и на консультативную роль провизора, обслуживающего население «за первым столом» (у окна выдачи препаратов, за кассой – при непосредственном контакте с населением), обеспечивает мобильной консультативной и медицинской помощью [5, 11, 12, 25, 28 др.].

Аптечный киоск (один кассовый аппарат, существенно меньший ассортимент продукции) или рядовая аптека со средней проходимостью (два-три кассовых аппарата, большой ассортимент продукции, в том числе более широкая линейка парафармации и косметики) могут обслуживаться в первом случае – двумя (рядовой специалист-первостольник и сменщик – владелец / заведующий), во втором случае – семью-девятью сотрудниками (три специалиста-суточника, два специалиста по режиму работы две рабочих смены по 12 часов – два выходных дня, заместитель заведующего, заведующий, две санитарки / специалиста клининга / фавосщика, ставки данных подсобных специалистов могут отсутствовать). В традиционно имевших больший штат государственных производственных аптеках, насчитывавших в течение десятилетий, вне зависимости от проходимости, до 30 сотрудников, в 2015 г. произошли мотивированные соображениями «экономической целесообразности» сокращения более чем половины штатного состава (пример – ГБУЗ ЦЛЮ ДЗ г. Москвы).

Оптимизация труда аптек нередко происходит за счет назначения руководящего работника (директора) на «куст» из 2–3 аптек и аптечных пунктов, что снижает возможности контроля над работой конкретной аптеки и увеличивает нагрузку на ее персонал с точки зрения работы с отчетностью, ранее традиционно входившей в сферу компетенции руководства аптеки.

2. Требования к специалисту-первостольнику, нормирование труда

Трудовая деятельность фармацевта и провизора-первостольника включает как минимум шесть составляющих: 1) работа с техническими средства-

ми (кассовый аппарат, компьютерная техника – оформление заказов, накладных, контакты с сегментами сети и управляющей инстанцией, составление графика, последующее табелирование и др.), 2) работа с финансовыми потоками (денежные средства населения, в том числе на пластиковых картах), 3) работа с финансовой отчетностью (особенно в ситуации отсутствия бухгалтерского работника, закрепленного за аптекой), 4) консультативная помощь населению и работа с лекарственными средствами (их оприходование при поставках продукции, раскладка на хранение и в торговом зале в соответствии с фармгруппами, значениями НДС и др., учет движения лекарственных препаратов, в производственных аптеках – прием заказов на индивидуальное изготовление и само производство), 5) работа с документацией по учетным препаратам, 6) работа с посетителями [16, 29–30 и др.].

Указанный набор трудовых функций работника настолько обширен и неоднозначен, что отнесение данной профессии к какой-либо только одной специальности и квалификации почти невозможен. Помимо собственно фармацевтического образования и хорошего знания современных законодательных актов и Приказов Минздрава России, необходимо экономическое, психологическое дополнительное профессиональное образование (в пределах хотя бы пройденных в государственном образовательном учреждении в утвержденном порядке соответствующих курсов повышения квалификации), а также умение работать со сложной техникой и знание современного документооборота [5, 16, 25 и др.].

В одну рабочую смену специалист «первого стола» осуществляет обслуживание и консультирование в среднем около 150 посетителей. Скорость реакции и точность консультации и подбора фармсредств играют решающую роль. Согласно практическим наблюдениям, в течение четырех лет личной деятельности за первым столом в аптеке госсектора средней проходимости, средний доход за данные 150 и более чеков составляет от 30 000 руб. до 100 000 руб. и выше.

Устанавливаемая в 2015 г. в том числе и в аптечных учреждениях госсектора длительность рабочей смены для первостольника в 12 в дневные

часы и в 14–16 рабочих часов в ночные часы быстро приводит к нервно-психическому истощению, нарушает ритм приема пищи и даже ритм гигиенических процедур (учитывая тот факт, что основная часть сотрудников аптечного сегмента – женщины).

Большой и тяжелой проблемой является вопрос с организацией посменного труда в аптеках [15] с круглосуточным режимом работы. В некоторых из наиболее успешных аптек государственного сектора данная проблема ранее решалась так: дневные смены были распределены между имевшими восьмичасовой рабочий день постоянными сотрудниками (фармацевтами и провизорами), ночные смены (не более 8 смен в месяц) распределялись между имевшими квалификацию фармацевта и допуск к работе (сертификат) студентами старших курсов медицинских и фармацевтических вузов. Молодым кадрам ночные смены, характеризующиеся существенно меньшим потоком посетителей (за период с 0-00 до 7-00 в среднем не более 20 человек), давали возможность получить навык практической деятельности, попробовать себя в профессии и получить дополнительный к стипендии доход, не нарушая график учебного процесса и не пропуская занятия. После начала оптимизации и сокращений в 2015 г. государственный аптечный сегмент лишился совместителей и студентов, работающих в ночные смены на половину ставки. Требования к персоналу об использовании в полной мере профессиональных качеств и полная нагрузка по рабочему времени привела к необходимости осуществлять обслуживание посетителей в ночные смены либо работникам аптеки с большим стажем и нередко – достаточно солидного возраста, или принимать на работу студентов старших курсов вузов, имеющих допуск к фармацевтической деятельности, на целую ставку, включающую примерно 16 ночных смен в месяц. Данный переход не осуществлялся подписанием дополнительных соглашений к трудовым договорам постоянных сотрудников, а студенческую молодежь поставил на грань подрыва здоровья или отчисления из вуза, что уже стало устоявшейся и весьма неприятной практикой.

Данные условия работы серьезно влияют на здоровье фармацевтических работников, основными заболеваниями для которых традиционно являются: варикозное расширение вен, гипертония, инсульты, активная подверженность стрессам в результате общения с большим количеством посетителей и решения в режиме цейтнота огромного количества консультационных и делопроизводительно-отчетных задач, быстрое профессиональное выгорание или формируемая эмоциональная лабильность, депрессии и др.

3. Внедрение технологий продаж в государственных аптеках

Центральные понятия технологии продаж в аптечном сегменте фармбизнеса: комплексные продажи (вместе с назначенным врачом антибиотиком, например, предлагаются пре- и пробиотики, жаропонижающие, спреи для горла и сосудосуживающие средства для носа, витамины, гигиеническая помада и др.), наполняемость чека (не менее двух-трех позиций в чеке, включая платный во многих аптечных сетях и настойчиво предлагаемый упаковочный пакет), «средний чек» (стоимость покупки; в аптеках г.Москвы средней проходимости составляет более 300 руб., но может достигать 7000–8000 руб.).

В течение нескольких лет новшеством аптек государственного сегмента стало введение нормы продаж на месяц – в денежном эквиваленте (например, для аптеки со средней проходимостью с рецептурно-производственным отделом и штатом от 12 до 15 сотрудников, обычный план на месяц – более 4 000 000 руб.), а также в эквиваленте лекарственных средств, которые должны быть проданы в течение 15 дней (половины месяца), например: обезболивающий препарат «Спазмалгон», 20 таблеток – 50 упаковок, сироп «Стодаль» гомеопатический от кашля – 30 упаковок, ромашка аптечная – 50 упаковок, помада гигиеническая (производства Республика Польша) – 30 шт., спрей сосудосуживающий «Називин» для взрослых – 15 шт, спрей сосудосуживающий «Африн» увлажняющий для взрослых – 39 шт. и др. Отметим тот факт, что все названные средства (за

исключением ромашки аптечной) произведены на зарубежных фармфабриках. В течение 2014–2015 гг. в государственных бюджетных аптечных учреждениях уже устанавливались нормы продаж для каждого сотрудника в денежном эквиваленте на месяц (1 ставка провизора / фармацевта – 750 000 руб., 0, 5 ставки нагрузки работника для ночных смен – около 170 000 руб.), в эквиваленте лекарственных препаратов – 2 упаковки салфеток влажных за смену, 1 губная помада в смену, 2 упаковки ромашки аптечной в смену и др. Все препараты и парафармация, за исключением трав, произведены на зарубежных фармацевтических фабриках.

Современные бизнес-организации в фармации ориентированы на повышение цены покупки и количества наименований продукции, входящих в нее. Для повышения доходности вводятся так называемые «сезонные продажи» медикаментов (в связи с увеличением заболеваемости по временам года: кишечные заболевания и отравления летом и во время ежегодных праздников, респираторные вирусные и верхних дыхательных путей заболевания в весенний и осенне-зимний периоды, повышение травматизма во время школьных каникул и др.).

В зависимости от имеющейся в распоряжении фармбизнес-структуры «неликвидной», не пользующейся спросом, продукции или от заключенных с фармкомпаниями договоров назначаются «товары дня», иногда – с небольшим, в пределах 5%, снижением цены для населения.

Ведущие позиции в таких продажах занимают безрецептурные средства, как правило, имеющие симптоматический эффект и сопровождающиеся ограничениями по времени их применения пациентом (например, препараты – «Товары дня» в ГБУЗ ЦЛЮ ДЗ г. Москвы в осенне-зимний период 2015–2016 гг.: обезболивающие – «Спазмалгон», «Аспирин с витамином С», противовоспалительные препараты от горла – спрей «Тантум Верде», спрей «Гексорал», сосудосуживающий спрей для носа «Африн» увлажняющий, гомеопатические препараты от кашля сироп «Стодаль», ромашка аптечная (сырье, 50 г., Красногорский комбинат) и др.). Одним из первых в государственном аптечном сегменте («Центр лекарственного обеспечения

и контроля качества» Департамента здравоохранения г. Москвы) стали в осенне-зимний период 2014 года пастилки от горла «Исла». Необходимо отдельно отметить, что (это актуально прежде всего в условиях импорто-замещения) все названные препараты (за исключением ромашки аптечной) – зарубежного производства. Данный факт особенно настораживает при наличии не уступающих по эффективности и явно выигрывающих в соотношении цена / качество препаратов российских фармацевтических фабрик и имеющихся программ развития фармотрасли [17, 18 и др.].

С целью повышения продаж во всех имеющихся на данный момент в Российской Федерации сетях проводятся обучающие занятия, тренинги продаж, выходят учебные пособия и методические рекомендации [11–13, 23, 24 и др.].

4. Этический конфликт при осуществлении профессиональной деятельности фармацевта / провизора

Фармацевты и провизоры, получившие образование в советских и постсоветских медицинских вузах и колледжах при предъявлении подобных требований испытывают этический шок в связи с нарушениями классических установок медицинской / фармацевтической этики и деонтологии.

Из сетевых частных структур пришел и в государственный сегмент негласный (а порой и в форме инструктажа вышестоящих управляющих структур) запрет персоналу предлагать аналоги лекарственных препаратов российского производства с более низкой ценой при наличии импортных дорогостоящих средств. Например, установки не предлагать имеющий цену до 20 рублей таблетированный препарат от аллергии российского производства «Лоратадин» при наличии зарубежного препарата с торговым наименованием «Кларитин» (стоимость аналогичной упаковки – до 300 рублей), таблетированный «Цетиризин» с тем же действием по цене до 55 руб. за упаковку не предлагать вместо препаратов европейских и индийских производителей с тем же действующим веществом «Зиртек» и «Зодак», «Цетрин» по цене от 140 до 300 рублей; не предлагать «Лопедиум» /

«Лоперамид» по цене 28–50 руб. (или жевательные таблетки российского производства «Диара» – 100 руб.) при наличии того же препарата с торговым наименованием «Имодиум» по цене более 200 руб., не предлагать препараты «Гинкго-билоба», «Гинкоум» российского производства по цене не выше 250 руб. за 30–40 таб. (или зарубежного производства «Билобил», «Витрум Мемори» ценой от 350 до 600 руб. за 30–60 таб.) при запросе на аналогичный по содержанию дорогостоящий французский препарат «Танакан» (цена в зависимости от объема упаковки от 1000 за 30 таб. до 2 500 руб. за 90 таб.). В 2016 г. в связи с налагаемыми на аптеки штрафами при отсутствии в продаже так называемого минимального ассортимента лекарственных средств появилась тенденция сохранять препараты с невысокой ценой путем их утаивания от посетителей с целью успешного преодоления проверок на соответствие «минимальному ассортименту» [19]. Обычно данное утаивание проявляется с помощью пометы упаковок данных препаратов с низкой ценой этикетками в местах хранения, поясняющими: «Не продавать! Минимальный ассортимент!».

Проблема лояльности коллективов к подобным требованиям руководства все еще государственного аптечного сегмента фарминдустрии (число таких сетей сократилось в г. Москве, например, до одной вышеназванной) в настоящее время осложнена массовыми сокращениями (что нашло отражение в СМИ и на официальных форумах медицинских и фармацевтических работников) и массово осуществленным в этой связи переходом на двенадцатичасовые рабочие смены и условия работы два рабочих / два выходных дня (без учета ранее существовавшего особого статуса работы в субботные и воскресные дни: например – не более 2 случаев работы в выходные дни на сотрудника в месяц, с учетом его пожеланий).

5. Репутационные (имиджевые) потери в государственном аптечном сегменте

Нужно отметить, что репутационные и имиджевые потери у аптек любых сетей, но прежде всего – аптек государственных, при таком подхо-

де оказываются существенно большими и долговременными, чем доход. Механизм возникновения репутационных потерь следующий.

1. Фарм. представитель в сегменте поликлиник предлагает во время визита к врачу выписывать препарат с определенным торговым наименованием или лечащий (участковый) врач вне показаний за данную фарм-фирму, не имея времени проводить консультацию по фармсредству, «на автомате» оглашает пациенту наиболее распространенное торговое наименование препарата, не вдаваясь в пояснения о линейке его аналогов разного ценового диапазона.

2. Пациент приходит в государственную аптеку (где цены выше, чем в коммерческом аптечном сегменте, в силу в том числе специфики расчетов с поставщиками: безналичный расчет, «отложенный расчет» после реализации фармсредств и т.п.) и, узнав цену рекомендованного препарата, дает выраженную вербально негативную реакцию, покидает аптеку без покупки и, находясь в поисках более выгодной цены на препарат с данным торговым наименованием в частной аптеке, часто совершает самостоятельный телефонный или Интернет-мониторинг по аптечным сетям города. Результат – потеря потенциальных покупателей.

3. В силу указаний дирекции (чаще) или вследствие желания иметь более высокий средний чек, а в данный момент – в силу введения требований к минимальному ассортименту аптеки первостольник не предлагает более дешевый препарат – аналог в ответ на вербально выраженную негативную реакцию покупателя (с целью сохранения более дешевых средств). Примеры: «Крестор» (препарат Розувастатина) всегда имеется в аптеках в виде «Розарта», «Розукарда» и «Розувастатина», однако цена «Крестора» для покупателя как минимум в три раза выше. «Омепразол» российского производства сохраняет цену в пределах 35 рублей за упаковку, однако пациент всегда приходит только за аналогичным по составу препаратом индийского производства «Омез» (цена – около 200 руб. за упаковку), за препаратом производства Словении «Ультоп» (цена около 200 рублей на упаковку), «Лосек» (цена более 300 рублей за упаковку).

4. Пациент пребывает в уверенности, что сегмент государственных аптек не оправдывает своей принадлежности к системе государственных учреждений здравоохранения из-за завышенных цен. Таким образом, в сознании неудовлетворенного обслуживанием посетителя падает престиж любых государственных учреждений и прежде всего учреждений медицинской сферы. Косвенно данные факты приводят и к росту антигосударственных настроений в обществе в целом. До передела собственности в государственном аптечном сегменте специалисты «первого стола» государственных аптек (на примере «ГБУЗ ЦЛО и КК» Департамента здравоохранения г. Москвы) могли провести квалифицированную консультацию и предложить всю линейку аналогичных по действующему веществу препаратов. Однако с 2015 г. такие действия, ведущие к снижению доходности и среднего чека, сотрудникам негласно и почти категорически запрещены.

Если в течение 2000-х гг. посетители еще доверяли консультациям и профессионализму аптечного работника, тем более в аптеках государственного сегмента, то к 2015–2016 гг. данное доверие ушло даже у посетителей государственной аптечной сети в силу перечисленных выше причин.

Характерные реакции пациентов на поведение первостольника: «Вы хотите мне продать не нужное», «Вы хотите мне продать данный препарат, так как он, очевидно, имеет истекающий срок годности», «Вы хотите мне продать данный препарат, так как он неэффективен и его никто не покупает» и др. Нередки оскорбления со стороны посетителей в адрес первостольника в силу навязываемых фармпродуктов и услуг. В силу распространения технологии активных продаж, продаж не нужных посетителю «Товаров дня» и гонки за ростом «среднего чека» и «наполняемости покупки», требуемых официально – через «территориальных менеджеров», курирующих аптеки районов города, и через официальные документы, план продаж аптеки на месяц, и централизованно через органы управления (например, дирекцией ГБУЗ «Центр лекарственного

обеспечения Департамента здравоохранения» г. Москвы), в аптечных учреждениях формируется нервозность среди коллектива профессионалов, негативное отношение со стороны посетителей, частые просьбы предъявить жалобную книгу, отношение к фармацевту и провизору за первым столом как к «продавцу» и др.

Требования обратившихся в аптеку, тем более государственной подчиненности, вполне законны. Однако в ответ на просьбы о жалобной книге, в соответствии с проводимыми инструктажами сотрудников, предписано ее не выдавать или решать проблему любым путем, который не ставил бы под удар управленческий аппарат государственной (тем более частной) аптечной структуры. Чаще всего работники аптек, не рискуя вызвать негатив со стороны руководства, вкладывают личные денежные средства, чтобы удовлетворить любой запрос посетителя за собственный счет.

Как решить данные остро вставшие в российском обществе в целом и в частности в аптечном сегменте фармбизнеса к 2015 г. проблемы? И какими компетенциями в сфере этики, имиджеологии, пиар-технологий и психологическими, а также экономическими знаниями должны обладать менеджеры от фармбизнеса, не знающие специфики медицинской и фармдеятельности?

6. Возможные рекомендации

1. Необходимо вернуть ранее принятый режим работы в аптечном сегменте для фармацевтов и провизоров – первостольников (8 рабочих часов в смену). В данном случае количество рабочих смен в течение месяца составляет около 21.

2. Ввести для студентов вузов или внутренних / внешних совместителей нагрузку «сотрудника выходного дня». Данное новшество в рабочем графике позволит сотрудникам аптек при высокой нагрузке в течение недели проводить выходные с семьей и снизит психоэмоциональную напряженность, общую тревожность, повысит эффективность труда в рабочие дни, уменьшит количество конфликтов с посетителями.

3. Ограничить законодательно ночную нагрузку для студентов очных / вечерних отделений медицинских вузов, которую руководство аптечного сегмента может директивно назначать молодому специалисту 0, 5 ставки (не более 8 рабочих ночей длительностью не более 12 часов в смену в месяц). Это снизит вред для здоровья молодого организма из-за устойчивой депривации сна, а также позволит сократить статистику отчислений и снижения успеваемости студентов старших курсов медицинских и фармацевтических вузов из-за устройства на работу в аптечные учреждения.

4. Сокращение штата аптечных учреждений (аптечных пунктов и аптек) проводить не за счет первостольников (фармацевтов и провизоров), а за счет ставок фасовщиков и маркировщиков, осуществляющих предпродажную подготовку фармацевтической продукции и парафармаии. В этом случае количество квалифицированных кадров, способных осуществлять продажу фармпродукции и оформление соответствующей отчетности будет выше. Для отдыха и смены вида деятельности в пределах аптеки для предотвращения психоэмоциональных перегрузок вследствие режима цейтнота при общении с посетителями специалист-первостольник всегда с удовольствием выполняет работы по маркировке и фасовке, позволяющие осуществлять данные функции сидя (тогда как основное время рабочего дня проходит либо в движении, либо стоя) и с меньшей интенсивностью труда.

5. В силу сложившейся традиции среди пациентов – посетителей аптек обращаться за консультацией и назначением препарата к специалисту-первостольнику, которому данный вид услуг запрещен, ввести в аптечных учреждениях официальную штатную ставку семейного врача или специалиста с двумя профильными образованиями и соответствующими сертификатами (врач / фармацевт или др.).

6. В силу специфичности посетителей государственного аптечного сегмента (пожилые люди, постоянные посетители, лояльные государству граждане – не ориентированные на коммерческие фармбизнес-структуры, имеющие доход не более прожиточного минимума) и для сохранения ре-

путации государственного аптечного сегмента может быть рекомендовано решать проблему наполнения чека предложением пациентам более дешевых лекарственных средств с тем же действием и того же состава (стандарт обслуживания – «комплекс препаратов за цену не выше 100 / 150 / 200 рублей»). Так, личный опыт работы позволил установить своеобразный «стандарт» терапии гриппа за 120–150 руб.: противовирусный препарат «Римантадин» (производство – «Биосинтез», 20 таблеток, 50 руб), «Ксилен» или «Риностоп» (сосудосуживающие капли / спрей в нос с ксилометазолином стоимостью от 26 до 38 руб.), «Пертуссин» (сироп от кашля, 200 мл. стоимостью от 15 до 30 руб.), «Ибупрофен» («Биосинтез», 20 таблеток, жаропонижающее, не более 20 руб.). Другой вариант – экстренная помощь при кишечном расстройстве: «Фталазол» (10 таблеток, не дороже 26 руб.), «Лопедиум» / «Лоперамид» (стоимость не дороже 28–50 руб.), «Нарине» (БАД (содержит лактобактерии), 20 таблеток, не дороже 150 руб.).

Заключение

Подмена ценностных ориентиров в аптечном сегменте фарминдустрии в России, произошедшая в 2010-е годы, ориентация не на социальную деятельность и оздоровление населения, а на повышение доходности аптечных учреждений, привело к катастрофе, подлинность последствий которой мы еще увидим. В данный момент уже проявились такие негативные тенденции, как:

1. Снижение доверия пациентов к консультации аптечного работника.
2. Негативная оценка пациентом личности аптечного работника.
3. Снижение личных этических, требуемых профессией, качеств (сострадание, ориентированность на социальную помогающую деятельность и др.) и ликвидация универсальных и общепрофессиональных компетенций у вынужденных подчиняться новым требованиям «экономической эффективности» аптечных работников – «первостольников».

4. Полная отмена нравственного категорического императива И. Канта в аптечной сфере.
5. Риск мошенничества для пациента со стороны вынуждаемого к этому аптечного работника при посещении аптеки.
6. Риск получения препаратов без назначения врача, не соответствующих протекающему заболеванию, общему состоянию здоровья пациента, в том числе массового отпуска населению больших количеств препаратов для снятия симптомов заболевания с ограничением по времени возможного безопасного применения.

Список литературы

1. Аникина Е.М. Эффективные продажи фармацевтических препаратов = Effective selling of pharmaceuticals / Ред.-сост.: Ю.А. Крестинский, В.А. Мефодовский, Т.В. Кублицкая. М.: Литтерра, 2007. 192 с. (ФармБизнес).
2. Балашов А.И. Формирование механизма устойчивого развития фармацевтической отрасли: Теория и методология. СПб.: СПбГУЭФ, 2012. 160 с.
3. Балашов А.И. Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 136–151.
4. Бурма К.С. Повышение качества управления предприятием фармацевтической отрасли на основе реинжиниринга бизнес-процессов. Автореф... канд. эконом. н. М.: Рос. науч.-техн. центр информации по стандартизации, метрологии и оценке соответствия, 2011. 25 с.
5. Гарбузова Л. И., Забалуева Л.И., Манойлова Л.М. Практические рекомендации по качественному фармацевтическому обслуживанию: Учебное пособие для провизоров и фармацевтов. СПб.: Изд. дом СПбМАПО, 2004. 36 с. (Последипломное медицинское образование).
6. Голубкина Л.В. Моделирование технологии продаж фармацевтических товаров на основе системно-поведенческого подхода: Автореф... канд. фарм. н. М.: РУДН, 2006. 19 с.
7. Джеймс Б.Дж. Настольная книга по фармацевтическому маркетингу / Пер. с англ. Н.Г. Мефодовская; ред. Ю.А. Крестинский, В.А. Мефодов-

- ский. М.: Литтерра, 2005. 167 с. (James Barrie G. The Little Black Book Of Pharma Marketing).
8. Жарков В.В. Глобальный фармацевтический бизнес: Анализ социально-экономических аспектов экспансии фармацевтических транснациональных монополий. М.: Медицина, 1977. 116 с.
 9. Иудин А.А. Разработка методических подходов к оценке бизнеса аптечных организаций в условиях трансформации собственности. Автореф... канд. фарм. н. М.: РУДН, 2009. 20 с.
 10. Кластерные подходы фармацевтического союза: Образование, наука и бизнес: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, г. Белгород, 26 апреля 2012 года / Под ред. И.В. Спичака, И.С.Вороны. Белгород: НИУ «БелГУ», 2012. 239 с.
 11. Консультируем и рекомендуем: Практическое обучающее пособие для аптечных специалистов / Под ред. Е.А. Тельновой. Вып. 3. В фокусе – кросс-продажи. М., 2015. 127 с.
 12. Кравчук И.В. Репетитор аптечных продаж: Мотивирующая продажа, ориентированная на покупателя. М.: Ритм, 2010. 315 с.
 13. Кравчук И.В. Репетитор аптечных продаж: стань лидером! М.: ИПК Парето-Принт, 2013. 367 с.
 14. Мусин М.М. Бизнес в стиле распил. Куда уходят богатства Родины: хищения, легализация, однодневки, обналичка (топливно-энергетический комплекс, целлюлозно-бумажная промышленность, горно-добывающая отрасль, строительство, продукты питания, транспорт, фармацевтика, торговля). М.: Книжный мир, 2012. 286 с.
 15. Письмо Минздравмедпрома Российской Федерации от 15.07.1994 № 31-6/107-6 «О методических рекомендациях по нормированию труда работников аптек лечебно-профилактических учреждений, утвержденных Минздравмедпромом Российской Федерации 14.07.1994» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97614/ (дата обращения: 27.03.2016).
 16. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10 февраля 2016 г. № 83н «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фар-

- мацевтическим работникам со средним медицинским и фармацевтическим образованием» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195259/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdaddf518/ (дата обращения: 27.03.2016).
17. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации «Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» от 23.10.2009 [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94066/ (дата обращения 09.04.2016).
 18. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы “Развитие фармацевтической и медицинской промышленности Российской Федерации на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу”» от 01.10.2010, №1660-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105529/2f798b8446b45c199a179357cae54959c8095413/ (дата обращения 09.04.2016).
 19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26.12.2015 № 2724-р «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов на 2016 год, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192036/ (дата обращения 09.04.2016).
 20. Рыжкова М.В. Бизнес-план аптечного предприятия. СПб.: С.-Петербург. гос. хим.-фармац. акад., 1998. 40 с.
 21. Слепнев Д.М. Анализ практики бизнес-планирования в сфере фармацевтического производства. Автореф... канд. фарм.н. СПб.: С.-Петербург. гос. хим.-фармацевт. акад., 2005. 21 с.
 22. Сливкин А.И. С чего начинается частный аптечный бизнес: Методическое пособие / Под общ. ред. И. С. Суровцева. Воронеж: ВГУ, 1996. 53 с.
 23. Тельпуховская Н.М. Рецепты успешных продаж в аптеке. 2-е изд. М.: МЦФЭР, 2006. 223 с.

24. Тельпуховская Н.М. Рецепты успешных продаж в аптеке: Практическое пособие для фармацевтов и провизоров, работающих за первым столом // Приложение к журналу «Новая Аптека». № 3, 2004. М.: МЦФЭР, 2004. 171 с. (Библиотека первостольника).
25. Титова Е.В. Учебник аптечных продаж: Аптека глазами психолога. М.: Бионика, 2007. 263 с.
26. Фармацевтический бизнес России: Справочник. М.: Мир, 1998. 740 с.
27. Филина И.А. Разработка базисных факторных моделей управления бизнес-процессами аптечных организаций на основе сбалансированной системы показателей: Монография. Орёл: ОГУ, 2014. 134 с.
28. Фомичева С.Н. Социальная роль представителя фармацевтических услуг как персонализированная интеграция медицины и бизнеса. Автореф... канд. мед. н. Волгоград: Волгогр. гос. мед. ун-т, 2008. 24 с.
29. Simon K.A. BPR in the pharmaceutical industry: Doctoral diss. // Gothenburg studies in informatics, Report 26. Göteborg: Dep. of inform. School of econ. a. commercial law. Göteborg univ., 2003. X, 182 с. (Gothenburg studies in informatics: Report 26).
30. The business of healthcare innovation / Ed. by Lawton R. Burns. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univer. Press., 2012. XXIV, 574 с.

References

1. Anikina E.M. *Effektivnye prodazhi farmatsevticheskikh preparatov* [Effective sales of pharmaceuticals] / J.A. Krestinsky, V.A. Mefodovsky, T.V. Kublitskaya (ed.). М.: Litterra, 2007. 192 p. (Pharmaceutical business).
2. Balashov A.I. *Formirovanie mekhanizma ustoychivogo razvitiya farmatsevticheskoy otrasli: Teoriya i metodologiya* [Formation of a sustainable development mechanism of the pharmaceutical industry: Theory and Methodology]. SPb.: SPSUEF, 2012. 160p.
3. Balashov A.I. *Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki i razvitie oborono-promyshlennogo kompleksa* [Re-industrialization of the Russian economy and the development of military-industrial complex]. *Questions of economy*. 2015. №9, pp 136-151.

4. Burma K.S. *Povyshenie kachestva upravleniya predpriyatiem farmatsevticheskoy otrasli na osnove reinzhiniringa biznes-protsessov* [Improving the quality of enterprise management pharmaceutical industry based on business process reengineering]. Abstract ... candidate econ. sc. M.: Russ. scientific and engineering. information center for standardization, metrology and conformity assessment, 2011. 25 p.
5. Garbuzova L.I., Zabalueva L.I., Manoilova L.M. *Prakticheskie rekomendatsii po kachestvennomu farmatsevticheskomu obsluzhivaniyu: Uchebnoe posobie dlya provizorov i farmatsevtov* [Practical advice on quality pharmaceutical service: A manual for pharmacists]. SPb., 36 p. (Postgraduate Medical Education).
6. Golubkina L.V. *Modelirovanie tekhnologii prodazh farmatsevticheskikh tovarov na osnove sistemno-povedencheskogo podkhoda* [Simulation of pharmaceutical products sales technology-based system-behavioral approach]: Abstract ... candidate. pharm. sc. M.: People's Friendship University, 2006. 19p.
7. James B.J. *Nastol'naya kniga po farmatsevticheskomu marketingu* [Handbook on Pharmaceutical Marketing] / Trans. from English. N.G. Mefodovskaya; Y.A. Krestinsky, V.A. Mefodovsky (ed.). M.: Litterra, 2005. 167 p. (James Barrie G. The Little Black Book Of Pharma Marketing).
8. Zharkov V.V. *Global'nyy farmatsevticheskyy biznes: Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh aspektov ekspansii farmatsevticheskikh transnatsional'nykh monopoliy* [The global pharmaceutical business: Analysis of the socio-economic aspects of the expansion of the pharmaceutical monopolies]. M.: Medicine, 1977. 116 p.
9. Judin A.A. *Razrabotka metodicheskikh podkhodov k otsenke biznesa apteknykh organizatsiy v usloviyakh transformatsii sobstvennosti*. [Development of methodological approaches to the assessment of the business of pharmacy organizations in the ownership transformation]. Abstract ... candidate pharm. sc. M.: People's Friendship University, 2009. 20 p.
10. *Klasternyye podkhody farmatsevticheskogo soyuza: Obrazovanie, nauka i biznes: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Pharmaceutical Cluster Union approaches: Education and Business:

- The collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Belgorod, April 26, 2012 / I.V.Spichak, I.S.Vorona (ed.). Belgorod: BSU, 2012. 239 p.
11. *Konsul'tiruem i rekomenduem: Prakticheskoe obuchayushchee posobie dlya aptechnykh spetsialistov* [We advise and recommend: A Practical Guide for teaching pharmacy professionals] / E.A. Telnova (ed.). Vol. 3. Focus - cross-selling. M., 2015. 127 p.
 12. Kravchuk I.V. *Repetitor aptechnykh prodazh: Motiviruyushchaya prodazha, orientirovannaya na pokupatelya* [Tutor pharmacy sales: Motivating sales-oriented customer]. M.: Rhythm, 2010. 315 p.
 13. Kravchuk I.V. *Repetitor aptechnykh prodazh: stan' liderom!* [Tutor pharmacy sales: become a leader!] M.: Pareto-Print, 2013. 367 p.
 14. Musin M.M. *Biznes v stile raspil. Kuda ukhodyat bogatstva Rodiny: khishcheniya, legalizatsiya, odnodnevki, obnalichka (toplivno-energeticheskiy kompleks, tsellyulozno-bumazhnaya promyshlennost', gorno-dobyvayushchaya otrasl', stroitel'stvo, produkty pitaniya, transport, farmatsevtika, trgovlya)* [Business in the style of the cut. Where does the wealth of motherland: theft, legalization, ephemeral, cashing (fuel and energy complex, paper industry, mining industry, construction, food, transportation, pharmaceuticals, trade)]. M.: World of Books, 2012. 286 p.
 15. *Pis'mo Minzdravmedproma RF ot 15.07.1994 N 31-6/107-6 «O metodicheskikh rekomendatsiyakh po normirovaniyu truda rabotnikov aptek lecheno-profilakticheskikh uchrezhdeniy, utverzhdennykh Minzdravmedpromom RF 14.07.1994»* [Letter of the Health Ministry from 15.07.1994 N 31-6 / 107-6 «On Methodological Recommendations on Labor norms pharmacy employees of medical institutions, approved by Ministry of Health of the Russian Federation 14.07.1994»] [Electronic resource]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97614/ (accessed 27.03.2016).
 16. *Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 10 fevralya 2016 g. № 83n «Ob utverzhenii Kvalifikatsionnykh trebovaniy k meditsinskim i farmatsevticheskim rabotnikam so srednim meditsinskim i farmatsevticheskim obrazovaniem»*

- [Order of the Ministry of Health on February 10, 2016 № 83н «On Approval of Qualification Requirements for medical and pharmaceutical workers with secondary medical and pharmaceutical education»]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195259/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddaf-daddf518/ (accessed 27.03.2016).
17. *Prikaz Ministerstva promyshlennosti i torgovli Rossiyskoy Federatsii «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya farmatsevticheskoy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda» ot 23.10.2009* [Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation «On approval of the Russian Pharmaceutical Industry Development Strategy up to 2020» from 23.10.2009]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94066/ (accessed 09.04.2016).
 18. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii «Ob utverzhdenii Kontseptsii federal'noy tselevoy programmy "Razvitie farmatsevticheskoy i meditsinskoy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda i na dal'neyshuyu perspektivu"» ot 01.10.2010, №1660-r* [The order of the Russian Federation «On approval of the Development of the Russian Federation, the pharmaceutical and medical industry for the period up to 2020 and beyond "Concept of the Federal Target Program"», 01.10.2010, №1660-p]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105529/2f798b8446b-45c199a179357cae54959c8095413/ (accessed 04.09.2016).
 19. *Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 26.12.2015 № 2724-r «Ob utverzhdenii perechnya zhiznenno neobkhodimyykh i vazhneyshikh lekarstvennykh preparatov na 2016 god, a takzhe perechney lekarstvennykh preparatov dlya meditsinskogo primeneniya i minimal'nogo assortimenta lekarstvennykh preparatov, neobkhodimyykh dlya okazaniya meditsinskoy pomoshchi»* [The order of the Russian Federation from 12.26.2015 № 2724-r «On approval of the list of vital and essential drugs for 2016, as well as lists of drugs for medical use and minimal assortment of drugs needed for medical care»]. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192036/ (accessed 04.09.2016).
 20. Ryzhkova M.V. *Biznes-plan aptechnogo predpriyatiya* [Business Plan pharmacy enterprise]. Petersburg: St. Petersburg state Chem-pharmacy Acad., 1998. 40 p.

21. Slepnyov D.M. *Analiz praktiki biznes-planirovaniya v sfere farmatsevticheskogo proizvodstva* [Analysis of business planning practices in the field of pharmaceutical production]. Abstract ... Candidate. farm. sc. Petersburg.: St. Petersburg state Chem-pharmacist Acad., 2005. 21 p.
22. Slivkin A.I. *S chego nachinaetsya chastnyy aptechnyy biznes: Metodicheskoe posobie* [How to start a private pharmacy business] / J.S. Surovtseva (ed.). Voronezh: VSU, 1996. 53 p.
23. Telpuhovskaya N.M. *Retsepty uspekhnykh prodazh v apteke* [Recipes of successful sales in the pharmacy]. 2nd ed. M., 2006. 223 p.
24. Telpuhovskaya N.M. *Retsepty uspekhnykh prodazh v apteke: Prakticheskoe posobie dlya farmatsevtov i provizorov, rabotayushchikh za pervym stolom* [Recipes of successful sales in the pharmacy: A practical guide for pharmacists and pharmacists working at the first table]. *Supplement to the journal «New Store»*. 2004, no 3. M., 2004. 171 p.
25. Titova E.V. *Uchebnik aptechnykh prodazh: Apteka glazami psikhologa* [Tutorial pharmacy sales: Pharmacy eyes psychologist]. M.: Bionics, 2007. 263 p.
26. *Farmatsevticheskiy biznes Rossii: Spravochnik* [Pharmaceutical Business in Russia: A Handbook]. M.: Mir, 1998. 740 p.
27. Philina I.A. *Razrabotka bazisnykh faktornykh modeley upravleniya biznes-processami aptechnykh organizatsiy na osnove sbalansirovannoy sistemy pokazateley* [Development of basic factor of business process management models drug-stores based on the Balanced Scorecard]: Monograph. Orel: OSU, 2014. 134 p.
28. Fomicheva S.N. *Sotsial'naya rol' predstavatelya farmatsevticheskikh uslug kak personalizirovannaya integratsiya meditsiny i biznesa* [Social role of representative pharmaceutical services as the personalized integration of medicine and business]. Abstract ... Candidate. health sc. Volgograd: Volgogr. state health University Press, 2008. 24 p.
29. Simon K. A. BPR in the pharmaceutical industry: Doctoral diss. Gothenburg studies in informatics, Report 26. Göteborg: Dep. of inform. School of econ. a. commercial law. Göteborg univ., 2003, no X. 182 p. (Gothenburg studies in informatics: Report 26).

30. The business of healthcare innovation / Lawton R. Burns (ed.). 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univer. Press, 2012, no XXIV, 574 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кузина Наталья Владимировна, руководитель отдела аспирантуры, магистратуры и дополнительного профессионального образования, доцент, кандидат филологических наук, клинический психолог, фармацевт
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева»
ул. Космонавтов, 2, г. Москва, 129366, Российская Федерация
nvkuzina@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kuzina Natalia Vladimirovna, Head of post-graduate, Graduate and Additional Professional Education, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Clinical Psychologist, Pharmacist
Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage
2, Kosmonavtov St., Moscow, 129366, Russian Federation
nvkuzina@mail.ru

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-226-243

УДК 338: 338.49

ТРАНСФОРМАЦИЯ СКЛАДСКИХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ)

Курбанов Т.Х.

В работе представлены результаты анализа развития складской инфраструктуры Вооруженных сил Российской Федерации в XX–XXI вв. При этом современный этап развития рассматривается в большей степени как перспективный, подразумевающий отказ от эксплуатации физически и морально устаревших объектов хранения, имеющих достаточно высокий уровень неэффективных расходов (применение современного логистического подхода позволит значительно снизить затраты на логистику) в интересах создания современных производственно-логистических комплексов. Эффективность создания и эксплуатации данных объектов планируется повысить за счёт привлечения коммерческих организаций на условиях государственно-частного партнёрства. Особое внимание уделено тому, что снижение издержек не должно отрицательно повлиять на полноценное и своевременное обеспечение военных потребителей, а принципиальные решения не могут противоречить специфическим требованиям военной организации.

Цель – определение перспектив дальнейшего совершенствования складской логистической системы, действующей в интересах Вооруженных сил.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались экономико-математические методы, а также статистические методы анализа.

Результаты: получены наиболее информативные параметры, показывающие некоторые аспекты создания и функционирования современной складской сети в интересах Вооружённых сил.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять военной организации государства и частным компаниям для дальнейшего развития системы стационарных объектов хранения материально-технических средств.

Ключевые слова: Вооружённые силы Российской Федерации; государственно-частное партнёрство; производственно-логистический комплекс; складская логистика; складская сеть; логистическая инфраструктура; хранение.

TRANSFORMATION OF WAREHOUSING AND LOGISTICS SYSTEMS (FOR EXAMPLE, INFRASTRUCTURE OF THE ARMED FORCES)

Kurbanov T.Kh.

The paper presents the results of the analysis to develop warehousing infrastructure of the Armed forces of the Russian Federation in the XX–XXI centuries. In this modern stage of development is mostly considered as a promising, implying the rejection of exploitation of outdated storage with reasonably high level of inefficient spending (the use of modern logistic approach will significantly reduce logistics costs) in the interests of creating a modern production and logistics facilities. The effectiveness of the creation and operation of these facilities is planned to be increased by attracting commercial organizations on public-private partnership. Special attention is paid to the fact that cost reduction should not adversely affect the full and timely provision of military consumers, and important

decisions may not be contrary to the specific requirements of the military organization.

Purpose – determination of prospects for further development of warehouse logistic systems, operating in the interests of the Armed forces.

Methodology in article economic-mathematical methods, and also statistical methods of the analysis were used.

Results: the most informative parameters, showing some aspects of the establishment and operation of a modern warehouse network in the interests of the Armed forces.

Practical implications the results obtained it is expedient to apply the military organization of the state and private companies for further development of the system stationary storage of material and technical means.

Keywords: *armed forces of the Russian Federation; state-private partnership; production and logistics complex; warehouse logistics; warehouse network; logistics infrastructure; storage.*

Своевременное и полное обеспечение военнослужащих всеми необходимыми материально-техническими средствами находится под пристальным вниманием руководства страны и военного ведомства России. Для решения этой сложной и масштабной задачи государство располагает соответствующим аппаратом, силами и средствами в составе армии и флота, а также привлекает к выполнению отдельных функций гражданские коммерческие организации на условиях аутсорсинга и государственно-частного партнёрства [8, 7, 19].

Материально-техническое обеспечение (МТО) Вооружённых сил играет важную роль в достижении требуемого уровня боеготовности войск и напрямую влияет на результат ведения боевых действий, и в конечном счете, на победу над противником. Система МТО предназначена для обеспечения армии и флота всеми видами вооружения, военной техники, другими материальными средствами, их эксплуа-

тации, обслуживания и ремонта. Эффективность функционирования данной системы зависит в первую очередь от состояния инфраструктуры, важной составляющей которой являются стационарные объекты хранения материально-технических средств (базы и склады). Ошибки, допущенные при построении этой складской системы, неизбежно влекут за собой повышение расходов, связанных с обеспечением войск (сил).

Для идентификации направлений совершенствования стационарных объектов хранения военной организации государства рассмотрим особенности её исторического развития. В период XX–XXI вв. система стационарных объектов хранения материально-технических средств как подсистема МТО Вооружённых сил прошла несколько этапов. Выделим основные из них (табл. 1).

Таблица 1.

Поэтапная трансформация стационарных объектов хранения материально-технических средств Вооружённых сил

Период	Название этапа	Описание этапа	Положительные черты	Нерешённые проблемы
Первая половина XX века	Этап низкой эффективности складской логистики	Характеризуется использованием зданий (помещений), приспособленных для хранения, обладающих минимальными техническими складскими характеристиками (основная функция склада при этом заключалась в приёмке, хранении и выдаче запасов)	Стационарные объекты хранения материально-технических средств, существующие и построенные в этот период, позволили хранить запасы, необходимые для обеспечения действующей армии данного периода (в том числе в период военных действий)	Высокий уровень затрат, связанных с обеспечением военных потребителей, существенную долю которых составляют неэффективные затраты, в том числе связанные с хранением (потери в результате нарушения условий хранения, повышенная доля запасов неликвидной группы)

Окончание табл. 1

Вторая половина XX века	Этап средней эффективности складской логистики	Характеризуется применением в большинстве случаев типовых оборудованных складов, предназначенных для хранения одной или нескольких групп материально-технических средств (дополнительно к функциям хранения, приёмки и выдачи постепенно внедряются дополнительные сервисные услуги)	В распоряжение армии ежегодно начинают поступать капитальные (построенные по типовым проектам) складские комплексы с набором необходимых агрегатов и других приспособлений для организации наиболее оптимальных условий содержания тех или иных групп вооружения, военной техники и других материальных средств. Повышается уровень сохранности хранимых запасов	Изменившиеся границы государства и военная доктрина, а также физический и моральный износ стационарных объектов в течение полувека привели к тому, что стационарные объекты хранения перестали отвечать требованиям военно-экономической эффективности
Первая половина XXI века	Этап высокой эффективности складской логистики (<i>перспективный</i>)	Создание производственно-логистических комплексов (ПЛК), подразумевающих хранение практически всей номенклатуры материально-технических средств, необходимых военным потребителям для выполнения задач на одной территории	Морально и физически устаревшие существующие объекты хранения будут заменены современными ПЛК, отвечающими современным требованиям по оперативности, экономичности, экологичности и безопасности, позволяющими уменьшить суммарные логистические издержки, в том числе связанные с доставкой продукции военного назначения	Высокая стоимость создания ПЛК, связанная в первую очередь с масштабностью строительных работ, а также отсутствие соответствующего опыта в хранении запасов на единой площадке (обязательное применение пилотных проектов, позволяющих выработать механизмы дальнейшего создания и эксплуатации стационарных объектов хранения материально-технических средств, объединённых в единую складскую сеть)

Источник: разработано автором.

Особенностью первого этапа – низкой эффективности складской логистики (1900–1950 гг.) являлось то, что действующая в этот период складская сеть военного ведомства имела ряд существенных недостатков (несмотря на тот факт, что в сравнении с гражданскими складами военные склады были на уровень выше), вызванные в первую очередь особенностями развития народного хозяйства и историческими событиями. Так, для этого периода характерен высокий уровень финансовых потерь, связанных с неэффективной организацией складского хозяйства и утратами хранимых запасов, вызванных порчей и хищениями. Лица, ответственные за приём, хранение и выдачу материально-технических средств, обладали недостаточным уровнем знаний в области складской логистики. Зачастую на хранение принималась продукция, качественные характеристики которой не соответствовали требованиям руководящих документов. Наибольшее количество вопросов вызывала приемка продуктов питания по качеству (как правило в основном применялся органолептический метод). Информационные потоки, циркулирующие в системе, были недостаточными как по объёму, так и по интенсивности передачи данных, необходимые для управления и контроля за совершаемыми хозяйственными операциями. В результате, даже при наличии на складе необходимых ресурсов военный потребитель не был обеспечен ими своевременно. По той же причине по некоторым позициям наблюдался профицит запаса, вызванный неопределённостью логистического спроса [12]. Развитие логистической инфраструктуры и логистических технологий обеспечило переход ко второму этапу развития складской логистики в системе материально-технического обеспечения Вооружённых сил.

На втором этапе – этапе средней эффективности складской логистики (1950–2000 гг.) была создана достаточная многофункциональная система стационарных объектов хранения, позволяющая обеспечить потребности армии в полном объёме как в мирное, так и в военное время на соответствующих стратегических направлениях согласно потребностям создаваемых группировок войск (сил). Однако кардинально изменившаяся

ситуация (трансформация границ государства, переход к но-вой военной доктрине, повышение уровня износа основных фондов, развитие логистических технологий и др.) привела к тому, что к концу второго периода капитальные высокоэффективные складские мощности военного ведомства превратились в нерентабельные объекты.

В рамках третьего этапа – высокой эффективности складской логистики (2000–2050 гг.) (перспективного) организовано создание системы стационарных объектов хранения материально-технических средств, подразумевающей комплексное содержание материальных ресурсов с использованием современных инновационных технологий и единой транспортной инфраструктуры, позволяющей обеспечить по одному транспортному потоку каждого получателя всеми необходимыми материальными средствами. В рамках создания единой логистической системы Министерство обороны приступило к реализации проекта создания ПЛК. Планируется, что современные объекты стационарной складской базы будут оснащены передовыми технологиями складской логистики, что позволит существенно снизить уровень неэффективных расходов. С одной стороны, данная система должна быть ориентирована на обеспечение минимального уровня затрат, связанных с продвижением грузопотока до конечного военного потребителя, с другой стороны, – на гарантированное свое-временное обеспечение всеми необходимыми материальными средствами [6, 15].

Следует отметить, что ПЛК Вооружённых сил представляет собой специализированный объект, который планируется использовать для комплексного хранения материальных средств различной номенклатуры (кроме ракет, боеприпасов и взрывчатых веществ), их переработки (приёма, доставки и отгрузки), осуществления производственных процессов обслуживания, текущего ремонта, освежения, а при необходимости сборки и комплектования изделий. Кроме того, на этих объектах могут формироваться комплекты материальных средств и имущества для комплексной поставки их в войска, а при наличии транспортных средств – централизованной доставки к прикреплённым воинским частям.

По мере строительной готовности ПЛК постепенно будут высвобождаться и ликвидироваться неэффективные базы и склады, что даст возможность значительно сокращать финансовые затраты на их содержание. В результате создания ПЛК будет осуществлена частичная, а в последующем и полная замена существующей специализированной, разобщённой и во многом устаревшей стационарной складской базы военных округов (флотов).

В целом, создание ПЛК решает следующие задачи:

1) сосредоточение материально-технических средств номенклатуры различных служб видов МТО на единой территории;

2) осуществление приёма, хранения и выдачи воинским частям (получателям) материально-технических средств различной номенклатуры служб МТО, поставляемых предприятиями промышленности;

3) сокращение штатной численности военнослужащих и гражданско-го perso-нала существующей разрозненной системы хранения материальных средств;

4) внедрение перспективных методов хранения материально-технических средств;

5) сокращение транспортных расходов воинских частей – получателей материально-технических средств;

6) сокращение количества персонала военизированной охраны путём внедрения современных технических средств охраны и сигнализации, обеспечивающих предотвращение несанкционированных действий на территории ПЛК;

7) приведение возможностей терминалов для хранения различных видов материально-технических средств номенклатуры служб МТО к способности в мирное и военное время гарантированно выполнять задачи по приёмке, хранению, обслуживанию, выдаче и поставке материально-технических средств в интересах обеспечиваемых войск (сил);

8) повышение надёжности системы обеспечения материально-техническими ресурсами (МТР) устойчивости и живучести, минимизации стоимостных затрат при оперативности функционирования.

Оптимальное решение перечисленных задач закладывает фундамент эффективного функционирования всей системы материально-технического обеспечения Вооружённых сил.

Создаваемые ПЛК в соответствующих границах зон функциональной ответственности в мирное и военное время предназначены:

- для бесперебойного, своевременного и полного обеспечения МТР текущей потребности войск (сил) по территориальному принципу (размещенных на территории военных округов);
- оптимизации сил и средств обеспечения МТР, их организационной структуры и повышения технической оснащённости для своевременного реагирования на текущие и прогнозируемые потребности войск (сил);
- комплексного использования возможностей соединений, воинских частей и организаций обеспечения МТР войск (сил) при приведении в высшие степени боевой готовности при подготовке и ведении боевых действий;
- совершенствования системы технических, технологических, организационно-профилактических и упредительных мероприятий, направленных на повышение безопасности и улучшение условий хранения горюче-смазочных материалов и вооружения, военной и специальной техники, на предупреждение возникновения возможных чрезвычайных ситуаций и недопущение людских и материальных потерь;
- для совершенствования планирования подвоза на коммуникационных направлениях, обеспечения устойчивой работы всех видов транспорта и коммуникаций, подготовки материальных средств к перевозкам комплектами, модулями, контейнерами и пакетами;
- сокращения сроков производства погрузочно-разгрузочных работ с применением средств механизации, в том числе и для обеспечения работы временных перегрузочных районов.

Создание ПЛК позволит разместить на хранение запасы военной и военно-специальной техники, а также всевозможных материальных средств, за исключением ракет и боеприпасов.

Для снижения нагрузки на федеральный бюджет при строительстве и эксплуатации ПЛК планируется привлечение частных инвестиций (государственно-частное партнёрство, сочетающее в себе интересы оборонного ведомства и сферы бизнеса) [13, 17, 20].

Развитие складской инфраструктуры военной организации на основе государственно-частного партнёрства напрямую связано с законами военной экономики, согласно которым чем выше риск военной угрозы, тем больше используется административная военно-логистическая система и напротив, снижение военной угрозы обуславливает тесное взаимодействие с частными компаниями, оказывающими услуги военной организации, являющиеся второстепенными [2, 3, 18].

Следует также отметить, что создание ПЛК позволит перейти от функции хранения к инновационному управлению потоками в системе материально-технического обеспечения Вооружённых сил.

Без планирования, как известно, в военном деле не обходится решение ни одной значимой задачи. Создание оптимальной складской сети военной организации государства подразумевающей применение ПЛК, безусловно относится к таковым. Проектирование военных логистических систем, относящихся непосредственно к созданию и функционированию складской сети, обязательно сопровождается поиском ответов на вопросы, связанные с определением количества необходимых складов, их размещением. При этом обязательно определяется перечень решаемых задач и границы зон функциональной ответственности в мирное и военное время. Рациональный вид тары, вид и количество погрузочного, разгрузочного, транспортного и складского оборудования, степень автоматизации логистических процессов, а также ряд других вопросов также имеют важное значение при создании и эксплуатации логистической сети [9, 10].

При подготовке обоснования проекта создания и функционирования складской сети в интересах ВС РФ необходимо использовать критерии максимизации экономии государственных средств и прироста

качества выполнения логистических функций. Алгоритм выбора оптимального варианта складской сети, создаваемой в интересах ВС РФ, может быть реализован в такой последовательности (рис. 1.) [1, 4, 5]:

Рис. 1. Алгоритм выбора оптимального варианта складской логистической сети, создаваемой в интересах ВС РФ

Источник: разработано автором.

- 1) определяется перечень задач логистической системы военного ведомства, идентифицируются стратегические цели;
- 2) рассчитывается прогнозируемая величина потока материальных ресурсов, проходящего через систему МТО ВС РФ;
- 3) планируется прогнозируемый объём запасов в системе обеспечения ВС РФ;
- 4) изучается транспортная сеть региона обслуживания военных потребителей, а также составляется схема движения материальных потоков;
- 5) разрабатывается множество вариантов построения логистической системы (рассматриваются различные подходы по количеству складов в логистической сети, их дислокации и мощности, определяется форма собственности склада и решается ряд других задач);
- 6) производится оценка всех затрат, возникающих в цепях поставок для каждого из разработанных вариантов (путём суммирования всех издержек, полученных в результате анализа полной стоимости логистического процесса обеспечения ВС РФ всеми необходимыми ресурсами, проходящими через логистическую сеть);
- 7) выбирается единственный вариант построения логистической сети, создаваемой в интересах Вооружённых сил, для его реализации.

Для того чтобы рассчитать приведенные затраты для каждого варианта, необходимо воспользоваться следующей формулой [4]:

$$Z_{\text{п}} = \sum_{i=1}^n C_i + \frac{K}{T},$$

где $Z_{\text{п}}$ – приведённые затраты по варианту;

n – число принимаемых во внимание статей издержек;

C_i – годовые расходы (эксплуатационные, транспортные, расходы связанные с управлением складской системой военной организации и др.);

K – полные капитальные вложения на строительство и оборудование складской сети военной организации (создание производственно-логистических комплексов);

T – срок окупаемости варианта.

Из множества вариантов построения логистической сети военной организации выбирается тот, который позволяет качественно организовать процесс обеспечения военных потребителей с минимальным значением приведённых (годовых) затрат.

Для определения оптимального количества ПЛК необходимо в масштабе всей системы МТО Вооружённых сил определить, как изменяются те или иные расходы и потери (в том числе потери времени) в зависимости от увеличения (уменьшения) числа комплексов.

Сокращая расходы по одной статье, мы тем самым повышаем расходы по другой. К основным издержкам, оказывающим взаимное влияние друг на друга, относятся:

- транспортные расходы;
- затраты на погрузочно-разгрузочные работы, связанные с использованием нескольких видов транспорта;
- затраты на содержание запасов (одна из наиболее существенных логистических статей);
- расходы, связанные с управлением складской системой и др. [14, 16].

Подводя итог, можно отметить, что существующая специализированная стационарная складская база прошла в своём развитии несколько этапов и в настоящее время перестала отвечать современным требованиям комплексного и эффективного обеспечения материальными средствами группировок войск (сил) в мирное и военное время. В связи с этой и рядом других причин в настоящее время ведутся поисковые и исследовательские работы по созданию системы МТО, важнейшей частью которой является формирование объединенной складской инфраструктуры на принципиально новых основах: отказ от большого количества специализированных объектов и строительство ограниченного количества крупных объектов (ПЛК) для комплексного хранения материальных средств, объединенных в единую логистическую систему с привлечением коммерческих организаций на условиях государственно-частного партнёрства.

Список литературы

1. Бауэрсокс Д.Дж., Клос Д.Дж. Логистика: интегрированная цепь поставок: пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. 640 с.
2. Булгаков Д.В. Экономические основы и особенности управления тылом силовых структур государства // Проблемы современной экономики. 2007, № 3. С. 342–348.
3. Вахрушев Ю.М., Руденко А.Е., Курбанов А.Х. Методические основы выбора исполнителей заказов на поставку продукции, выполнение работ, оказание услуг в интересах военной организации // Экономика и предпринимательство. 2013. № 7. С. 342–345.
4. Гаджинский А. М. Логистика: учебник для вузов. М.: Дашков и Ко, 2010 481 с.
5. Дыбская В. В. Управление складированием в цепях поставок. М.: Альфа-Пресс, 2009. 720 с.
6. Коновалов В. Б., Тришункин В.В. Перспективные направления развития и пути совершенствования военной логистики // Экономика и предпринимательство. 2014. № 4-1. С. 455–458.
7. Котляров И. Д. Применение аутсорсинга в государственной деятельности в Российской Федерации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С.112-120.
8. Крекотнев Р.Н., Курбанов Т.Х., Пахомов В.И. Научно-методический аппарат адаптивного управления объектами складской оборонной инфраструктуры. СПб.: Копи-р Групп, 2016. 156 с.
9. Курбанов А.Х., Зыков Д.Н. Алгоритм распределения логистических мощностей производственно-логистических комплексов между государственными и частными потребителями // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2015. № 3 (221). С. 295–302.
10. Курбанов А.Х., Курбанов Т.Х. Методика оперативно-экономической оценки степени соответствия объектов логистической инфраструктуры потребностям организации // Логистика. 2012. № 3. С. 41–43.
11. Курбанов А.Х., Мостовой А.В., Мартынов М.В. Концепция военной логистики в современных социально-экономических условиях // Логистика. 2012. № 10. С. 55–59.

12. Малыхин Ф. М. Тыл Советских Вооружённых сил за 50 лет // Тыл и снабжение Советских Вооружённых сил. 1968. № 2. С. 16–22.
13. Плотников В.А. Интеграция военного и гражданского секторов экономики как тенденция строительства военной организации страны (по материалам Тыла Вооружённых сил Российской Федерации) // Вооружение и экономика. 2010. № 2 (10). С. 85–88.
14. Уотерс Д. Логистика. Управление цепью поставок: пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 503 с.
15. Фокин Н.Л., Плотников В.А. Экономическое обоснование решений по развитию инфраструктурных систем (на примере складской базы) // Экономика и управление. 2008. № 2. С. 126–129.
16. Шапиро Дж. Моделирование цепи поставок: пер. с англ. СПб.: Питер, 2006. 720 с.
17. Menard C. The Economics of Hybrid Organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. Т. 160. P. 345–376.
18. Plotnikov V.A., Kurbanov A.Kh., Tselykovskih A.A. Economic mechanism to ensure military security at the micro-economic level: the experience of the Russian Federation // Studia Securitatis: Security Studies Magazine. 2015. Tome IX. No. 2. P. 132–139.
19. Wang Mei-yuan, Lu Yao-bin, Zhang Jin-long. Software outsourcing risk management: establishing outsourcee evaluation item system // Journal of Zhejiang University SCIENCE A. 2006. No. 7(6) P. 1092–1098.
20. Williamson Oliver E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // Administrative Science Quarterly. 1991. V. 36. No. 2. P. 269–296.

References

1. Bauersoks D.Dzh., Klos D.Dzh. *Logistika: integrirovannaya cep' postavok* [Logistics: the integrated supply chain: translation from English]. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. 640 p.
2. Bulgakov D.V. *Ekonomicheskie osnovy i osobennosti upravleniya tylom silovykh struktur gosudarstva* [Economic fundamentals and management features

- rear power structures of the state]. *Problemy sovremennoj ehkonomiki* [Problems of modern economy]. 2007. № 3. pp. 342–348.
3. Vahrushev Yu.M., Rudenko A.E., Kurbanov A.H. *Metodicheskie osnovy vybora ispolnitelej zakazov na postavku produkcii, vypolnenie работ, okazanie uslug v interesah voennoj organizacii* [Methodical bases of selection of orders implementing the supply of goods, works and services for the military organization]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship]. 2013. № 7, pp. 342–345.
 4. Gadzhinskij A.M. *Logistika* [Logistics]. M.: Dashkov i Ko, 2010. 481 p.
 5. Dybskaya V.V. *Upravlenie skladirovaniem v cepyah postavok* [Warehousing management in supply chains]. M.: Al'fa-Press, 2009. 720 p.
 6. Konovalov V.B., Trishunkin V.V. *Perspektivnye napravleniya razvitiya i puti sovershenstvovaniya voennoj logistiki* [Perspective directions of development and ways to improve military logistics]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economy and Entrepreneurship]. 2014. № 4-1, pp. 455–458.
 7. Kotlyarov I.D. *Primenenie outsorsinga v gosudarstvennoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii* [The use of outsourcing in the state in the Russian Federation]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal management]. 2012. № 2, pp. 112–120.
 8. Krekotnev R.N., Kurbanov T.H., Pahomov V.I. *Nauchno-metodicheskij apparat adaptivnogo upravleniya ob"ektami skladskoj oboronnoj infrastruktury* [Scientific – methodical apparatus of adaptive management objects warehouse defense infrastructure]. SPb.: Kopi-r Grupp, 2016. 156 p.
 9. Kurbanov A.H., Zykov D.N. *Algoritm raspredeleniya logisticheskikh moshchnostej proizvodstvenno-logisticheskikh kompleksov mezhdru gosudarstvennymi i chastnymi potrebitelyami* [Distribution Algorithm logistics facilities production and logistics complexes between public and private consumers]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SpbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 2015. № 3 (221), pp. 295–302.
 10. Kurbanov A.H., Kurbanov T.H. *Metodika operativno-ehkonomicheskoy ocenki stepeni sootvetstviya obektov logisticheskoy infrastruktury potrebnostyam organizacii* [Methods of operational-economic assessment of the degree of com-

- pliance of logistical infrastructure needs of the organization]. *Logistika* [Logistics]. 2012. № 3, pp. 41–43.
11. Kurbanov A.H., Mostovoj A.V., Martynov M.V. *Koncepciya voennoj logistiki v sovremennyh social'no-ehkonomicheskikh usloviyah* [Military logistics concept in modern social and economic conditions]. *Logistika* [Logistics]. 2012. № 10, pp. 55–59.
 12. Malyhin F. M. *Tyl Sovetskikh Vooruzhyonnyh sil za 50 let* [The rear of the Soviet Armed Forces for 50 years]. *Tyl i snabzhenie Sovetskikh Vooruzhyonnyh sil* [The rear and supply the Soviet armed forces]. 1968. № 2, pp. 16–22.
 13. Plotnikov V.A. *Integraciya voennogo i grazhdanskogo sektorov ehkonomiki kak tendenciya stroitel'stva voennoj organizacii strany (po materialam Tyla Vooruzhyonnyh sil Rossijskoj Federacii)* [The integration of military and civilian sectors of the economy the trend of building the military organization of the country (based on Logistics of the Armed Forces of the Russian Federation)]. *Vooruzhenie i ehkonomika* [Arms and the economy]. 2010. № 2 (10), pp. 85–88.
 14. Uoters D. *Logistika. Upravlenie cep'yu postavok* [Supply Chain Management]: translation from English. M.: YUNITI-DANA, 2003. 503 p.
 15. Fokin N. L., Plotnikov V. A. *Ekonomicheskoe obosnovanie reshenij po razvitiyu infrastrukturnyh sistem (na primere skladskoj bazy)* [The economic rationale of decisions on the development of infrastructure systems (for example, storage facilities)]. *Ekonomika i upravlenie* [Economy and Management]. 2008. № 2, pp. 126–129.
 16. Shapiro Dzh. *Modelirovanie cepi postavok* [Modeling of supply chain]: translation from English. SPb.: Piter, 2006. 720 p.
 17. Menard C. The Economics of Hybrid Organizations. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 2004. Vol. 160, pp. 345–376.
 18. Plotnikov V.A., Kurbanov A.Kh., Tselykovskih A.A. Economic mechanism to ensure military security at the micro-economic level: the experience of the Russian Federation. *Studia Securitatis: Security Studies Magazine*. 2015. Tome IX. No. 2, pp. 132–139.

19. Wang Mei-yuan, Lu Yao-bin, Zhang Jin-long. Software outsourcing risk management: establishing outsourcee evaluation item system. *Journal of Zhejiang University SCIENCE A*. 2006. No. 7(6), pp. 1092–1098.
20. Williamson Oliver E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives. *Administrative Science Quarterly*. 1991. V. 36. No. 2, pp. 269–296.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Курбанов Тимур Хусаннович, докторант кафедры «Материального обеспечения», кандидат экономических наук
Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва
Набережная Макарова, 8, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
kurbanov.t.h@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Timur Khusainovich Kurbanov, doctoral candidate of the chair Material support, candidate of economic Sciences
Military Academy of logistics behalf of the army General A.V. Khruleva
Makarov embankment, 8, St. Petersburg, 199034, Russian Federation
kurbanov.t.h@yandex.ru
SPIN-code: 3083-5259
ORCID: 0000-0002-0240-9075

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-244-262

УДК 330.8

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСАКЦИЙ: ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Марущак И.В.

Эволюция теории транзакций представляет собой сложный, неравномерный процесс, включающий стадии метафоризации, концептуализации и операционализации. От смутного понимания роли транзакций в разделении и кооперации труда в обществе, экономисты перешли к измерению транзакционных издержек на микро- и макроуровнях экономики. Вместе с тем, базовая для институционализма категория транзакций остается недостаточно точно и однозначно определенной, их классификации все еще неустойчивы и открыты для дискуссий.

В статье проведен анализ развития концепций транзакций, выделены соответствующие подходы, их достижения и области дискуссий. Выявлено, что в ходе своего развития теория транзакций приняла несколько односторонний характер, связанный с суженной трактовкой транзакций как рыночных обменов титулами собственности, а также их негативной интерпретацией с позиций транзакционных издержек. Показано, что транзакция может пониматься в широком смысле как обмен ее сторон различными действиями; именно такой расширительный подход позволяет учесть комплексность и междисциплинарный характер транзакций. Введено понятие транзакционной парадигмы, которая рассматривается как совокупность концепций и теорий, объединенных общей фокусировкой анализа на нематериальных аспектах и элементах экономических систем, в том числе на роли транзакций и отношений. В рамках транзакционной парадигмы становится воз-

возможным учетом тех концепций, которые не относятся к теории трансакционных издержек, а также имеют иную дисциплинарную природу.

Цель – систематизация эволюции взглядов и подходов в рамках теории трансакций как фундаментальной компоненты институционально-эволюционной экономической теории.

Метод или методология проведения работы: методология исследования включает дескриптивный, компаративный и эволюционный анализ.

Результаты: проведен анализ эволюции теории трансакций, выявлены ее достижения, направления и проблемы; введено понятие трансакционной парадигмы для обобщенной характеристики концепций трансакций, не связанных с теорией трансакционных издержек; обоснована целесообразность использования расширительной трактовки трансакций в целях учета междисциплинарности данного феномена.

Область применения результатов: обоснованные в статье методологические позиции могут быть использованы для дальнейшего углубления экономической теории трансакций и общей институциональной теории.

Ключевые слова: трансакции; отношения; трансакционные издержки; институты; трансакционная парадигма.

FORMATION OF THE CONCEPT OF TRANSACTION: HISTORICAL-GENETIC APPROACH

Marushchak I.V.

Evolution of the theory of transactions represents the difficult, uneven process including stages of metaphorization, conceptualization and operationalization. From vague understanding of a role of transactions in division and cooperation of labour in society, economists have passed to measurement of transaction costs on micro- and macrolevels of economy. At the same time, the basic for institutionalism category of transaction remains insufficiently pre-

cisely and is still unstable and unambiguously certain, also its classifications are open for discussions.

In article the analysis of various concepts of transactions is carried out, the corresponding approaches, their achievements and areas of discussions are allocated. It is revealed that during the development the theory of transactions has accepted a little unilateral character connected with the narrowed interpretation of transactions as market exchanges of property titles, and also their negative interpretations from positions of transaction costs. It is shown that transaction can be understood in a broad sense as an exchange of its parties of various actions; such broad approach allows to consider complexity and interdisciplinary nature of transactions. The transactional paradigm is considered as set of the concepts and theories united by the general focusing of the analysis on non-material aspects and elements of economic systems, including roles of transaction and economic relations. Within a transactional paradigm there is possible an accounting of those concepts which don't belong to the theory of transaction costs, and also have other disciplinary nature.

Purpose – systematization of evolution of views and approaches within the theory of transactions as fundamental components of the institutional and evolutionary economic theory.

Methodology: methodology of research includes the descriptive, comparative and evolutionary analysis.

Results: analysis of evolution of the transaction theory is carried out, its achievements, directions and problems are revealed; the concept of a transactional paradigm for the generalized characteristic of concepts of the transactions which aren't connected with the theory of transaction costs is entered; expediency of use of broad interpretation of transaction for the accounting of interdisciplinarity of this phenomenon is proved.

Practical implications: methodological positions proved in article can be used by economists-theorists for developing of economic theory of transactions and general institutional theory.

Keywords: transactions ; relations; transaction costs; institutions; transactional paradigm.

Лидеры всех наиболее влиятельных течений в экономической науке делали акцент на роли нематериальных, невещественных элементов, процессов и свойств хозяйственных систем.

Трансакция – базовое понятие, с которого начинается многоаспектная характеристика нематериальной составляющей экономического развития. Впервые со всей определенностью выдвинул трансакции в центр экономического анализа один из ведущих представителей раннего институционализма Дж. Коммонс в книге «Правовые основания капитализма» (1924 г.). В ней он проводил разграничение двух альтернативных форм хозяйственной деятельности людей. По его мнению, «поведение индивидов подразделяется на два следующих типа операций: действие и взаимодействие с силами природы и сделки с другими лицами. Первое – это производство и потребление богатства; второе – покупка и продажа, заимствование и кредитование, аренда и сдача внаем, прием на работу и увольнение, обмен, конкурирование и управление» [4, с. 18]. Фактически речь идет о выделении трансформаций и трансакций как функционально специализированных видов экономической деятельности. Трансформации связаны с производством и потреблением благ, т.е. изменением их материальной, вещественной формы, тогда как трансакции включают разнообразные формы взаимодействий людей в ходе совместной хозяйственной деятельности.

На фундаментальную роль трансакций в прогрессе общественного разделения труда указывал еще А. Смит, делая акцент на трансакциях обмена. Он писал: «Разделение труда... представляет собой последствие – хотя очень медленно и постепенно развивающееся – определенной склонности человеческой природы, ...а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой» [11, с. 27]. Усложнение трансакций является импульсом углубления разделения труда в обществе, а, следовательно, прогрессивных структурных сдвигов в экономике. Вместе с тем, трансформации и трансакции недопустимо противопоставлять по критерию их роли в экономическом развитии, поскольку эти типы хозяй-

ственной деятельности предельно тесно взаимосвязаны и являются элементарными (взаимодополняющими).

Дж. Коммонс подверг критике классические экономические концепции, базирующиеся на индивидуалистической методологии, с позиций реальной юридической практики: «В то время как экономисты начинают с товара или с чувства индивида в отношении товара, суд начинает со сделки. Его элементарный объект исследования – не индивид, но два или более индивидов (истец и ответчик), являющиеся разными сторонами одной или более сделок... Как для современного физика или химика элементарным объектом является не атом, но электрон, всегда пребывающий в движении, так и для суда элементарным объектом является не индивид, но два или более индивидов в действии. Суд всегда схватывает их только в движении. Их движение есть сделка» [4, с. 17]. Тем самым обосновывалась целесообразность методологического сдвига от изучения достаточно абстрактного процесса рыночного обмена к анализу его мельчайших единиц – транзакций [20, р. 28; 25, р. 445]. Под транзакциями понимались «отчуждение и приобретение индивидами прав будущей собственности на материальные блага, обусловленные действующими в обществе правилами», или, упрощенно, «трансферы прав собственности» [21, р. 58]. По мнению Дж. Коммонса, если предмет классической экономической теории составляют различные рынки, то предметом институциональной экономики являются «транзакции людей в ходе производства, приобретения и нормирования богатства посредством сотрудничества, конфликтов и установления правил игры» [21, р. 121]. При этом любые индивидуальные действия рассматривались как «транс-действия» (trans-actions), т.е. действия, прямо или косвенно направленные на других людей [21, р. 73], интегрированные в систему норм и правил (институтов) и организаций, т.е. в систему коллективных действий [20, р. 39].

Теория транзакций неоднократно критиковалась, в особенности советскими экономистами, за преувеличение (гипертрофию) роли формально-правовых отношений, в результате чего «сделка (или соглашение), т.е.

юридический акт, рассматривается как центральный элемент экономических отношений» [12, с. 60]. Основанием этой критики стал постулат марксистской политической экономии о вторичности юридических отношений (правоотношений) перед экономическими отношениями и трансакциями (сделками). «Юридические формы, – подчеркивал К. Маркс, – в которых... экономические сделки проявляются как добровольные действия участников, как выражения их общей воли и как обязательства, к выполнению которых каждую из сторон принуждает государство, – эти юридические формы, будучи только формами, не могут сами определить этого содержания сделок. Они только выражают его» [6, с. 373], при этом «содержание этого юридического... отношения дано самим экономическим отношением» [5, с. 91]. Советскими критиками особо подчеркивалось, что в работах Дж. Коммонса любая трансакция представляется «как сделка формально свободных договаривающихся сторон; эксплуатация наемного труда и связанные с ней антагонистические противоречия исключаются из рассмотрения» [5, с. 61]. Безусловно, в значительной степени эта критика была идеологически обусловленной, поскольку капитализм рассматривался в качестве враждебной советскому строю системы, разрываемой изнутри глубочайшими противоречиями, а любые концепции, исследовавшие эволюционный, а не революционный вариант развития капиталистических институтов, маркировались как «буржуазные» и «вульгарные». В теоретической конструкции Дж. Коммонса значительное внимание уделялось конфликтам и неравенству сторон трансакций с точки зрения их переговорной силы [20, р. 35], хотя, конечно, он не был сторонником марксистской теории классовой борьбы.

Что же касается сугубо юридической трактовки трансакций, это не вполне соответствует реальным воззрениям Дж. Коммонса, который, напротив, указывал на многоаспектную сложность трансакций как объекта анализа и необходимость использования междисциплинарного подхода (включающего экономику, юриспруденцию, физику, философию, политологию, психологию и этику) [4, с. 14], поскольку «любая сделка может

рассматриваться с разных точек зрения, каждая из которых представляет собой разнопорядковые явления, так что мы не можем по существу объяснить, как одно переходит в другое» [4, с. 96]. Достижением Дж. Коммонса следует признать обоснование того факта, что экономические, правовые и прочие аспекты трансакций в реальности неразрывно связаны («в науке о человеческих сделках нет четкой границы... между экономикой, этикой и правом» [4, с. 413]), а их искусственное разделение является не более, чем аналитическим приемом для целей специальных исследований. В этом смысле более прямолинейной и механистичной выглядит как раз теоретическая конструкция К. Маркса.

Несмотря на оригинальность и целостность теории Дж. Коммонса, определение трансакций сохраняет дискуссионность на протяжении многих десятилетий. Например, согласно О. Уильямсону, «трансакция имеет место тогда, когда товар или услуга переходит от заключительной точки одного технологического процесса к исходной точке другого, смежного с первым», т.е. «пересекает границу смежных технологических процессов» [13, с. 27]. Ограниченность такого подхода, по мнению Э. Фуруботна и Р. Рихтера, связана с тем, что «в соответствии с этой интерпретацией, использование данного термина ограничено ситуациями, когда ресурсы действительно перемещаются в физическом смысле “поставки”» [15, с. 56]. Однако их критика не выглядит убедительной, поскольку О. Уильямсон ведет речь о трансакциях как с товарами, так и с услугами, в случае же последних никакого их физического перемещения не происходит. Поэтому ученые вынуждены сделать оговорку, согласно которой «понимаемое широко перемещение товара или услуги подразумевает включение таких видов деятельности, как передача порций информации или пакетов знаний, например, в связи с консультационными или образовательными услугами, исследованиями и разработками и т.д.» [15, с. 56], что расширяет понятие трансакции. Главной проблемой определения, предложенного О. Уильямсоном, на наш взгляд, является именно связь трансакций с границами технологических процессов, поскольку в этом случае не учи-

тываются трансакции в рамках одного техпроцесса (между технологическими операциями), а также сложные рыночные трансакции (например, посреднические операции или многоэтапные продажи). Возможно, такое слабое определение (которое в тексте его главной книги «Экономические институты капитализма» встречается всего дважды) вызвано основным акцентом на трансакционных издержках, а не собственно на трансакциях.

По мнению Дж. Ходжсона, «позитивным аспектом аргументации Уильямсона является отрицание чрезмерного правового формализма, когда предполагается, что соглашения об обмене всегда бывают выражены в формальных юридических терминах и стороны не могут шагу ступить без судов» [16, с. 231]. Данное замечание неявно адресовано подходу Дж. Коммонса, в котором судам отводится ключевая роль регулятора трансакций в рыночной экономике, что, бесспорно, смещает акцент на формальные (юридически оформленные) трансакции, приуменьшая значение неформальных трансакций, в том числе осуществляемых в рамках фирм. Как отмечали в своей статье 1985 г. Дж. Миллер и Т. Уоллманн, внутрифирменные трансакции представляют собой обмены материалами и/или информацией, необходимыми для производственного процесса, но не обязательно создающими какой-либо материальный продукт [26]. Такие трансакции связаны с обеспечением логистики, материально-техническим снабжением, подбором и расстановкой кадров, планированием, контролем качества, ведением баз данных, коммуникациями и т.д. и они далеко не всегда сопровождаются документальным оформлением.

Вместе с тем, некоторые ведущие ученые придерживаются восходящей к трудам Дж. Коммонса в большей степени юридической интерпретации трансакций: так, Д. Норт относит к трансакциям действия «определения, защиты и обеспечения прав собственности на продукцию (право использования, право получения дохода от использования, право исключения использования другими лицами и право производить обмен)» [8, с. 46]. Следует отметить, что, как и в случае О. Уильямсона, для Д. Норта определение трансакций не было основной целью, поэтому он

предложил скорее рабочую формулировку, чем развернутую дефиницию. Оригинальную попытку уточнения определения Дж. Коммонса предпринял К. Менар: он предлагает называть транзакцией «любой трансферт прав пользования товарами и/или услугами между технологически разделяемыми единицами» [7, с. 118]. Причем смещение акцента с прав собственности (как у Дж. Коммонса) на права пользования приводит к тому, что помимо рыночных сделок концепция транзакций включает «транзакции и внутри организаций (например, между подразделениями мультидивизиональной фирмы), и в рамках иных соглашений (например, в планируемой из центра экономике), при которых передача прав не связана с трансфертом прав собственности» [7, с. 118]. Заметим, что в трактовке К. Менара допущена неточность, искажающая ее смысл: пользование представляют собой одно из трех правомочий собственности наряду с владением и распоряжением, причем пользование – это наиболее ограниченное право собственности, связанное лишь с фактическим использованием ее объекта и извлечением его полезных свойств. Например, работники фирмы в процессе своей трудовой деятельности используют различные факторы производства (технику, материалы и т.п.), владельцем которых является собственник данной фирмы. Неясно, почему К. Менар, верно учитывая в своей концепции транзакций передачу прав пользования, игнорирует права владения и распоряжения. Также не вполне понятна попытка объединить в одном определении и транзакции, связанные с трансфертом прав собственности, и не связанные с ним (хотя даже в централизованной экономике транзакции все же предполагают передачу прав пользования). С экономико-правовой точки зрения более корректным определением транзакции является трансферт «пучка прав» собственности между хозяйствующими субъектами. «Пучок прав» собственности представляет собой комплекс частичных правомочий, более специфичных, чем функции пользования владения и распоряжения. Так, в определении А. Оноре (1961 г.) выделялось 11 правомочий, включая права пользования, владения, запрета вредного использования, передачи

по наследству, бессрочности и др. [23]. Были предложены и другие варианты набора правомочий собственности. Концепция «пучка прав», несмотря на ее критику, позволяет преодолеть представление о собственности как монолитной конструкции, обеспечивая детализацию специфики взаимосвязанных правомочий и соответствующих им полномочий, привилегий и обязательств, а также выдвигание на передний план проблемы выбора конфигурации прав собственности для каждой конкретной трансакции [18, pp. 59–60, p. 100].

Поскольку трансакции представляют собой сложное, многомерное явление, перспективными являются их расширительные трактовки [14, с. 83]. В частности, Э. Фуруботн и Р. Рихтер полагают, что в широком смысле «экономические трансакции можно трактовать как специфический вид социальных трансакций, т.е. социальных действий, необходимых для формирования и поддержания институциональных рамок, в которых осуществляется экономическая деятельность» [15, с. 57]. Данное определение вплотную пересекается с позицией Д. Бромли, привлечшего особое внимание к институциональным трансакциям, связанным с изменением сложившихся «правил игры» (институтов) [19, p. 49], или политическим трансакциям по терминологии Э. Фуруботна и Р. Рихтера. Проблема их определения связана с нечеткостью критерия отнесения тех или иных действий к необходимым для институционального развития. Ведь любые действия людей и организаций так или иначе необходимы для формирования и, особенно, поддержания институциональной структуры экономики, поскольку, как указывал Д. Норт, именно «люди развивают и изменяют институты», а «организации оказывают влияние на процесс изменения институциональных рамок» [8, с. 20]. Это ведет к размыванию границ трансакций и снижает аналитическую ценность данной категории. Опять же, в данном случае определение скорее выполняет функцию акцентирования внимания на определенном свойстве трансакций, чем является попыткой их содержательной, комплексной характеристики.

Интегративного понимания трансакций придерживается А. Грейф: «Транзакция определяется здесь как действие, совершаемое, когда нечто (например, товар, социальная установка, эмоция, мнение или информация) переходит от одной социальной единицы к другой» [1, с. 72]. В такой трактовке к трансакциям относятся и рыночные сделки, и коммуникации, и взаимодействия с государством (например, получение разрешений, регистрация и т.д.), а передача прав собственности не является ключевым признаком трансакций. Отсюда следует, что «трансакции могут быть экономическими (например, выдача денежного вознаграждения), политическими (голосование в конгрессе) или социальными (общественное одобрение)» [1, с. 72]. При этом следует учитывать уточнение Дж. Коммонса о том, что в определенном смысле «каждая сделка является экономической, поскольку любой индивид стремится использовать наилучшим образом в своих целях собственные ограниченные ресурсы и способности» [4, с. 146]. Определение А. Грейфа, по нашему мнению, имеет наиболее конструктивный, интегративный характер, взаимоувязывая различные аспектные трактовки трансакций. Трансакция в интегративном (обобщающем) смысле – это действие передачи материальных и/или нематериальных благ (объектов) между хозяйствующими субъектами, сопровождающееся трансфертом «пучка прав» собственности в неоднородной институциональной среде.

В российской экономической науке существуют примеры оригинальных трактовок понятия трансакции. Так, Е. Попов в монографии «Трансакции» (2011 г.) дает следующее определение: «Трансакция – это процесс передачи прав собственности или ограничения деятельности между экономическими агентами» [10, с. 33]. Каким именно образом в ходе трансакции могут передаваться ограничения деятельности, автор не поясняет, отмечая лишь, что институциональный подход «исходит из постулата об ограниченности действий участников хозяйственной деятельности» [10, с. 72]. Однако институционалисты традиционно исходили из внешней ограниченности действий хозяйствующих субъектов институтами – нор-

мами, правилами, обычаями, практиками и т.д.; неясно также, почему в ходе трансакций передаются исключительно ограничения, а не возможности деятельности. Данное определение, видимо, является еще не завершенным.

Политэкономическую интерпретацию трансакций в русле марксистского подхода предлагает А. Шаститко: «Используя терминологию К. Маркса, можно говорить о трансакции как об общественно определенной форме действий индивида, в результате которой сам индивид становится общественно определенным. Таким образом, трансакция оказывается действием, положенным взаимодействием между людьми» [17, с. 189–190]. Несмотря на присущую ему оригинальность, данному определению можно предъявить несколько критических замечаний: во-первых, индивидуалистическое понимание трансакций выводит из состава их участников организации, что сужает предмет трансакционной теории; во-вторых, любые действия индивидов в обществе являются общественно определенными, поскольку прямо или косвенно определяются (обусловливаются) обществом. По сути в такой интерпретации индивидуальные действия являются не отдельными единицами анализа, а элементами трансакции как структуры взаимодействия. Действия могут рассматриваться только в контексте трансакций, т.е. как социально определенные действия или «транс-действия» (trans-actions) по Дж. Коммонсу.

Пространственный аспект трансакций выделяет в своем определении Д. Замятин. В его трактовке трансакциями выступают образы экономического пространства: «Экономическое пространство, “населенное” различного рода экономическими агентами и имеющее сопротивление, трение в виде разных трансакционных издержек, понимается как целостный образ, являющийся сам по себе трансакцией или рядом трансакций» [2, с. 131]. Под образами пространства можно понимать ментальные модели пространственной структуры экономики, формирующиеся в массовом сознании населения различных территорий или отдельных социальных групп. Как подчеркивает Д. Норт, «представления имеют значения и как

они могут быть переведены в трансформацию окружающей человека действительности, зависит от институциональной структуры» [9, с. 20]. Вместе с тем, трудно согласиться с мнением о том, что «образы пространства в экономической деятельности являются трансакцией, поскольку могут замедлять или ускорять принятие соответствующих решений» [2, с. 130]. Во-первых, не все тормозящие принятие решений факторы относятся к трансакционным издержкам, во-вторых, пространственные образы не являются взаимодействиями хозяйствующих субъектов, следовательно, не могут быть отнесены к трансакциям, хотя и влияют на их осуществление. Поэтому вполне допустимо выделение образно-трансакционных издержек как специфического вида трансакционных издержек, связанных с формированием, распространением и восприятием различных образов экономического пространства [2, с. 129–130].

В контексте международной кооперации трансакция – это «определенное, согласованное изменение политики одной страны в обмен на определенное, согласованное изменение политики другой страны или ряда стран» [22, р. 14]. Если трансакции представляют собой соглашения об изменении политики, то институты – соглашения о том, как управлять трансакциями. К институтам относятся, в частности, процедуры урегулирования споров, а также действия при форс-мажорных ситуациях, когда непредвиденные обстоятельства изменяют преимущества, получаемые странами в результате трансакции, и требуют изменения ее условий [22, р. 14]. Международные трансакции, по мнению М. Джиллиана, представляют собой «не более чем обычный обмен услугами» [22, р. 14]. Такая трактовка расходится с позициями других исследователей, выделяющих в качестве важнейшего фактора международных трансакций наличие у государств трансакционной власти (*transacting power*) [27]. Таким образом, трансакция может пониматься в широком смысле как обмен ее сторон различными действиями, в том числе уступками или изменениями политики (стратегии) в отношении друг друга, не затрагивая при этом отношения и права собственности.

Преимуществами интегративной (по А. Грейфу) и расширительной (по М. Джиллиану) трактовки трансакций являются: перенос акцента с обмена правами собственности на обмен действиями, что позволяет избежать критики трансакций как сугубо правовой категории, не имеющей собственно экономического содержания; создание возможности учета сложности, многомерности и междисциплинарной сущности трансакций, что стимулирует к отказу от их упрощенных интерпретаций.

Эволюция теории трансакций в экономической науке до сих пор не становилась предметом специального исследования и наиболее часто рассматривалась фрагментарно (в основном с позиций оценки вклада основных представителей) или сводилась к теории трансакционных издержек. Несмотря на продвижения в количественном измерении уровня трансакционных издержек на микро- и макроуровнях [3, 23] в зависимости от различных эндогенных и экзогенных факторов, до сих пор измерительное направление трансакционного анализа находится в ситуации отсутствия общепринятого определения и типовой структуры трансакционных издержек, что вносит дополнительный диссонанс в растущий массив слабо сопоставимых между собой по методике эмпирических работ. На наш взгляд, представляется целесообразным введение понятия трансакционной парадигмы для обобщенной характеристики концепций и подходов к интерпретации трансакций, не связанных напрямую с теорией трансакционных издержек. Это позволит, с одной стороны, учесть в рамках экономической теории трансакций различные подходы (политэкономический, пространственный, интегративный, международный и др.), с другой стороны, создаст возможность преодоления односторонне-негативной трактовки трансакций с позиций порождения ими трансакционных издержек. Под трансакционной парадигмой предлагается понимать совокупность концепций и теорий, объединенных общей фокусировкой анализа на нематериальных аспектах и элементах экономических систем, в том числе на роли трансакций и отношений. В перспективе в рамках трансакционной парадигмы возможно проведение эволюционного анализа теории производственных и экономических отношений, маркетинга отно-

шений, отношенческого менеджмента и социально-сетевой теории организаций. Это позволит сформировать целостную научную картину развития транзакционного анализа в экономической науке.

Список литературы

1. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 536 с.
2. Замятин Д.Н. Пространство как образ и транзакция: к становлению экономики // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 129–142.
3. Кирьянов И. Количественный анализ транзакционных издержек: кардиналистский подход // *Проблемы теории и практики управления*. 2015. № 3. С. 125–135.
4. Коммонс Дж.Р. Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 416 с.
5. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. М.: Госполитиздат, 1951. 794 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III. Кн. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд-е 2-ое. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1961. 546 с.
7. Менар К. Экономика транзакционных издержек: от теоремы Коуза до эмпирических исследований / *Институциональная экономика: учебник* / под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М, 2005. 704 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
9. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
10. Попов Е.В. Транзакции. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 679 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. 4-е изд. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 684 с.
12. Сорокина С.Г. Сценарии будущего или иллюзии прошлого? Об институционализме как направлении буржуазной экономической мысли. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 176 с.

13. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат : CEV Press, 1996. 702 с.
14. Фролов Д.П. Аксиоматика, гипотетика и будущее теории транзакционных издержек // Журнал экономической теории. 2012. № 2. С. 83–93.
15. Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2005. 702 с.
16. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003. 464 с.
17. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Эконом. фак-т МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.
18. Baron J.B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law // University of Cincinnati Law Review. 2014, vol. 82, no 1, pp. 57–101.
19. Bromley D.W. Economic Interests and Institutions: The Conceptual Foundations of Public Policy. N.Y., Oxford: Basil Blackwell 1989. 274 p.
20. Chavance B. John Commons's Organizational Theory of Institutions: a Discussion // Journal of Institutional Economics. 2012, vol. 8, no 1, pp. 27–47.
21. Commons J.R. Institutional Economics. Its Place in Political Economy. 2 vols. Vol. 1. New Brunswick, London: Transactions Publishers, 2009. 648 p.
22. Gilligan M.J. The Transactions Costs Approach to International Institutions // Power, Interdependence and Nonstate Actors in World Politics / ed. by H.V. Milner, A. Moravcsik. Princeton: Princeton University Press, 2009, pp. 50–65.
23. Hardt L. Transaction Cost Economics as a Three Dimensional Externally Driven Research Program // Economic Studies. 2006, no 1-2, pp. 7–31.
24. Honoré A.M. Ownership // Oxford Essays in Jurisprudence (First Series) / ed. by A.G. Guest. Oxford: Clarendon Press, 1961, pp. 107–147.
25. John R. Commons: Selected Essays. 2 vols. Vol. 2 / Rutherford M., Samuels W. (eds.). London: Routledge, 1996. 537 p.
26. Miller J.G., Vollmann T.E. The Hidden Factory // Harvard Business Review. 1985, vol. 63, no 5, pp. 142–150.

27. Trachtman J.P. The Theory of the Firm and the Theory of the International Economic Organization: Toward Comparative Institutional Analysis // *Northwestern Journal of International Law and Business*. 1997, vol. 17, pp. 470–555.

References

1. Greif A. *Instituty i put'k sovremennoj jekonomike. Uroki srednevekovoj trgovli* [Institutions and the path to the modern economy. Lessons from Medieval Trade]. Moscow: Publ. of Higher school of Economics, 2013. 536 p.
2. Zamjatin D.N. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2008, no 2, pp. 129–142.
3. Kir'janov I. *Problemy teorii i praktiki upravlenija* – Problems of Theory and Management Practice, 2015, no 3, pp. 125–135.
4. Commons J.R. *Pravovye osnovanija kapitalizma* [Legal Foundations of Capitalism]. Moscow: Publ. of Higher school of Economics, Начало формы 2011. 416 p.
5. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii* [Capital. Critique of Political Economy]. T. I. Book. I. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 794 p.
6. Marx K., Engels F. *Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii* [Capital. Critique of Political Economy]. T. III. Book. III. *Sochinenija*. Izd-e 2-oe. T. 25. Ch. I. Moscow: Gospolitizdat, 1961. 546 p.
7. Menar C. *Jekonomika transakcionnyh izderzhek: ot teoremy Kouza do jempiricheskih issledovanij. Institucional'naja jekonomika: uchebnik* [The Economics of Transaction costs: the Coase Theorem to Empirical Studies. Institutional Economics: a textbook] / A. Olejnik (ed.). Moscow: INFRA-M, 2005. 704 p.
8. North D. *Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki* [Institutions, Institutional change and Economic performance]. Moscow: Fond jekonomicheskij knigi «Nachala», 1997. 180 p.
9. North D. *Ponimanie processa jekonomicheskij izmenenij* [Understanding the Process of Economic change]. Moscow: Publ. Gos. Univ. – Higher school of Economics Publ. Gos. un-ta – Higher school of Economics, 2010. 256 p.

10. Popov E.V. *Transakcii* [Transactions]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 679 p.
11. Smith A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov 4-e izd.* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations. 4th edition]. Moscow: Publ. social'no-jekonomicheskoy literatury, 1962. 684 p.
12. Sorokina S.G. *Scenarii budushhego ili illjuzii proshlogo? Ob institucionalizme kak napravlenii burzhuaznoj jekonomicheskoy mysli. Izd. 2-e* [Future scenarios or illusions of the past? About the Institutionalism as the direction of bourgeois Economic thought. 2th edition]. Moscow: Publ. «LIBROKOM», 2011. 176 p.
13. Williamson O.E. *Jekonomicheskie instituty kapitalizma: Firmy, rynki, «otnoshencheskaja» kontraktacija* [Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, «relational» Contracting]. Saint-Petersburg: Lenizdat: CEV Press, 1996. 702 p.
14. Frolov D.P. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii* – Journal of Economic Theory, 2012, no 2, pp. 83–93.
15. Furubotn E.G., Rihter R. *Instituty i jekonomicheskaja teorija: Dostizhenija no-voj institucional'noj jekonomicheskoy teorii* [Institutions and Economic Theory: Achievements of new Institutional Economics]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2005. 702 p.
16. Hodgson J. *Jekonomicheskaja teorija i instituty: Manifest sovremennoj institucional'noj jekonomicheskoy teorii* [Economic Theory and Institutions: a Manifesto for a modern institutional Economics]. Moscow: Delo, 2003. 464 s.
17. Shastitko A.E. *Novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija. 3-e izd.* [The new institutional Economics. 3rd ed.]. Moscow: Economic department MGU, TEIS, 2002. 591 p.
18. Baron J.B. Rescuing the Bundle-of-Rights Metaphor in Property Law. *University of Cincinnati Law Review*. 2014, vol. 82, no 1, pp. 57–101.
19. Bromley D.W. *Economic Interests and Institutions: The Conceptual Foundations of Public Policy*. N.Y., Oxford: Basil Blackwell 1989. 274 p.
20. Chavance B. John Commons's Organizational Theory of Institutions: a Discussion. *Journal of Institutional Economics*. 2012, vol. 8, no 1, pp. 27–47.
21. Commons J.R. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy. 2 vols. Vol. 1*. New Brunswick, London: Transactions Publishers, 2009. 648 p.

22. Gilligan M.J. The Transactions Costs Approach to International Institutions. *Power, Interdependence and Nonstate Actors in World Politics* / ed. by H.V. Milner, A. Moravcsik. Princeton: Princeton University Press, 2009, pp. 50–65.
23. Hardt L. Transaction Cost Economics as a Three Dimensional Externally Driven Research Program // *Economic Studies*. 2006, no 1-2, pp. 7–31.
24. Honoré A.M. *Ownership*. Oxford Essays in Jurisprudence (First Series) / ed. by A.G. Guest. Oxford: Clarendon Press, 1961, pp. 107–147.
25. *John R. Commons: Selected Essays*. 2 vols. Vol. 2 / Rutherford M., Samuels W. (eds.). London: Routledge, 1996. 537 p.
26. Miller J.G., Vollmann T.E. The Hidden Factory. *Harvard Business Review*, 1985, vol. 63, no 5, pp. 142–150.
27. Trachtman J.P. The Theory of the Firm and the Theory of the International Economic Organization: Toward Comparative Institutional Analysis. *Northwestern Journal of International Law and Business*, 1997, vol. 17, pp. 470–555.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Марущак Ирина Валерьевна, соискатель кафедры маркетинга, кандидат экономических наук
Волгоградский государственный университет
Проспект Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
irishka.s.17@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Marushchak Irina Valerievna, postgraduate student «Marketing», Candidate of Economic Sciences
Volgograd state University
Prospekt Universitetskij, 100, Volgograd, 400062, Russian Federation
irishka.s.17@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://kras-science.ru/>)

Цель журнала – создание профессиональной площадки для обсуждения комплексной проблематики по вопросам международной и социально-экономической политики, экономики, управления, права и продвижения результатов российских научных исследований в глобальном научно-информационном пространстве.

Журнал «Наука Красноярья» осуществляет публикацию наиболее значимых научных работ, открывающих пути инновационной научно-практической деятельности, научно-исследовательских работ, разработок, инновационных программ и проектов для обеспечения конкурентных преимуществ экономики регионов России, а также результатов эмпирических исследований и экспериментов в сфере социально-экономической политики как в России, так и за рубежом. Особое внимание уделяется различным аспектам международного сотрудничества в области экономической теории, экономики, управления и права.

Требования к оформлению статей

Объем статей: 7-12 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-9. Рукописи большего объема принимаются по специальному решению Редколлегии.

Поля все поля – по 20 мм.

Шрифт основного текста Times New Roman

Размер шрифта основного текста 14 пт

Межстрочный интервал полуторный

Отступ первой строки абзаца 1,25 см

Выравнивание текста по ширине

Автоматическая расстановка переносов включена

Нумерация страниц не ведется

Формулы в редакторе формул MS Equation 3.0

Рисунки по тексту

Ссылки на формулу (1)

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой (на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://kras-science.ru/en/>)

The mission of the journal is to create a professional space for discussing complex issues of international and socio-economic policy, economics, management, law and promoting the results of Russian scientific research studies in the global scientific information space.

Nauka Krasnoyarya [Krasnoyarsk Science] publishes the most significant scientific papers on innovative issues, research, development, innovative programmes and projects to foster economic growth of the Russian regions, results of empirical research and experiments in both Russian and international socio-economic policies. Special emphasis is made on various aspects of international cooperation in the field of economic theory, economics, management and law.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript: 7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7-10.

Margins all margins – 20 mm each

Main text font Times New Roman

Main text size 14 pt

Line spacing 1.5 interval

First line indent 1,25 cm

Text align justify

Automatic hyphenation turned on

Page numbering turned off

Formulas in formula processor MS Equation 3.0

Figures in the text

References to a formula (1)

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА Говенко Ю.А., Таболова Э.С.	8
РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ МОНГОЛИИ Дугарова С.Ж.	23
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ПРАВА Евсеев И.В.	35
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ Храмцов А.Б.	51
О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОНЯТИЙ: ДИСЦИПЛИНА ТРУДА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) Шакирова И.А.	62
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ Шакирова И.А.	71

ПОЛИТОЛОГИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СФЕРЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАН С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ: НОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И АКТОРЫ Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д.	81
УСТОЙЧИВОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА Иванов Г.Я.	101
ОПЫТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Кочегарова Д.В., Новиков А.В.	114
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПЕРИОДЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНДЕКСЫ ДЕМОКРАТИИ Никотин Д.А.	127
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИМИДЖЕЛОГИИ Телятник Т.Е.	142

ЭКОНОМИКА

ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА Берман С.С., Медведева В.Р.	153
АГРАРНЫЙ СЕКТОР ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Комов И.В., Яковенко Н.В.	169
ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Коробейникова Е.В., Лаптева Е.В.	190

ЦЕННОСТЬ И ЦЕНА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ФАРМБИЗНЕСА (АПТЕЧНЫЙ СЕГМЕНТ) Кузина Н.В.	202
ТРАНСФОРМАЦИЯ СКЛАДСКИХ ЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ (НА ПРИМЕРЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ) Курбанов Т.Х.	226
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСАКЦИЙ: ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД Марушак И.В.	244
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	263

CONTENTS

STATE AND LAW

CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF LIFE OF A NEWBORN BABY Govenko Y.A., Tabolova E.S.	8
THE REGULATION OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MEDIEVAL MONGOLIA Dugarova S. Zh.	23
THE MAJOR TRENDS IN THE PENAL SYSTEM Evseev I.V.	35
THE MAIN DIRECTIONS OF REALIZATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE TYUMEN REGION Khramtsov A.B.	51
ABOUT INTERRELATION OF CONCEPTS: DISCIPLINE OF LABOUR AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT) Shakirova I.A.	62
ABOUT SOME FEATURES OF LEGAL REGULATION OF THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY UNDER NEW ECONOMIC POLICY Shakirova I.A.	71

POLITICS

INFORMATION TECHNOLOGY ADOPTION: THE EMERGENCE OF NEW COMPETENCIES AND ACTORS Dyakova E.G., Trahtenberg A.D.	81
---	----

THE RESISTANCE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN MODERN RUSSIA IN CONDITIONS OF SYSTEM CRISIS Ivanov G.J.	101
THE EXPERIENCE OF MODERNIZATION OF THE PARTY SYSTEM IN THE UK FOR MODERN RUSSIA Kochegarova D.V., Novikov A.V.	114
POLITICAL REGIME IN POST-SOVIET RUSSIA: PERIODS OF TRANSFORMATION AND INDICES OF DEMOCRACY Nikotin D.A.	127
PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF POLITICAL IMAGEOLOGY Telyatnik T.E.	142
ECONOMICS	
APPROACHES TO THE FORMATION OF REGION COMPETITIVENESS Berman S.S., Medvedeva V.R.	153
AGRICULTURAL SECTOR IN THE VORONEZH REGION: MODERN SITUATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS Komov I.V., Yakovenko N.V.	169
PREDICTING THE MAIN LEVEL OF THE RUSSIAN BANKING SECTOR INDICATORS Korobeynikova E.V., Lapteva E.V.	190
VALUE AND PRICE: ECONOMIC AND ETHICAL ASPECTS OF MODERN PHARMACEUTICAL BUSINESS (RETAIL SEGMENT) Kuzina N.V.	202
TRANSFORMATION OF WAREHOUSING AND LOGISTICS SYSTEMS (FOR EXAMPLE, INFRASTRUCTURE OF THE ARMED FORCES) Kurbanov T.Kh.	226

FORMATION OF THE CONCEPT OF TRANSACTION: HISTORICAL-GENETIC APPROACH Marushchak I.V.	244
RULES FOR AUTHORS	263

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 29.04.2016. Заказ НК22016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 19,5. Формат 60×84/16